

СМЕНА

№ 10 (1368) май 1984

**Кому
КАК НЕ МОЛОДЫМ
ПИСАТЕЛЯМ
СМЕЛО
ВТОРГАТЬСЯ В ЖИЗНЬ,
В САМУЮ
ЕЕ СЕРДЦЕВИНУ!**

Милослав

*Посвящается
VIII Всесоюзному
совещанию
молодых писателей*

БЫТЬ С ВЕКОМ НАРАВНЕ

Слово к молодым

Каждое новое поколение писателей приносит в литературу образы и атмосферу своего времени. Перед каждым поколением эпоха ставит особенные, неповторимые задачи. Но ответственность за свое дело, ответственность за литературу, которой ты решился посвятить жизнь, — это понятие неизменное. Оно не подвержено временным колебаниям. Оно всегда максимально, потому что совпадает с совестью художника.

Хорошо, что многие произведения участников УШ Всесоюзного совещания молодых писателей раскрывают нам современность, рисуют героев текущего момента истории, стремятся следовать проблемы и конфликты сегодняшнего дня. Радует и свежесть, которой, как из распахнутого окна, веет со страниц, написанных теми, кто только вступает в литературу. Но удач у молодых могло быть и больше. Книги о героях наших дней, героях нашего времени зачастую поверхностны, им не хватает объемного, подлинно правдивого изображения передового советского человека — главной фигуры нашей жизни и нашей литературы.

И говоря о нынешних молодых, об их ответственности перед партией и народом, я хочу особо подчеркнуть: каждая страница писателя, каждая строка обращены к людям, к требовательному сегодняшнему читателю, который не прощает неправды, художественной неточности, размытости гражданской позиции. Молодой писатель обязан быть с веком наравне и в значимости поднимаемых вопросов, и в правильности их осмысления, в точности, выверенности, подлинной художественности своего слова.

Т. Мартнов

первый секретарь
Правления Союза писателей СССР,
Герой Социалистического Труда

Мастера
о мастерстве,
долге,
достоинстве
и роли
писателя
в жизни
общества

ВЕЛИКИЙ МИР ЛИТЕРАТУРЫ

«Цель творчества — самоотдача...»

Вы взяли за перо... И первое, что необходимо понять, уяснить, воспринять как непреложную истину: цель подлинного искусства, словесного творчества — это не удовлетворение личного желания писать, а обязанность сказать о человеке, о душе и труде его то, что подвластно и доступно только искусству. А случится это лишь тогда, когда всю жизнь свою вы посвятите людям, когда первым вашим помощником станет труд, тяжкий, каждодневный, неотрывный. Труд, который становится высочайшей радостью, если совершается он ради светлых идеалов. Только соединивши в себе все это, человек, наделенный талантом, способен сыграть в обществе ту роль, какую играли великие творцы, бывшие гласом и совестью человеческой.

Главная цель искусства, если есть искусство и есть у него цель, та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. От этого искусство. Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны.

Лев ТОЛСТОЙ

Служи не славе, не искусству —
Для блага ближнего живи,
Свой голос отдавая чувству
Всеобнимающей любви.

И если ты богат дарами,
Их выставляя не хлочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.

Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень...

Николай НЕКРАСОВ

«Я пишу не чернилами, как другие, — говорил Бернс, — я пишу кровью моего сердца и соком моих нервов». Так и только так должен писать каждый писатель. Кто пишет иначе, тому следует шить сапоги и печь кулебяки. Поэт, самый страстный и впечатлительный из всех писателей, конечно, не может составлять исключение из этого правила. А чтобы действительно писать кровью сердца и соком нервов, необходимо беспредельно и глубоко сознательно

любить и ненавидеть. А чтобы любить и ненавидеть и чтобы эта любовь и эта ненависть были чисты от всяких примесей личной выгоды и мелкого тщеславия, необходимо много передумать и многое узнать.

Дмитрий ПИСАРЕВ

Пыл и отвага охотников, лесорубов, тех, кто встает до солнца, кто обрабатывает огороды, сады, поля, любовь здоровых женщины к мужественности во внешнем облике, тяга к морским скитаниям, к объезде лошадей, к свету, открытому воздуху — все это свидетельства, что люди, которые живут на природе, обладают безошибочным чувством красоты и поэтическим импульсом... Вот что нужно делать: любить землю, и солнце, и животных, презирать богатство и не отказывать в подавнии ни одному просящему, защищать слабых умом и больших душой, отдавать другим свой труд и свои доходы, ненавидеть тиранов, воспринимать людей терпимо и доброжелательно, не снимать шляпы ни перед кем известным или неизвестным, ни перед одним человеком, ни перед какой группой людей, идти свободно вместе с могучими непорочными людьми, вместе с молодыми, вместе с матерями...

Уолт УИТМЕН

В трудах я забывал свои горести,
Труд — мое спасение. Во время одной
работы я отдыхаю от другой.

Оноре де БАЛЬЗАК

Литературный ремесленник, тот, кто до конца дней намерен заниматься поставкой халтуры, пусть не читает этой статьи: он только напрасно потратит время и испортит себе настроение. Она не содержит советов о том, как пристроить рукопись, как обработать материал, не содержит она и анализа капризов редакторского карандаша и замечаний об извечном коварстве наречий и прилагательных. Неисправимые «борзописцы», она написана не для вас! Статья предназначена тому писателю (пусть даже он пока выдает посредственную продукцию), у которого есть идеалы, писателю, который стремится к настоящему искусству.

Джек ЛОНДОН

Слово-самоцель в конце концов бессмысленно, как бессмысленно всякое орудие, если оно не производит пользы. Цель, ради которой мы совершаем работу, руководит применением орудия. Мысль ведет за собой слово, дабы оно выразило ее и передало людям. Подлинное мастерство не затуманивает сущность мысли, а проявляет ее, как химический реактив — светочувствительную пластинку... Этим я хочу сказать, что познание правды действительности толкает художника к поискам правды изображения и обуславливает гармонию между ними. И мастер способен остро проверить на этой гармонии ценность произведения. В такой проверке учас-

твует не только талант, но еще больше таланта — культура, знания, опыт. А эти качества приобретаются непрерывным трудом... Но этот труд — не только мука, он наслаждение, он настоящая радость.

Константин ФЕДИН

В учении у жизни

О чем же вам писать? Дать верный ответ на этот вопрос способна только жизнь. А потому вам нужно знать ее, прочно стоять на земле, возрадившей вас, не забывать то, что научились делать ваши руки, что воспитало ум и чувства. О чем писать, чтобы чувствовать себя необходимым людям — и близким и дальним? О том, что их по-настоящему волнует и тревожит, что им дорого и свято, что поддержит и ободрит их во всех испытаниях. Чтобы писать так, нужно жить одной жизнью с родными, страной, со всем миром. И тогда перед вами не будет вставать вопрос: о чем писать? Сама жизнь ответит на него.

Отечество есть тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь отчетливо для себя определить, но которого прикосновение к себе ты непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом неразрывной пуповиной. Он, этот таинственный организм, был свидетелем и источником первых впечатлений твоего бытия, он наделил тебя способностью мыслить и чувствовать, он создал твои привычки, дал тебе язык, верования, литературу, он обогрел и приютит тебя, словом сказать — сделал из тебя существо, способное жить...

Михаил САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Литература становится элементом общественного развития; от нее требуют, чтобы она была не только языком, но очами и ушами общественного организма. В ней должны отражаться, группироваться и представляться в стройной совокупности все явления жизни. И именно с жизнью, с делом, с фактом должен иметь прямое отношение каждый, кто хочет выступить ныне в публике в качестве литератора...

Николай ДОБРОЛЮБОВ

В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться...

Иван ТУРГЕНЕВ

Обыкновенно литературная или ученая карьера как-то мало-помалу отдаляет человека от непосредственной жизни в так называемых прозаических общественных отношениях, а между тем эти отношения составляют основной элемент жизни, ту почву, на которой развивается вся умственная, нравственная, эстетическая и т. п. и т. п. жизнь — почву, без непосредственного изучения которой все так называемые высшие направления и стремления будут представляться в фальшивом свете.

Николай ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Чувство солидарности... имеет для меня вполне ясный смысл. Я хочу сказать, что в каждом из своих действий каждый из нас ответствен перед всем человечеством. Когда кто-либо открывает эту истину, то, значит, его политическое сознание достигло наивысшего уровня.

Габриэль ГАРСИЯ МАРКЕС

Таков практический вывод: Желательно создавать документы. Под этим я подразумеваю: монографии о выдающихся людях, очерки общественных структур, точную и пригодную к немедленному использованию информацию о человеческой природе и героическое изображение человеческой жизни, — все с типических точек зрения и так, чтобы форма не уничтожала возможности практического применения этих произведений.

Бертольд БРЕХТ

Простите за один не слишком серьезный пример. Ко мне однажды пришел молодой автор. У меня болела голова, и я искал тюбик пирамидона. Едва я успел проглотить таблетку, как юноша спросил: «Прошло?» Уходя, он попросил разрешения задать мне вопрос: «Скажите, это очень больно, когда голова болит?» Оказалось, у него никогда не болела голова. Это, конечно, хорошо, и этому можно позавидовать, но представьте себе, что в эту никогда не болевшую голову придет сумасшедшая мысль опустить несколько строк из чужой книги, или сочинит нелепость, которая рассмешит и рассердит читателей...

Связь писателя с обществом не может быть пассивной. Наблюдать мало — нужно участвовать в жизни. Для молодого автора нет ничего опаснее ранней профессионализации, которая отдаляет его от сверстников, от их будней, от их работы.

Илья ЗРЕНБУРГ

Если человек знает, что такое жизнь, но не задумывается над ее смыслом, его душа — пустой дом.

Я верю в великую силу мысли... Умение мыслить — это благородное желание сдерживать высокомерие и жесткую уверенность суждения, подвергая сомнению свои первые пришедшие в голову формулы. Познать, следовательно, осмыслить и собственное «я».

«Холодный стиль», лишенный страсти духа,— по ту сторону любви и по ту сторону ненависти, стало быть, мертв.

Юрий БОНДАРЬ

Вступление в литературу

Вы написали первые вещи... Задумайтесь над ними, попробуйте, как бы трудно это ни было, соотнести их с книгами подлинных мастеров. Не лукавили ли вы? Все ли из того, что тревожило вас, что заставляло писать, что хотелось сказать людям, вы сказали? Вступая на тернистый литературный путь, необходимо искать собственные интонации, говорить собственным голосом, и о том, что волнует, говорить в полный голос. Не спешите выносить свой труд на суд людской до тех пор, пока не убедитесь, что людям нужно услышать вас. Непроста жизнь человека, посвятившего себя словесному творчеству. Велика его ответственность перед обществом, перед окружающими, перед всеми, к кому он обращается. И осознать такую ответственность поможет ваша совесть, ваша честь гражданина и художника.

Впечатления мало-помалу накапливаются, пробивают с развитием сердечную кору, проникают в самое сердце, в самую суть и формируют человека. Слово,— слово великое дело!.. И в том-то и удивительное свойство всякого истинного таланта, если он только под влиянием ложной теории не насилует себя, что талант учит обладателя его, ведет его вперед по пути нравственного развития, заставляет его любить то, что достойно любви, и ненавидеть то, что достойно ненависти. Художник только потому и художник, что он видит предметы не так, как он хочет их видеть, а так, как они есть. Носитель таланта — человек — может ошибаться, но талант, если только ему будет дан ход... открывает, обнажит предмет и заставит полюбить его, если он достоин любви, и возненавидеть его, если он достоин ненависти.

Федор ДОСТОЕВСКИЙ

Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всякий человек, не только один я. Дело мое — душа и прочное дело жизни. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно. Мне незачем торопиться; пусть их торопят другие! Жгу, когда нужно жечь... Но ничуть не уменьшается моя надежда. Тот, кто горем, недугами и препятствиями ускорил развитие сил и мыслей моих, без которых я бы и не замыслил своего труда, кто выработал большую половину его в голове моей, тот даст силу совершить и остальную — положить на бумагу.

Николай ГОГОЛЬ

До чего же трудно сделать из себя то, для чего ты создан, и подняться до уровня намерений... даже если эти намерения весьма скромны. Лишь в процессе писания я познал себя самого, то, чего я хочу и чего не хочу... И еще я понял, что человек может познать самого себя только в действительности.

Томас МАНН

Мастерство писательское образуется не от одного природного дарования — его надо еще развить, совершенствовать, пополнять свои знания, много читать, особенно высочайших мастеров слова, больших художников — вдумываться в манеру и характер их творчества...

Дмитрий ФУРМАНОВ

Откуда, в самом деле, я могу знать, должны Вы или не должны, продолжать писать? Кто, кроме Вас, может решить этот вопрос? Я лишь одно замечу, пусть это будет жестковато, что вопрос этот происходит от желания «легкой жизни». Пусть, мол, некий дядя скажет мне, стоит ли мне рисковать, стоит ли ставить на карту судьбу? А ведь, зная наперед — стоит или не стоит, — очень легко было бы избрать дорогу жизни. А эта дорога — литературная — она попросту не может быть легкой, не бывает... Если Ваше призвание глубоко, то, что бы и кто бы Вам ни говорил, наперекор ему Вы пойдете своим путем, если нет, то, как бы Вас ни поощряли — толку не будет.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

Иные советуют, чтобы молодые писатели «клубились» вокруг каких-то мастеров. По-моему, не надо «клубиться» ни вокруг мастеров, ни вокруг подмастерьев. Писательство — дело одинокое, личное. Писатель отвечает сам за себя, сам строит свою судьбу. Никто нам не поможет, кроме нас самих. И я думаю, это самое главное из того, что молодые должны запомнить.

Первая книжка писателя — это желание утвердиться, желание показать: аз есмь, я существую, я писатель. Выходит первая книга. Автор ее получает, ставит на полку. Аз есмь! И часто именно этим все кончается. Иное дело — вторая книга, третья. Тут уже писатель должен что-то сказать. Тут должны быть какие-то свои слова, мысли, которые он должен поведать другим людям. Отсюда большая ответственность второй и третьей книги.

Юрий ТРИФОНОВ

Ум и сердце

Ваше воображение и реалии действительности, ваши эмоции, которым трудно не поддаться, и холодноватая, доказательная логика рассудка, опирающаяся на все богатство ваших знаний о мире, — чему следовать в первую очередь, чему отдать предпочтение? Читателю нужно все. Он поверит и с благодарностью примет самые смелые ваши фантазии, самые сокровенные ваши переживания, как и увлечется неотвратимой доказательностью правды, если найдет и почувствует за этим честный труд души и ума.

Вспомните, что писатели, которых мы называем великими или просто хорошими, и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром прихотила и тревожила воображение... Лучшие из них реальны и пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас...

Кто-то ничего не хочет, ни на что не надеется, ничего не боится, тот не может быть художником.

Григорьевич думает, что ум может переписать таланты. Байрон был умен, как сто чертей, однако же талант его уцелел. Если мне скажут, что Икс понес чепуху оттого, что ум у него переписал талант, или наоборот, то я скажу: это значит, что у Икса не было ни ума, ни таланта.

Антон ЧЕХОВ

...русская литература... во всей своей массе служит представительницею умственной жизни народа — и будем больше уважать ее, будем служить ей осмотрительнее! Не забудем, что все те, которые с университетской или с другой учебной скамейки унесли с собой в отдаленные и разнообразные пределы отечества большую или меньшую частицу любви к науке, литературе, уважение и доверие к умственному труду, все они следят за нашей деятельностью, ищут в ней разъяснения волнующих их вопросов, поддержки своим благородным убеждениям, оружия против невежества и косности!.. Заклучим чем начали: будем же осмотрительнее как в том, что мы пишем, так и в том, что печатаем в наших журналах.

Николай НЕКРАСОВ

Поэт и художник в истинных своих произведениях всегда народен. Что бы он ни делал, какую бы он ни имел цель и мысль в своем творчестве, он выражает, волею или неволею, какие-нибудь стили народного характера, и выражает их глубже и яснее, чем сама история народа... Поэты в самом деле, по римскому выражению, — «пророки»: только они высказывают не то, чего нет и что будет случайно, а то, что неизвестно, что есть в тусклом сознании масс, что еще дремлет в нем.

Александр ГЕРЦЕН

Бывают эпохи, где литература не может быть только искусством, а есть интересы высшие поэтических интересов. Момент самопознания и критики так же необходим в развитии народной жизни, как и в жизни отдельного лица...

Иван ТУРГЕНЕВ

Есть немало людей, разум коих, питаясь исключительно литературой, приобретает в отношении к жизни характер набалованного ребенка и сам себя уродует пренебрежительным отношением к реальностям, силою влияния которых он создан и только этой силой может развиваться. Но бывают люди, которые относятся к своему разуму точно к барину, подчиняя его капризам своей талант, свои способности даже тогда, когда разум их невелик и силен только тем, что назойлив. Художник — человек искусств, которые придают формы и образы слову, звуку, цвету, — художник должен стремиться к равновесию в нем силы воображения с силой логики, интуитивного начала и рационального. Сказанное сводится к тому, что человек должен уметь пользоваться своими способностями так, чтобы они не иссякли, а развивались гармонично.

Максим ГОРЬКИЙ

Раньше я думал, что самое главное — талант. Теперь мне кажется, что начинающий писатель или писательница должны обладать или, вернее, развить, воспитать в себе бесконечное терпение, а это означает предпринимать все новые и новые попытки до тех пор, пока не выйдет. Нужно воспитать безжалостную требовательность к себе, то есть отбрасывать все, в чем есть фальшь, даже если вам очень нравится именно этот абзац или страница. Главное — способность проникать в суть предмета, то есть нужно быть любопытным, нужно все время зада-

ваться вопросом, думать, размышлять: почему человек поступил именно так, и если в вас эта способность есть, тогда, мне кажется, не так уж важно, есть ли у вас талант. Я бы сказал, что у писателя есть три источника: воображение, наблюдательность и опыт.

Уильям ФОЛКНЕР

Описывая событие, поэт (если он, конечно, поэт настоящей) неизменно вкладывает в стихи свое понимание события, свое отношение к нему, свои мысли и чувства. Другими словами, он преподносит событие так, как видит его сам своим разумом и сердцем. При этом он, разумеется, должен быть и объективным, то есть должен правильно понимать происшедшее, не исказить его, не уходить от правды.

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Успех и неудачи

Вас ждут успехи. Вы не минуете неудач. Не теряйте головы при первых, не опускайте руки и не падайте духом при вторых. Тем более что существует извечная загадка искусства: время, судья лучший и справедливейший, зачастую обнаруживает сиюминутность и непрочность успеха, а в неудачах открывает ступени, по которым вы шли к удачам истинным. Не бойтесь неудач, не пугайтесь критики. Дельная критика куда нужнее писателю, чем неискренняя похвала корыстного доброжелателя. Неудача, за которой стояла честная попытка сказать свое слово, только закаляет и обогащает художника, раскрывает перед ним новые горизонты. За такими неудачами неминуем успех истинный, не боящийся суда времени.

...Всякий писатель имеет когда-нибудь успех: есть сочинители лакейских поздравлений с новым годом, пользующиеся успехом в передних; есть творцы, любезно принимаемые иногда и важными баронами; есть авторы, производящие разные пьесы на случай для домашних спектаклей и обожаемые даже в светских салонах; есть другие, служащие любимцами офицеров; есть третьи, о которых мечтают провинциальные барышни... Прочный же успех остается только за теми явлениями, которые захватывают вопросы далекого будущего или в которых есть высший, общечеловеческий интерес, независимый от частных, гражданских и политических соображений.

Николай ДОБРОЛЮБОВ

Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых ее проявлениях. Ежели бы мне сказали, что я могу написать роман, которым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятил и двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать, смеяться, и полюбить жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы.

Лев ТОЛСТОЙ

Чем лучше вещь, тем резче бросаются в глаза ее недостатки и тем труднее их исправить.

Антон ЧЕХОВ

Главное—это смелость попытки. По моему мнению, все мои произведения не удались, не совсем получились, и это единственная причина написать еще одну книгу.

Уильям ФОЛКНЕР

Это надо помнить всегда: писать трудно всем—и молодым и зрелым писателям. Трудно было писать даже Толстому.

Когда Толстой умер, диван, на котором он родился, нужно было перенести на другое место. Рабочие выбросили его вместе с бумагами. Когда же отыскали диван и достали бумаги, оказалось, что там черновики «Воскресения»... А у «Войны и мира» было пятнадцать начал.

Не бойтесь работы. Именно в работе вещь становится вещью.

Не притворяйтесь слабыми! Не удовлетворяйтесь успехами! Не покидайте среду, которая вас создала. И знайте, что литератор по возможности должен все знать и по возможности точно знать.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Беседы с людьми, поиски фактов, восполнение пробелов памяти при помощи газетных комплектов—все это этапы неперемного «путешествия с блоком», предшествующего началу работы за столом. Если ты не пожалел времени и сил на это, если материал накоплен добросовестно, в изобилии, позволяющем точно видеть и понимать все происходящие события,—это во многом определяет успех твоей будущей работы, и первая же страница, написанная тобой набело после такой подготовки, окажется кирпичом, положенным на прочный заранее выверенный фундамент.

Константин СИМОНОВ

«Если я писатель...»

Вы писатель. Вы взвалили на себя ношу, которая выпадает на долю немногим. Гордитесь этим! Гордитесь, но осознавая, сколь велика теперь ваша ответственность перед людьми, перед собственным даром. Дар писателя не живет безмятежно и благополучно сам по себе. Все страсти и заботы мира нужны ему, чтобы набрать полную силу и выпрямиться во весь рост. Сытое благополучие душит его, заставляя опускаться все ниже, работать все хуже, превращая его писания в груды никому не нужной бумаги. Вы—писатель. Так будьте готовы к тому, что люди будут искать в вас те достоинства, которые вы утверждаете. Будут ждать от вас верного, правдивого, вселяющего надежду и уверенность в торжестве справедливости слова в трудную минуту своей жизни, тревожные часы жизни человечества. Готовы ли вы к этому?

Вы были бы правы, если б, предлагая вам быть только литератором, я ограничил значение литератора одним лирическим щебетаньем, но в наше время не до птиц, распевających на ветке. Я хотел только сказать, что всякому человеку следует не переставая быть человеком, быть специалистом; специализм исключает дилетантизм (извините все эти «измы»), а

дилетантом быть—значит быть бессильным. До сих пор в том, что вы делали, все еще виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант; мне бы хотелось видеть вас за станком, с засученными рукавами и с рабочим фартуком.

Иван ТУРГЕНЕВ

Как ни пошло это говорить, но во всем в жизни, и в особенности в искусстве, нужно только одно отрицательное качество—не лгать. В жизни ложь гадка, но не уничтожает жизнь, она замазывает ее гадостью, но под ней все-таки правда жизни, потому что чего-нибудь всегда кому-нибудь хочется, от чего-нибудь больно или радостно, но в искусстве ложь уничтожает всю связь между явлениями, порошком все рассыпается.

Лев ТОЛСТОЙ

Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита—это не жизнь...

Антон ЧЕХОВ

Человечество развивается в двух направлениях: в мире гражданском и в мире эстетическом, в мире дела и в мире слова. Но сии две отрасли, подобно тем потокам, омывавшим светлые долины рая, истекли из одного источника, из места создания человека, и втекают в один святой Гангес. Посему-то столь нераздельное представляет нам литература и политический быт. Гражданское состояние есть воплощенное слово, и, обратно, литература, как слова народа, есть выражение его быта.

Александр ГЕРЦЕН

Образовать в себе из даваемого жизнью нечто истинно достойное писания—какое это редкое счастье—и какой душевный труд!

Иван БУНИН

Наблюдение? Чего стоит оно, в самом деле? Людей познают сердцем, не глазами или умом. Я убежден, что такое знание достигается единственным способом—не двумя, не четырьмя или шестью—впитыванием... Годы и годы соприкасаться с жизнью нации, а фактически—жить этой жизнью; лично разделять ее славу и позор, радости и печали, любовь и ненависть, процветание и упадок, величие и убожество, глубокий патриотизм, водоворот ее политических страстей, ее преданность флагу, павшим героям...

Марк ТВЕН

Нам, писателям и художникам, пришлось в течение многих лет жить под тяжестью грозного вопроса: в чем состоит наша завербованность? Думаю, что такая завербованность, конечно, существует, что она должна существовать, но это относится не только к писателям и художникам, но также к плотникам, медикам, футболистам. Всякий, кто стремится изменить мир во имя более справедливого общества, должен быть завербован. И все же вопрос мне не нравится, потому что он фатальным образом ведет к абстрактным определениям. Я говорил много раз и повторяю теперь, что для меня, писателя, писать хорошо—это также революционный долг.

Габриэль ГАРСИА МАРКЕС

Не знаю, лучше ли я своих книг, но знаю, что каждый писатель должен быть выше и лучше того, что он пишет.

Максим ГОРЬКИЙ

Подготовили
Валерий ВИНОКУРОВ
и Игорь МИТИН.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-КУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 10 (1368) МАЙ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Номер посвящен
VIII Всесоюзному
совещанию
молодых писателей.

Обложка художника
Игоря СУСЛОВА.

1 Георгий МАРКОВ.
«БЫТЬ С ВЕКОМ НАРАВНЕ».

2 «ВЕЛИКИЙ МИР ЛИТЕРАТУРЫ».

4-11 ПО КОМАНДИРОВКАМ «СМЕНИ»:
Игорь СЕРКОВ.
«СТРОИТЕЛЬНАЯ ПРОЗА». Очерк.
Юрий БЕЛИКОВ.
«АГИТПОЕЗД». Лирический репортаж.
Карем РАШ.
«ПОЕДИНОК». Творческая педагогика.

12 Василий ЛИТВИНОВ.
«УРОКИ ШОЛОХОВА».

18 Юрий ЛОПУСОВ.
«ВТОРАЯ КНИГА».

20 ДОРОГИ МОЛОДОГО ПИСАТЕЛЯ:
Анатолий БУЙЛОВ.

26 «ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С ПЬЕСЫ».
Диалог Михаила ШАТРОВА,
лауреата Государственной премии СССР
и Евгения РЫКА.

27 Алексей ТОЛСТОЙ в «СМЕНЕ»:
«ОКтябрьская революция дала мне все».

28 «ПРИЗВАНИЕ И ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ».

30 Повесть Льва ПРОЗОРОВСКОГО
«ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИ-
КИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИ-
КОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ,
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (замести-
тель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Н. Виноградов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Всегда «Смена» широко и щедро предоставляла свои страницы молодым литераторам, поэтам, публицистам, открывала новые имена. И всегда журнал считал своим долгом не просто публиковать начинающих авторов, но и заботиться о том, чтобы взрастить из способного человека настоящего гражданина, патриота, живущего судьбами страны, ее заботами и проблемами. Литератор должен быть лицом общественным, а иначе и даровитое перо обрекается на повторы самого себя, перестает вызывать читательский интерес. Втягивать, увлекать молодых литераторов в сложный, огромный, бурный сегодняшний день страны — самый верный, проверенный годами, испытанный не одним поколением путь к человеческой и творческой зрелости. И творческие командировки «Смены», командировки в жизнь, к людям, в кутерьму дел и свершений — давняя традиция журнала в работе с молодыми. Потому что человеку пишущему всегда нужны новые впечатления, новые знания, ощущение движения жизни...

Сегодня мы знакомим читателей с творческими отчетами трех авторов, вырезавших с корреспондентскими удостоверениями «Смены» в три точки страны. Прозаик, поэт, публицист. Они рассказывают о том, что увидели, осмыслили, пережили там, где разворачиваются гигантские стройки, где выковываются характеры молодых ребят, вынашивается свое отношение к жизни. О том, что стало важным фактом их творческой биографии.

Основательные люди

Дождь то переходил в крупный, мокрый снег, лепил в лицо, застилал соседние дома, то вдруг пропадал бесследно, и в пронзительно голубых разрывах туч вспыхивало солнце. А потом опять закипали лужи...

Артемов, сбив каску на затылок, поглядывал на небо. Ну и денек!.. Настроение у него было неважное. И не из-за погоды. Экая невидаль для строителя — снег с дождем! Да если и мороз с пронизывающим до костей ветерком, их дело — строить. Только вот строить можно по-разному. Можно с умом и себе в удовольствие, а можно... За весь год только три недели подряд, может, и проработали от души — выдавали как часы по полторы нормы. А остальное время!.. Чуть только разгонится, наберут приличный ход — тормози. То блоков не было, то кран не работал...

Устали от простоев хуже, чем от любой работы. Все на КАТЭКе знают: нужно жилье. Срочно. Как можно больше. В его нехватку все упирается. Так вот создали бы их бригаде постоянно нормальные условия, могли бы за три месяца по два дома ставить. А это 32 квартиры как-никак. То есть за год могли бы восемь домов поднимать, а тут ходишь и сомневаешься, удастся ли положенные по плану шесть поставить. Даже Володя Закоблук, чей зычный голос обычно не умолкал надолго ни в бытовке, ни на объекте, теперь ходил на себя не похожий — тихий.

— Артемов! Виктор! Иди, спрашивают тут тебя.

...Разбитной, явно подвыпивший парень смотрел на Артемова с веселой самоуверенностью.

— Бригадир? — спросил недоверчиво.

— Бригадир, — подтвердил Артемов.

— Ишь ты... Что-то не больно похож.

— Что надо-то?

— Да вот понимаешь, — веселился парень, — решил на работку пристроиться, зашел в управление, а мне говорят: иди сначала в бригаде договорись. Шутка, что ли?

— Почему? — удивился Артемов. — Порядок такой.

— Во как! Ничего себе. Кто же это, интересно, придумал?

— Сами и придумали.

Подождал Закоблук, внимательно слушал.

А разговор вышел короткий. Парень и не думал скрывать, что цель у него одна: схватить побольше и побыстрее, а вообще-то задерживаться тут он не собирается. Другие у него в жизни задачи. Он этого и не прячет. Зачем? Рабочие руки на КАТЭКе везде нарасхват. А у него к рукам еще и специальность. Об отказе он и не думал, наоборот, сам еще полomatся хотел, чтобы угваривать стали...

— Нет, думаю, не подойдешь ты нам, — негромко, но твердо сказал Артемов.

жизнь, на дело противоположны ее взглядам, а значит, скажутся на ее работе, бригада вправе отказать ему. Чтобы сохранить свое единство, свою силу. Ведь бригада — это та основа, на которой всякое производство держится. А для того, кому отказали, это урок. Жесткий, серьезный, но ведь и производство, стройка — вещи жесткие, серьезные. Глядишь, и задумается человек.

Жаль вот, что мы не всегда хорошие правила выдерживаем. Сами установили хороший порядок и сами нарушаем. И случается, зачисляют в бри-

гады без их ведома, и бригады на это соглашаются. А порядок — он или есть, или его нет. Чтобы был, его надо постоянно поддерживать. Если же его постоянно нарушать, то он превращается в беспорядок и неразбериху. Тут закон четкий.

Почему нас так выводят из себя простом? Да, из-за них мы строим меньше и получаем меньше: мы же

СТРОИТЕЛЕЙ ПРЯДО

Публицист едет по командировке «Смены»

Молодежь на КАТЭКе

Закоблук внимательно посмотрел на бригадира, но смолчал.

Зато парень молчать не собирался. Совладав с изумлением, долго объяснял, что Артемов еще об этом пожалеет, что прямо сейчас его в любую другую бригаду возьмут да еще упрощать будут.

— Попробуй, — не стал спорить Артемов и повернулся к Закоблuku.

— Слушай, а ты кто тут такой? — Парень, видно было, разозлился и обиделся: задел его Артемов. — Ты что тут — хозяин?

Артемов обернулся, сказал спокойно, обиденно:

— Хозяин.

Тут уж Закоблук не удержался: широко руками развел и лицо состроил — вот так, мол, и ничего тут не поделаешь.

На этом и расстались.

А в обеденный перерыв в уютном бригадном вагончике — изнутри он обшит для красоты подпаленным паяльной лампой деревом, половина отведена под красный уголок — мы с бригадиром к этому разговору вернулись.

Артемов опять считал. Считал с серьезным увлечением, а вся бригада так же увлеченно помогала. Выясняли, сколько они своей бригадой на КАТЭКе домов поставили. Вышло — 21. Тут же возник вопрос: а можно было больше? Можно. Похозяйски дотошно стали разбираться, что же помешало. Не одни же простои...

Тут я и спросил Артемова, почему он так бесповоротно отказал парню, прошившемуся в бригаду. Люди же и им нужны...

— А хорошая бригада нам еще нужнее, — ответил он.

Ответ его вызвал другой вопрос, затем следующий. И выстроился из ответов бригадира такой монолог:

— Порядок этот, когда новый человек идет сначала прямо в бригаду, где собирается работать, а уж потом к руководству управления, считаю и верным и справедливым. Думаю, долгих пояснений здесь не требуется. Личное знакомство сразу прояснит многое. Бывает, сразу всем становится понятно: не сойдемся мы, разные мы. Вот как сегодня, например.

Да, люди на КАТЭКе нужны. Но, уверен, не любые, не какие угодно. Бригада, конечно, — сила. Она может и помочь человеку и подправить его. Но если она в непростом положении, а в нее приходит человек, неспособный на помощь другим, чьи взгляды на

Игорь СЕРКОВ

НАША ЖИЗНЬ

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Редакция журнала
«СМЕНА»
Выдана № 24
1984 г.
г. Москва

Выдано СЕРКОВУ Игорю Александровичу
публицисту

отдел рабочей молодежи
Красноярский край, на Всесоюзную ударную
комсомольскую стройку — КАТЭК

подрядная бригада! — но ведь еще к тому же они портят, разлагают бригаду. Потому что бригада должна работать, а не перекуривать. Работает она — есть бригада. Только и делает, что перекуривает — можно ставить на ней крест. Даже если в ней люди как на подбор.

Так что простаивать мы не любим и не хотим. Не было кранов — своими силами поднимали плиты на второй этаж. На себе. Нам нужна была работа. Не завезли детали — сами мчимся на «перевалку», базу материально-технического снабжения, разыскиваем в их беспорядке нужное нам, сами грузим, везем на объект. Работа нам нужна. Сейчас, кстати, на «перевалке» хоть вахту сделали, а то можно было вывозить, что душа пожелает. Так и говорили: «Ванна нужна? Так смотайся на «перевалку», выбери, какую нужно». Сейчас не говорят.

А вот с крановщиками тяжелых кранов пока ничего сделать не можем. Они буквально требуют от нас приписывать им лишние часы. Пробовали бригады монтажников с ними бороться, не очень вышло. Захочет крановщик, он найдет тысячу поводов не работать. А значит, и бригада простаивает. Но ему с этого что! Ведь он с результатами бригадной работы никак не связан. Ему только часы нужны. К тому же подчиняются крановщики другому управлению. И не хватает их пока. Вот они и диктуют. Но «утихомирить» их можно. Нужно привязать их прочно к бригадам, нужно улучшить инженерную подготовку строительства, снабжение, чтобы был у бригад

СОВСЕМ НЕДАВНО СОТНИ БОЙЦОВ ВСЕСОЮЗНОГО УДАРНОГО ОТРЯДА ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА В ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ УЕЗЖАЛИ СТРОИТЬ КАТЭК. СЕЙЧАС ЭТИ РЕБЯТА УЖЕ ТРУДЯТСЯ В ДЕСЯТКАХ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ ГРАНДИОЗНОЙ СТРОЙКИ. НАЧАЛОСЬ ИСПЫТАНИЕ БУДНЯМИ, ИСПЫТАНИЕ НЕЛЕГКОЙ РАБОТОЙ. УСПЕХОВ И УДАЧИ ВАМ, ДОБРОВОЛЬЦЫ!

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

маневр, нужно четкое оперативное планирование. Вот тогда они почувствуют себя на площадке не хозяйчиками, действующими по принципу «Что хочу, то и ворочу», а хозяевами, отвечающими вместе со всеми за общее дело. Ну, и кадры, понятно, квалифицированные нужны. А для этого нам нужно больше жилья строить. Не обижаться, как некоторые наши парни: «Они нам навстречу не идут, а мы для них строим!» — а строить, только чуть дальше сегодняшних неурядиц заглядывая.

Сейчас мы строим из дерева, со временем обязательно перейдем на железобетон. Готовиться к переходу уже начали — присматриваемся к работе бригады Мудариса Имаева, которая ставила первый дом из железобетона в Дубинино, прикидываем, кому какой новой специальностью придется овладеть. Нам говорят, что рано еще, до железобетона еще далеко, но, знаете, хороший хозяин, как известно, готовит сани не зимой... А у нас в бригаде ребята основательные. Для бригады Имаева заготовки подвозили чуть ли не два года, а место для хранения не было — все побилось, поломалось. Намучились они потом с ними, хотя и не их была в этом вина. Так мы сразу для себя решили: пусть он и бетон, да еще железный, а обходиться с ним надо так, как будто он из стекла сделан. Бережно обходиться. Себе эту работу намного облегчим... Ну, да нам не привыкать. Неважная это штука — плохое снабжение, зато мы теперь каждый гвоздь беречь учились...

— Другим что-то и оно не помогло, — не вытерпел Закоблук.

Все так и покатались со смеху. И первый Артемов. Он совсем еще молод, лауреат премии Ленинского комсомола, бригадир комсомольско-молодежной бригады плотников-монтажников комбината «КАТЭКуглестрой» Виктор Артемов. Приехал сюда, в Дубинино, где базируется комбинат, с Волги, здесь женился, сейчас у него двое детей...

— А ведь мы сначала вот в этом самом вагончике жили, — вдруг вспомнил Виктор. — Да еще не один — половину вагончика, за перегородкой, другая семья занимала... Тогда в Дубинино по вагончикам около полутысячи человек жили. А в общежитиях койки ставили в два яруса...

Виктор помолчал, а потом счел нужным сразу добавить:

— А сейчас у нас двухкомнатная квартира.

Он в какой раз придирчиво оглядел бытовку. Одобрительно заключил:

— Вот красный уголок отделаем окончательно, еще лучше станет. Получим профсоюзную премию за итоги прошлого квартала — телевизор сюда купим. Это дело уже решенное. Жить, так уж солидно.

«Чувство, необходимое для жизни»

Два года с тех пор минуло. Новый, только назначенный начальник комбината «КАТЭКуглестрой» объявил на самом первом совещании у себя: «Какое-то время ни во что вмешиваться не буду — хочу присмотреться ко всем повнимательнее, войти в курс дел». Чуть больше месяца прошло, и на самом представительном совещании комбината был обнародован вывод:

— Кто действительно на комбинате работает по-настоящему, так это комсомол.

Возразить было нечего. Комсомол ворочал такие дела, что только удивлялись: откуда силы берутся?

Представьте: в условиях, когда, казалось, не хватало сил на строительство жилья, самых необходимых бытовых объектов, комсомол комбината решает строить... молодежный центр. Ни много, ни мало. Собственными силами. Потому что убедились: молодым

строителям такой центр, где сосредоточилась бы вся культурная жизнь поселка, остро необходим. Таково время, таковы запросы людей.

Сомневающимся — более чем достаточно. Не было проекта. Сделали с помощью ребят из Красноярского политехнического института. Не было стройматериалов. Михаил Ануфриенко, заместитель начальника штаба ЦК ВЛКСМ на КАТЭКе, ходил тогда по поселку, как заядлый грибник по осеннему лесу, — внимательно глядя под ноги. Только искал он под снегом не грибы, а болты, гайки, швейцеры... Каждый бесхозный гвоздь поднимал и нес на стройку. Да и другие ребята не отставали... Конечно, солидно помог комбинат. Но ведь сначала нужно было убедить руководство, что задуманное не авантюра, а реально возможное дело. Причем дело, необходимое позарез всему поселку. Им не всегда спешили на помощь — они не обижались, они работали. Выходили на субботники и воскресники, когда было нужно, на сколько было нужно.

Центр построили, как говорили потом, «из ничего», «на пустом месте». В нем выступали артисты из столицы, которых большинство строителей раньше видели только по телевизору. Эффект был впечатляющий...

— Мы не только строили центр, мы одновременно создавали настоящую комсомольскую организацию комбината, — размышляет Михаил Ануфриенко. — А создать ее можно только в деле. Деле несудачным, нелегким. Своротив которое, можно по праву почувствовать: а мы тут что-то да значим. Очень серьезное и, как оказалось, необходимое для жизни чувство.

А нет конкретных, реально полезных дел — от комсомольской организации остается одно название. Потому что уже и дисциплины нет и ответственности тоже. Есть дело — в штабе народ шумит до ночи. Нет — народ только в секторе учета. Брались за серьезную работу — об уплате взносов, посещении собраний думать не приходилось. Эти вопросы решались сами собой. Возник перерыв, чуть размагнитились — и вот уже даже взносы собрать становится проблемой.

Для того, чтобы жить серьезно, с толком, комсомольская организация должна жить в напряжении. Не в искусственном, а в напряжении дела.

Бывает, слышишь от комсомольских работников: «Трудно того-то добиться, все начальство обзвонили, а никакого результата...» Вот похожий случай. Нам нужна была площадка для разгрузки — обратились за помощью к начальнику управления. Он выяснял-выяснял обстановку, потом говорит, что в ближайшие дни ничего не выйдет... Что делать? Мы идем прямо к диспетчеру: «Помоги, Ира, позарез нужно!» Она смотрит графики и находит для нас «окно» через пару часов. Знает-то свое хозяйство она лучше кого-либо.

И сколько еще было ситуаций, когда вопросы решались не с помощью руководства, а с помощью рабочих, бригад. Решались быстро, да еще люди сами предлагали, как сделать лучше.

Но только все это опять же — результат дела, результат того, что мы хорошо знаем свое хозяйство, людей. Ира, диспетчер, помогла нам потому, что знает нас хорошо, доверяет нам, понимает, что обращаемся мы за помощью не из-за пустяков. То же самое с бригадами. Они помогут, они многое сделают, но только если между вами уже есть прочная связь. И потому отрываться от них нельзя. Возьмите ту же бригаду Артемова. Да не побывай я в ней хотя бы на неделе раз, знаете, как потом встретят, какие шуточки Закоблуков, например, в мой адрес пустят!..

Чтобы чего-то добиваться, свое хозяйство нужно знать досконально. И оно должно знать тебя.

Что еще важно, чтобы комсомол работал по-своему, по-комсомольски. Вот Наташа Абдуллаева, секретарь комитета комсомола управления «Жилстрой-1», провела рейд «Комсомольского прожектора», выяснилось, что подвело всех одно из управлений комбината, забывшее о собственных обязательствах. Так вот, «молнию» с результатами рейда Наташа повесила прямо на двери начальника прощившегося управления. Это произвело впечатление...

Солидность в деле, а не солидность в манерах, по-моему, нужна комсомолу. Бесконечные телефонограммы, заседания, переговоры за закрытыми дверями высоких кабинетов, зачастую ни к чему не приводящие... Действовать надо! Комсомол — это же энергия, молодые силы, не укладывающиеся в рамки правил работы конторы. Комсомол должен работать не в конторе, не в кабинете, а на стройплощадке, на свежем воздухе. Мы между собой в штабе так и говорили: «Если тебе на год не хватает нескольких пар сапог, значит — работаешь».

А когда работаешь, когда у тебя получается, когда свою силу почувствовал, так тебя обязательно на большее потянет. Как-то мы подсчитали: у нас в управлении «Жилстрой-1» из десяти бригад восемь комсомольско-молодежных, из четырех участков три комсомольско-молодежных. Вот и загорелись: давайте создадим комсомольско-молодежное управление! Обратились к руководству управления. Диалог состоялся такой.

— А что это даст управлению? — спросили нас.

— Еще больше привлечет комсомол к решению всех хозяйственных вопросов, к управлению производством. Ответственность каждый из нас за все, чем живет управление, почувствует большую, — ответили мы.

— ...Зачем нам еще руководители, нам работники нужны!

— Да мы же не потому к этому званию стремимся, что оно нам что-то дает, а потому, что ко многим обязывает.

— Подумаем...

Четыре месяца над нашим предложением думали. Все же согласились. Управление, ставшее комсомольско-молодежным, в том году единственное на комбинате справилось с планом по строительству жилья. Разумеется, не только поэтому. И все же, думается, совпадение это не случайное...

Бурной весной прошлого года, когда начали трогаться, оседать, протаивать налегшие за зиму снега, в Дубинино оказалась под угрозой целая система траншей, проложенных осенью. Трубы в них уже лежали, а вот закрыть их до снегов не успели. Талая вода могла размывать их так, что пришлось бы снова прокладывать всю систему.

Решение приняли следующее: разбить траншеи на участки, за каждым закрепить конкретную комсомольскую организацию и ее силами очистить траншеи от снега, поставить лотки и засыпать до того, как талая вода наберет полную силу.

Никто этого ни штабу ЦК ВЛКСМ, ни комитету комсомола комбината не поручал. Взялись сами. Потом уже выяснилось, что этим комсомол сберек комбинату около полумиллиона рублей.

— А разве можно было иначе? — скажет потом Михаил Ануфриенко. — Что же было — ходить и смотреть, как пропадает труд людей? Это же просто не по-человечески как-то.

Что может быть обиднее, больнее для человека, чем гибель на его глазах того, что создано работой его рук и ума! Комсомольцы «КАТЭКуглестрой» такую гибель предотвратили. А какой настоящий хозяин ее допустил бы? Вот почему и вспоминали ребята об этом случае не как о чем-то сверх-

обычным, вспоминали как о деле нормальном, нелегком, но естественном. Да еще с такой поправкой: «А уж действительно по-хозяйски — до такого не доводить. Предусматривать такие ситуации заранее — и предупреждать».

Давно замечено: истинный хозяин редко бывает доволен собой. Он всегда видит столько дел впереди, что просто некогда ему любоваться собой. Но и цену хорошей работы он знает лучше кого-либо.

Испытание

В прекрасном фирменном поезде «КАТЭК» я проехал от Красноярска до Шарыпова так, как давно уже не доводилось, — ехал в купе один-одинешенек. Были рядом купе и вовсе пустые. Обратное же возвращался с соседями, и вообще в этом поезде, с КАТЭКа, было куда многолюднее. После всего, что довелось на КАТЭКе увидеть, узнать, трудно было не задержаться на этом внимании.

Уже сейчас на КАТЭКе, решение о создании которого было принято пять лет назад, есть что посмотреть. Перечень сооруженных объектов выглядит внушительно. Но вот начинаешь сопоставлять его с заданиями, рассчитанными на ускоренное создание комплекса, и... Так, введены в строй мощности по добыче 5,5 миллиона тонн угля. А если вспомнить, что потенциальные возможности КАТЭКа — миллиард тонн в год? Почему же серьезное ускорение пока не по силам строителям гигантского комплекса?

Во-первых, их вдвое меньше, чем нужно. Производственные коллективы треплет хроническая лихорадка текучести — многие полностью обновляются в течение одного года.

Во-вторых...

«Что обозначает короткое, звучное слово ТОС — известно многим. Трудовой отряд старшекласников. При Шарыповской средней школе № 2 их действовало два. Мы работали на озеленении первого микрорайона, детского сада. Сделано было немало. Но сделать мы могли бы еще больше, и полнее было бы удовлетворение. К сожалению, наши шефы (трест «КАТЭКгражданстрой») не могли правильно организовать дело. В нашем дневнике, куда заносились все впечатления, есть такая запись, сопровождаемая картинкой. Сперва мы разрываем грунт лопатами, а затем присылают бульдозер, и он начинает делать то же самое вслед за нами. Не лучше ли наоборот? Обидно делать бесполезную работу!»

Из письма восьмиклассницы
Наташи Боквиной
в шарыповскую районную газету
«Серп и молот».

Обидно девочке-школьнице. А что тогда должны были испытывать настоящие специалисты строительного дела из комсомольско-молодежной бригады Зияутдина Магомедова, если за два года работы в объединении «КАТЭКэнергопромстрой» у них был всего только месяц нормальной, стабильной работы? Случалось, что за один месяц бригада 17 раз перебрасывали с одного объекта на другой. Из-за необеспеченности проектной документацией, из-за ошибок предшественников ребятам приходилось по несколько раз переделывать одну и ту же работу. И они видели, как бухгалтерия методично выписывает за это государственные деньги...

Так же мучилась, а не работала в свою силу сложившаяся прочно бригада штукатуров Татьяны Дорониной. По полдня, а то и целыми днями бегала бригадир по руководителям разных рангов, чтобы выбить для бригады материалы и фронт работ, чтобы выяснить, какой участок самый важный... И часто слышала в ответ: «Тебе нужно — ты и добивайся».

Дорониная — человек с характером, уже повидала на своем веку всякое, а

вот совсем молодой мастер Ирина Черепанова, когда в ответ на свой вопрос: «Почему не выполняется недельно-суточный график, и так-то составленный как бог на душу положит?» — услышала в одной из контор объединения откровенную насмешку, а в другой непечатную ругань, просто-напросто расплакалась на улице. От бессилия, от обиды за себя и своих ребят.

Бесхозяйственность, безответственность, неразбериха, когда никто не может сказать, что надо делать сегодня, что завтра, а что через месяц, выводили из себя самых крепких и сознательных, тех, кто послабее, превращали в прогульщиков и бездельников. Сколько хороших молодых ребят бездельная маета вынудила уехать с КАТЭКа!

Нет, не только нехватка жилья треплет КАТЭК. Бесхозяйственность. Вещь заразная, выворачивающая наизнанку здравый смысл.

Да, жилья нужно гораздо больше. Но ведь тогда и логично было бы имеющееся беречь как зеницу ока. А общежития в Шарыпове почти не готовили к зиме. Их подвалы залиты водой, прорвавшей сантехнику. И вместо того, чтобы строить новое, приходится капитально ремонтировать недавно построенное.

Да, нужны рабочие руки. Но ведь прежде следует загрузить имеющиеся. Дать рабочим бригадам дело, где бы они развернулись по-настоящему. А как ждут люди его! Именно в поисках таких дел ушли из «КАТЭКэнергопромстрой» в полном составе бригады Магомедова и Дорониной. Ушли не с КАТЭКа, ушли в управление «КАТЭКстрой», относящееся к знаменитому «Братскэнерго». За первый же год работы в Шарыпове это управление построило практически вдвое больше жилья, чем «КАТЭКэнергопромстрой» — за четвертый год своего хозяйствования на КАТЭКе. В этом управлении умеют хозяйствовать, думают о людях — и они дружно тянутся сюда.

Да, многочисленность поставщиков КАТЭКа, их разбросанность по стране создают вереницу проблем. Но возьмите комбинат «КАТЭКуглестрой», еще недавно ничуть не отличавшийся от других подразделений стройки. В полтора раза возросли объемы строительного-монтажных работ, перевыполнены задания по росту производительности труда. Чудеса? Никаких. Улучшили организацию и инженерную подготовку производства, наладили оперативное планирование и контроль. Стали строго спрашивать с руководителей всех рангов, начиная с бригадиров, за выполнение заданий. И многие бригады, которым доверили решать вопросы, помогли их решать, стали находить резервы, на которые не рассчитывали, причем в ситуациях самых критических.

Шумно, но невесело было в поезде, увозившем навсегда с КАТЭКа молодых ребят, приехавших на него добровольцами, уверенными, что смогут испытать себя в большом деле. Не удалось... И после всего увиденного трудно было в чем-то упрекнуть этих ребят. Борьба за КАТЭК сейчас по плечу только действительно сильным. А эти парни и девушки, что уезжали, хотя и могли объяснить свое решение и разумно, и убедительно, все же увозили в себе какое-то смущение — ведь хотели, да не смогли... Пусть и не по своей вине. Но ведь и радости в таком сознании никакой. Жаль было ребят. Начинать жизнь с отступления — серьезное испытание. Всем ли удастся воспрянуть духом? Или этот урок надолго отобьет охоту замахиваться на большее?..

— Да я дома такого про КАТЭК всем расскажу! — громко пообщал долежавший из коридора вагона молодой голос.

Невольно подумалось: а хватит ли сил рассказать одну только правду, саму по себе тревожную, или обида и

разочарование вынудят еще и сгустить краски в естественном желании как-то оправдать себя?.. И станут судить друзья и знакомые этих ребят об ударной комсомольской стройке только по их рассказам... К каким выводам, мыслям придут они?

Как бы нам тут ни хотелось, а однозначно оптимистического ответа на эти вопросы нет. Интересно, пытались ли хотя бы подумать об этом в свое время проектировщики Ростовского отделения института «Теплоэлектропроект», которые запроектировали Пионерный микрорайон в Шарыпове без единого магазина, без бань, парикмахерских, больниц? Похоже, что занимали их совсем другие заботы. О всех ли последствиях задумываются в Минэнерго СССР, когда прошлогодние планы ввода жилья не подтвердили ни достаточным финансированием, ни материальными фондами? Понимают ли в тресте «Красноярсктрансстрой», относящемся к Минтрансстрою СССР, как отзовется в людях из рук вон плохая работа по строительству новых станций и подъездных путей? Все больше материалов и дорогостоящего оборудования поступает на КАТЭК, все больше угля надо вывозить из его разрезов, а транспорт не справляется; застой, неразбериха... Сегодняшние проволочки завтра обрушатся на людей неразрешимым клубком проблем... Не сегодня, но завтра об этом надо думать. Постоянно.

— Построим КАТЭК! Надо только понять: не временные люди нужны для этого — хозяева.

На эти и подобные слова на КАТЭКе не скупилась с первых дней руководители всех его многочисленных подразделений. Правильные по идее слова, верные. Но, не подкрепленные делом, они теряют всякий смысл. Ребята, уезжавшие со стройки, не могли вспоминать их без раздражения, горечи.

В Шарыпове и Дубинино, Красноярске и Москве не раз пришлось услышать: КАТЭКу нужен крутой перелом. Об этом говорились в совместном постановлении Бюро ЦК ВЛКСМ и коллегий Минуглепрома СССР, Минэнерго СССР, Минтрансстрою СССР, в решениях краевых партийных и комсомольских организаций. Ясно, на какой основе может произойти этот перелом — нужно прежде всего ускоренное строительство жилья, объектов социальности, собственной мощной базы стройиндустрии. Это позволит создать стабильные, сильные производственные коллективы.

Но такие коллективы не складываются в атмосфере хронической бесхозяйственности, безответственности, атмосфере, буквально выталкивающей людей, травмирующей души. Есть на КАТЭКе люди, приспособившиеся к такой обстановке, не желающие, чтобы она менялась. Борются за порядок можно, только опираясь и поддерживая тех, кто хочет и может работать, кто болеет за дело.

КАТЭК — стройка таких масштабов и перспектив, что по плечу только тем, кто чувствует себя здесь хозяином. Повторим эти слова еще раз. Намеренно. Потому что суть их остается верной и справедливой. И не горечь должны они вызывать у строителей КАТЭКа, а прилив сил.

Виктор Артемов, Зияутдин Магомедов, Михаил Ануфриенко, Александр Хромов, Анатолий Потехин, Хайбулла Хабиев, Леонид Рогоза, Станислав Бурый, Николай Козиненко... Эти люди живут и работают на КАТЭКе, чувствуют себя ответственными за его судьбу. Им нелегко, часто очень трудно. Но их должно быть больше. И их будет больше, если строителей КАТЭКа перестанут испытывать бесхозяйственностью, а будут испытывать настоящими делами, серьезной, ответственной работой, которая дает право на уважение людей и право на самоуважение. Работой, в которой человек не теряет, а находит себя.

Участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей поэт Юрий Беликов по командировке «Смены» выезжал в города и села российского Нечерноземья. Но это была не простая поездка, а как бы командировка в собственную память, в собственное недавнее прошлое, потому что Юрий Беликов в течение двух лет был постоянным работником агитпоезда «Ленинский комсомол».

Для молодых пропагандистов поезд стал настоящим домом, но не потому, что ребята безвылазно сидели в нем. Нет, после очередной торжественной встречи на станции они разъезжались по колхозам, заводам, стройкам, шахтам, школам. Своё слово и искусство молодежи Нечерноземья несли комсомольские работники и писатели, лекторы и актеры...

А потом по предложению «Смены» был написан лирический репортаж, который автор назвал исчерпывающе конкретно: «Агитпоезд». И в самом деле: сама композиция поэмы, ее главы походят на мчащийся по стране, подрагивающий на стыках агитпоезд...

Поэт едет
по командировке
«Смены»

Юрий БЕЛИКОВ

ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

АГИТПОЕЗД

«Жизнь моя, Нечерноземье!»

— Штаб агитпоезда слушает! —
Снова отвыкшую руку,
будто о память минувшего,
я обжигаю о трубку...
Как половицы скрипучие,
мной меж вагонами крепко
в поезде этом изучена
каждая громкая сцепка!
Я и теперь — не стирается! —
мог бы сказать убежденно:
ту же всего закрывается
дверь у штабного вагона.
Я поделился бы опытом,
как растопить поездную
печь, когда дымом и копотью
дышит она и танцуют
в кухне ножи дребезжащие,
из специальных зажимов
выскользнув в тряске спешащего
поезда.
Мог бы, отринув
глянец, поведать, как в иные
мы просыпались в вагонах
от завывания зимнего
на затяжных перегонах.
Дни как недели. Как месяцы,
были недели. Как годы —
месяцы — в бешеном месиве
судеб, перронов, природы.
Качка колесная, долгая —
краткое наше везенье.
Между Двиною и Волгою —
жизнь моя, Нечерноземье!
Волны российской истории
тундру и степь захлестнули,
но меж собою заспорили —
русло свое обогнули.
Черная или не черная,
эта земля — золотая.
Потом она отягченная,
кровью она залитая.
Эти комки сероватые
как-то привез я с собою.
Память мою комковатую
друг чуть не спутал с халвою.

НА МЕСТАХ
БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ
ВЫСТУПАЕТ
ТЕАТРАЛЬНАЯ
БРИГАДА
АГИТПОЕЗДА.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Свердловская область

Вчера читал стихи под землей. Прямо в забое шахты. По-моему, лучше поэтов да шахтеров никто так не понимает Маяковского: «Изводишь, единого слова ради, тысячи тонн словесной руды».

Стихи на глубине 700 метров

Там, в бокситовых шахтах
уральского кряжа,
от руды, как от зарева,
лица красны,
каждый угол там —
красный, и рельсы, и даже
красный флаг там краснее,
хоть своды темны.
Заклучите меня
в этот лифт подземельный
с рудоклопами вновь,
дайте этот полет
в глубину, а затем —
за спокойною сменой
переход по прямой
да еще переход
вверх, как будто обратно,
каналами шахты,
чтобы там увидеть, заглушая шаги,
как живет
вездеходик приплюснутый —
ах ты! — дайте мне молоток,
а потом уж стихи.
Но уж если стихи,
то в стремнинах забоя,
где глухой шепоток
могут в грохот облечь
эти своды,
доходчиво слово любое,
даже самая странная, трудная речь.
Ах ты, речь моя м'листая,
полночь густая,
лишь фонарики только
на касках видны...
Никогда, никому, ничего не читал я
на такой глубине
и такой глубины!

Уральский север. Заметенный снегами Пельым. Неподалеку от этого таежного поселка идет строительство газотрассы века Уренгой — Помары — Ужгород. Добрались до стоянки газозаводов. В сосновом бору — домики в форме бочек. Здесь и живут эти люди. Кличут себя не иначе как «диогенами».

Пельымские

«Диогены»

Диогенами назвались.
Ради хохмы? Или всерьез?
На мгновение иль на жизнь
бочки-домики и — мороз?
Что в тех бочках? Порох? Вино?
Ворох денег? Царевич Гвидон?
Неизвестно покуда, но
бочки есть. Заходите в дом!
Электрическая плита
там стоит меж овальных стен.
Есть вода, «Песняры», еда.
Что ж ты хмуришься, Диоген?
Отвечает: — Мы тянем нить,
пусть стальную.
Но для чего?
Сшить костюм?
Биографию сшить?
Сшить пространство бы. — И всего!
Автогенная сварка? Нет!
Диогенная сватка лет.
А не будет газовых труб —
сдвинет бочки народ белозуб,
те, в которых он тут живет,
и — продолжит газопровод.

Карелия

Участники агитпоезда сменили железнодорожный транспорт на водный. У причала нас ждут лодки. В них — комсомольские вожаки Питкяранты. Мы совершаем трудовой десант на один из травянистых островов Ладоги.

Парни Питкяранты

Лодки, как рубанки,
стесывают волны
Ладожского озера,
стружки — от бортов!
Парни Питкяранты
стройны и проворны,
и у них в запасе
нет ненужных слов!
Но зато как косят
вожаки-карелы!
Хруп — трава на острове
под синюю косой.
А подсохнет,
носят, затянув умело,
сметанные копны
крепкой бечевой.

Мы в одной упряжке,
голые по пояс,
косы отбиваем, сено ворошим.
С острова, как нитка,
виден агитпоезд,
а оттуда — остров,
дым костра над ним.

Так подыдем разом
по копне протяжной
и не пошатнемся, донесем сполна.
Да не оскудеет за спиной каждой
колкая, пахучая, таящая копна!

Псков

С противоположного берега горел
близкою древний псковский кремль.
— Какая это река? — спросили мы
прохожего.

— Великая! — ответил он.
— Мы серьезно!
— И я серьезно.

Река Великая

Переплываем. Вместе с тевтонцем,
варягом, мамаем,
молодым лектором МИДа —
реку Великую,
может быть, и не великую с виду,
каждый свою,
но об этом покуда не знаем.
Что там белеет,
на том берегу над Великой-рекою?
Псковский ли кремль?
Или нечто другое, такое,
что вообще носит свойство

белеть в данном мире?
Руки — как гири, ноги — как гири.
Кто-то сухим
из воды уже этой выходит.
Кто-то — на дне.
А кого-то срезает течение.
Тело мое
то и дело от судорог сводит.
Так и плыву — коченея.
Переплываем...
Стучит по вечерней равнине
поезд — связной
отдаленных российских окраин,
память хранящих
о поезде этом и ныне.
Переплываем Великую,
переплываем...

Новгород

В Новгороде стоит памятник тысячелетию России. Шарообразный, как Земля, опоясанный чугунными ярусами, на которых — фигуры выдающихся деятелей государства российского, он словно материализованная память нашего Отечества.

В годы войны фашисты разъяли памятник на части, попытались вывезти в Германию. Но не успели... Растерзанный символ России народ собрал воедино.

Всеобщая память

...Пушкин снова лежал на снегу.
Как он страшен для них,
как опасен,

если застит победу врагу
и в чугунной своей ипостаси?!
А мятежный поручик? А Петр?
А Донской? А Пожарский и Минин?
Как живых, вас изгнание ждет
и позор святотатства — отныне!
Вся Россия лежала в снегу —
расщепленное тысячелетие,
но она не досталась врагу:
это наше, потомок, наследье.
Нам ее собирать надлежит,
как тот символ,

фигура к фигуре,
даже если Россия лежит
не в снегу, а в лугах и в лазури.
Собери ощущение свои
в ощущение Отчизны и крови,
возведи до единой любви
все точившие сердце любви,
и слова, что пока не слышны,
сберегай без сомненья под спудом,
чтоб всеобщая память страны
жизнь твою прорвала,
как запруду.

Калининградская область

На протяжении всей Калининградской области в поезде работал народный театр-студия МХТИ имени Д. И. Менделеева. Иначе еще они себя называют «Театром на улице Чехова». Свообразные ребята. Увлечены идеями Николая Рериха. Едят только овощи и фрукты. Просыпаются и зашпают по свистку, который постоянно висит на груди режиссера Михаила Щененко. Михаил в некоторых чертах воссоздал модель агитационного театра 30-х годов «Синяя блуза». И, странное дело, именно контрастом своей наивности, несовместимой, казалось бы, с нашим усложнившимся восприятием мира, самостоятельные актеры как раз и воздействуют на зрителя.

Возвращение «Синей блузы»

Дрожь черепицы крыш,
рожь, а у рек — камыш.
Резвый автобус мчит.
Руки хранят реквизит.
— Ой, облака какие!
Синие и большие!
— Остановите — ах! —
аисты на столбах!

Эти студенты-дети
больше всего на свете
любят «рубать» морковь.
Мясо — не их любовь.
Ветер ли с Гималаев?
Рерих ли Николай?
Эхо витрин? Не знаю,
знаю, что через край
светом любви нездешней
плещет из их очей
к речке ли, иль скворечне,
к вышивке ли гусей,
в небе иль — стеклорезом —
следу лихого ТУ,
к лошади под навесом,
лицам крестьян в поту.
Ах, как красны комбайны!
А на комбайнах парни,
ух, до чего ж черны —
в пламени чугуны!
Поле у ног, как сцена.
Занавесом — стог сена.
А из-за сена — в ряд
красных козынок муза
строится «Синяя блуза» —
древний агиттеатр.
Нет, он еще не вымер,
тот молодой наив,
выкриками своими
разворожив мотив
«Мы — кузнецы...», покуда
совесть еще жива,
и — дорога минута,
и — как турник, слова
«ухнем», «прорубим», «сломи».
И на последнем слове
пыль хлебороб стряхнёт,
что-то свое смекнет...

Брянщина

Так случилось, что рейд нашего агитпоезда по этому легендарному краю совпал с 40-летием партизанского движения на Брянщине. Со всей страны съехались сюда люди, мстившие фашистам за каждый их шаг по земле русской. В вагоне-библиотеке агитпоезда прошла встреча ветеранов с местной молодежью. Мы были потрясены, когда услышали, что во время встреч, случалось, у некоторых ветеранов отказывали переполненные военной памятью сердца.

Время падения яблок

Сентябрь. Брянщина. Морозен
прозрачный утренник. Вокруг —
стук крепких красных яблок оземь.
И вздох земли — на каждый стук.
Природа как бы припадает
в паденье яблок иль в тцете
ветвей осенних сострадает
тревожной чьей-то хромоте.
И всхлип медалей, всхлип медалей
стоит на Брянщине на всей.
Леса родные! Вы узнали
былых своих бородачей?
Обняться, вспомнить, и поведать
и спеть, и вдруг узреть в тоске,
как яблоки свисают с веток
и каждое — на волоске.
И сдвинуть — скоро расставаться! —
стаканы, и опять запеть,
поведать, вспомнить, и обняться,
и по дороге умереть.
А осень клонит кроны набок,
срывает яблоки с ветвей.
Все меньше крепких красных яблок,
все реже ветви и черней...

Вот и окончилась моя кочевая эпопея. Живу в небольшом прикамском городе Чусовом, который стоит на слиянии трех рек и окружен хвойными лесами. Сплю, а во сне, как духовые оркестры, гремят железнодорожные составы, кланяются в пояс зрителям на стойках микрофоны, прощально машут мне вслед руками друзья...

В чусовских лесах

Я прожил год на верхней полке,
потом — шесть месяцев на нижней,

как не попавший в перетолки
безвестный том на полке книжной.
Но вот — подуло и листает,
но вот — не в силах примириться,
про между прочим отрывает
уже какие-то страницы.
Я жил как будто бы в дозоре.
Я знал и радость и кручину.
Я видел Баренцево море,
его холодную пучину!
И до сих пор меня шатает
от той колесной качки века,
и мне гудка всего хватает,
чтоб дверью хлопнуть и уехать!
И до сих пор приходят письма
в мой дом, лесами застекленный,
а значит, память бескорытна,
как те дорожные прогоны...

Горячий пульс

И еще одно. Как у всех друзей, связанных общим делом, у нас была своя песня. И я горд тем, что это была наша песня, моя песня, точнее, мои стихи. Музыку к ним написал лауреат премии Астраханского комсомола композитор Анатолий Гладченко.

Восход краснее меди.
Разбуженный перрон.
— Куда, скажите, едет
Ваш яркий эшелон?
Мы с гордостью ответим,
Сметая грусть и сон,
Что мы, товарищ, едем
За чистый горизонт!
Стучат колеса звонко,
Летит за краем край.
Полоска горизонта,
Гори, не догорай.
Свети, свети упорно
Сквозь натиск тучевой
Над поездом, над полем,
Над целой страной.
Как жилка на запястье,
Синеет чуткий рельс.
И часто-часто-часто
Пульсирует разъезд.
И все Нечерноземье
Прослушивает пусть
То звонкое биенье,
Как свой горячий пульс!

Продолжается жизнь...

Всесоюзная стройка.
Подъемные краны
салиют тебе в небеса.
Шумно дышат заводы.
Плывут караваны кораблей.
Вырастают леса
новых домов.
Колосьями поле восходит.
Лесосеки победно гудят.
Разрастается мощная сила в народе.
Крепче мышцы.
Упорнее взгляд.
На морозе,
в былинных трудящих рукавицах,
тянут трубы газовики.
Небывалая ГРЭС
рукотворной зарницей
попыхает у Камы-реки.
А в Архангельске
в море уходят поморы,
чтобы сети набрякли от рыб.
А в Свердловске
под землю уходят шахтеры,
недра, будто бы книгу, раскрыв.
Фотопленкой эпохи

летит агитпоезд,
кадры окон мелькают в ночи.
Убыстряется жизнь!
Продолжается поиск
дел и помыслов, что горячи.
В непривычном соседстве
нахмуренных влок
по призыву российской земли
поднимается в небо
киргизский поселок,
славя домброю краски зари.
Сколько света, задора,
накала, веселья,
новых окон, руды и угля!
Ветер, тамбур и молодость —
Нечерноземье,
вновь открытая миру земля!

НОВАЯ РУБРИКА

Творческая педагогика

Прозаик едет по командировке «Смены»

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Редакция журнала
«СМЕНА»
Издательство «ПРАВДА»
№ 5 III 1984 г.
№ 29
г. Москва

Выдано РАШУ Карему Бегиковичу
прозаику
отдел спорта
Г.Новосибирск /Фехтовальный клуб «Виктория»/

«Педагогическая поэма» — так назвал Антон Семенович Макаренко свое серьезнейшее прозаическое произведение. И нам вовсе не представляются неспоставимыми сразу три ручья, может быть, точнее сказать — истока или еще точнее — потока, сливающихся в педагогике: научный, поэтический и прозаический. Да, педагогика — это наука. Но наука о воспитании. А есть ли что-нибудь поэтичнее — выше самой высокой поэзии — воспитания, создания, формирования человека и гражданина? И есть ли что-нибудь более трудное, нежели каждодневное, я бы сказал, каждочасное влияние на это формирование личности, влияние примером, словом и делом в ходе тех самых наших будней, что почему-то принято называть прозаическими буднями, и с чем можно согласиться лишь при условии, что эти будни сродни высокой прозе художника-литератора?

О чем бьется ум людской раньше всего? О жизни доброй и праведной. О человеке — каким он был, каков он есть, каким он станет. И о том, конечно же, как воспитать хорошего, доброго, разумного гражданина будущих дней. Как воспитать сегодня человека завтрашней жизни.

Не правда ли, высокая эта мысль очень педагогична? В ней чаяния родителей о детях, в ней мечта борцов о лучшем будущем. Применительно к нашей жизни и нашему обществу мысль эта означает чрезвычайно конкретное и очень точное: коммунистическое воспитание личности.

Карем РАШ

ПОЕДИНОК

Может быть, лучшее, что может выпасть на долю мальчика в жизни, — это праведный бой, поединок по правилам чести, значит, соединение единоборства с совестью. Не драка, а бой, в нашем случае это схватка, которая начинается салютом оружием, а кончается рукопожатием. Бой, что учит чести смолоду, — наш идеал. Такой бой, когда в каждом поединке юноша как бы строит себя сам. Чем мы заняты день-деньской? Для чего все упражнения, тренировки, уроки, диспуты? Для истинного боя. О чем наши помыслы в фехтовальной школе каждый час? О красивых боях... Для чего к нам приходят дети? Чтобы испытать себя в бою. Что такое соревнования, прикидки, матчи? Бои, бои, бои... Зачем выходит на дорожку мальчик, который на помосте уже не ученик такого-то класса, а боец? Чтобы победить! (Некоторые, правда, выходят проиграть. Но об этом вырождении позже.) А что такое победа, то есть виктория, какой ценой и во имя чего? Самые трудные вопросы всегда о самом простом. Что за штука результат? Из каких слагаемых состоит победа? В этом альфа и омега спорта и жизни вообще. Ведь победа — это успех. А кто в жизни тоняется за поражением? Все желают успеха, стало быть, победы. Вот еще одна сторона названия нашего клуба. В фехтовании судейство идет на французском языке, и вся терминология французская, так как Франция — родина спортивного фехтования. Против имени победившего бойца судья ставит в протоколе латинскую букву «V». В нашем уставе записано: «...долг юного сибиряка — заставить как можно чаще звучать на турнирах французское слово «виктуар».

Допустимо ли достижение победы в бою, равно как и успеха в жизни, при некоторых моральных издержках? Ни одна проблема не вызвала за десять лет в нашем клубе таких ярых столкновений, как эта. Спор выходил порой за стены школы, за рамки спорта. Он перерастал в спор о смысле жизни, о сущности педагогики, коль скоро затрагивалась конечная цель наших устремлений. Мы мечтали не о начитанных интеллигентных резонерах, а о воспитанных бойцах. Что может или должен юноша на пути к победе оставить, а что сберечь и закалить во что бы то ни стало?

В слове «виктория», как в фокусе, сошлись моральные, научные, психологические, технические и еще какие угодно проблемы спорта, и не только его, не стану повторять, так как стремление к успеху не исключительная особенность спорта.

Легко начертать девиз: «Отвага. Отчизна. Честь». Поди воплоти, коли отвага без чести вредна, честь без отваги

**НУ, А ОТВАГИ
НАМ НЕ ЗАНИМАТЬ!**

Фото Виктора САККА

Построить столь социально масштабное явление, как коммунизм, Владимир Ильич Ленин считал возможным, лишь «умев превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу (он говорил это, обращаясь к молодым.—А. Л.) непосредственную работу...».

Творческая педагогика. Называя так нашу новую рубрику, мы предполагаем публиковать именно такие материалы, в которых рассказывается о непосредственной работе по воспитанию подрастающего поколения. Ведь это и есть педагогика. А творческой мы определили ее потому, что убеждены: жизнеспособность педагогики как науки практической, а не только теоретической обеспечивается не тем, будет ли она лучше или хуже опираться на заученные формулы, рецепты и предписания,—обеспечивается постоянным, повторю, каждодневным, творческим поиском средств, методов и форм воздействия на формирование юной личности.

Душа юного гражданина открыта для восприятия всего нового, светлого, красивого, интересного. Стремление к познанию, восприимчивость к героике, будь то героика прошлого, истории нашего Отечества или героике настоящего, сегодняшнего дня, мечта найти не только пример для подражания, но и конкретное дело для себя—вот те черты юного человека, которые обязана учитывать педагогика практическая и, значит, творческая. Одновременно

оградить восприимчивые, порой ранимые души наших юных граждан от воздействия грубых, недобрых сил—и это не менее важная задача творческой педагогики.

Средства, методы и формы ее поистине многообразны, многолики. И должны быть, убежден, всеохватны. Можно увлечь юных спортом или рисованием, танцами или техникой, но при этом не выйти за рамки того или иного увлечения и, желая таким образом сделать доброе дело, фактически способствовать формированию ограниченной узкими интересами личности. А можно—и нужно!—во всем и всегда, в педагогике прежде всего, стремиться к гармонии, ибо только гармонически развитая личность является высшим достижением и высшей гордостью подлинного педагога-творца.

Мы надеемся, что материалы новой рубрики «Творческая педагогика» в полной мере раскроют ее идею гармоничного воспитания юного поколения. Надеемся услышать и голос читателей в письмах-откликах, а еще лучше—в письмах-рассказах о том, что и как делается в вашем городе или селе, какие клубы, кружки, трудовые отряды, тимуровские, музыкальные, спортивные объединения созданы энтузиастами у вас. Педагогика—это вовсе не обязательно профессия. Мы даже уверены, что это прежде всего призвание.

Альберт ЛИХАНОВ

нелепа, а и то и другое без Отчизны бессмысленно. Но встречаются же они и в единстве—в сердце каждого истинного бойца или на таких высотах, как, скажем, Куликово поле, Мамаев курган.

Как вы думаете, свет их интенсивного бытия освещает ли наши будни?

Мы часто не упускаем возможности в анекдоте или в беседе поиронизировать по поводу высокого. Нам кажется, приземляя, мы очеловечиваем идеал, а мы его разрушаем и себя, а попутно и детей кормим ядом иронии, от которой они в юности старчески посмеиваются.

Может быть, все пушкинское время уместается в одном движении души юного Дельвига, когда он сказал другу накануне посещения Державиным Лицея: «Я хочу поцеловать руку, написавшую «Водопад».

Не отстраниться ли нам на время от иронии, этого оружия несостоявшихся людей, ибо в поле нашего внимания попадает поединок, когда в извечной жажде самовыражения мальчик выходит с оружием в руках на дорожку, осуществляя свое право на бой?

Речь пойдет не о поединке вообще. Если и привлекать примеры из разных стран да эпох, то все же для главной цели, без коей наша повседневная деятельность слепа и даже вредна. Нас волнует не «конфликтная игра ума и воли», как говорил наш тренер В. А. Аркадьев. Нет. Что есть русский бой? Каковы, следовательно, отличительные черты отечественной школы поединка? Согласитесь, вряд ли можно иметь за собой богатейшее боевое прошлое без закономерностей, с помощью которых выиграны сражения. Говорят же: французская школа фехтования, итальянская или венгерская—и подразумевают под этим определенные принципы ведения схватки. Мы давно уже ни с кем не делимся «Большим призом наций», он всегда в Москве, но стоит заговорить о чертах русской школы фехтования, как даже у такого знаменитого мастера, как Аркадьев, по учебникам которого мы учим детей, появляется на лице растерянность. Я на соревнованиях в разных городах много раз пытался уяснить себе, каковы особенности нашей отечественной школы. Ни один тренер не может дать даже приблизительного ответа. Это становилось загадкой, и, мне кажется, многозначительной, выходящей за рамки нашего скромного ремесла.

Виталия Андреевича Аркадьева я пытал много раз в перерывах между его поистине гротескными уроками в зале ЦСКА. При всей поразительной эрудиции, культуре и находчивости Виталий Андреевич чувствовал себя смущенным. Ответ его напоминал тот, что Екатерина II дала как-то Фонвизину. Последний отправил в журнал «Собеседник любителей русского слова» ряд вопросов анонимному автору «Былей и небылиц»—стало быть, самой императрице. В числе его вопросов был самый главный, который все «осмнадцатое

столетие» волновал русское общество более других и имеет прямое отношение к тому, «что есть русский бой». А именно: «В чем состоит наш национальный характер?» Ответ бывшей немецкой принцессы был расплывчат: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». В. А. Аркадьев—убежденный атеист, потому к «острому и скорому понятию всего» добавлял упорно: «наш атеизм» и «отсутствие догматики», будто французские или венгерские спортсмены обделены здоровьем и здравым смыслом.

На московском чемпионате мира по фехтованию 1966 года журналисты спросили у чемпиона Римской олимпиады Виктора Ждановича, что он скажет о своих товарищах по прославленной команде рапиристов.

Ответ Ждановича был художественно точен. Он ответил, что если бы на пути его товарищей по оружию вдруг вырос забор, то Марк Мидлер долго искал бы в нем щель, обнаружил ее и проскочил, Юрий Сисикин элегантно перепрыгнул бы через него, а Герман Свешников разнес бы забор в щепки. Вот перед вами сразу три стиля, три школы, три подхода к бою. Какой из них родственен твоему ученику? Не станешь же ты мальчишкой, склонному к открытому обмену ударами, прививать методы боевой тактики Мидлера—ведь без склонности извлекать выгоду из ошибок противника, без терпеливого хладнокровия Мидлера нечего и пробовать.

Бой—это напряжение всех ресурсов человека, и здесь, как нигде, нужна верность своей природе, иначе все «пробки» внутри перегорят до срока. Нам нужно такое знание о бое, чтобы мы могли оперировать им не только в холодном оружии. Если мы с учениками смотрим, допустим, футбольный чемпионат мира в Испании и видим, что наша команда позорит наш флаг малодушием, уклонением от схватки, мы должны, показав на этот вялый поединок, сказать в назидание своим ученикам: «Это не русский бой».

У Шукина есть неожиданное и прямо-таки фантастическое по глубине проникновение в идею «русского боя» и народного характера. Рабочая артель сидит в чайной. Завязывается спор, потом драка. И тут полавший в артель чужак из города перехватывает у разгневанных артельщиков инициативу и неведомым для деревенских парней приемом, очень напоминающим каратэ, наказывает зачинщика. Что делает артель? Она дает мгновенный отпор пришельцу и делает это не сговариваясь, дружно. Это не только бессознательная народная реакция на запрещенный прием, здесь глубже. Это, если хотите, интуитивное неприятие ремесла убийцы. Каратэ—это нечто глубоко отталкивающее для «русского боя», для человека, не потерявшего связи с корнями. В отличие от нашей отечественной

самозащиты без оружия (самбо) каратэ—это изощренное ремесло нападения из-за угла, ибо все его приемы внезапности рассчитаны на то, как нанести человеку увечье или даже убить его.

Нам бесконечно дорого наше фехтование именно своей неутилитарностью. То ли люди стали слишком сыты, а потому злее, но, мне кажется, желание части молодежи научиться бить ближнего самым гнусно-точным приемом—неприятное явление. Разумеется, как и в любом виде спорта, из тысяч один станет каратистом, но все же жаль бедных каратистов, нет в мире ни техники, ни приемов, которые прибавили бы отваги, коли ее нет, а о благородстве и говорить нечего.

Итак, что есть «русский бой»?

Тут нам никак не миновать будет пушкинской поры—этого рыцарского часа России, когда Отвага, Отчизна и Честь, слившись воедино, дали среди мрака николаевского самодержавия чудную вспышку света, хотя путеводной нитью для нас будет и здесь Святославо «хочу на вы идти»—эта неизменная формула «русского боя». Искренность и честь—первооснова и боя и жизни.

Посмотрим же, каковы проявления этой формулы в поединках, которые суть модели больших сражений. Еще в «Юности честном зерцале», которое, как и все особо важное, правил собственноручно Петр, сказано: «Младой отрок должен быть смел, отважен и не робок, совершенен в языках, конной езде, танцевании, шпажной битве, к тому же красноречив и в книгах научен». В Лицею Пушкин получал по фехтованию высшие баллы. Первая дуэль Лермонтова с Барантом началась со «шпажной битвы». Выходя на поединок, они, естественно, желали победить. Но как победить, было делом их чести. И это «как» включало не только ритуал, отвечающий эпохе, но, что важнее,—неподдельность рыцарского поведения, а это из области этики. И вообще «русский бой» неразрывен с нравственностью, без которой он как бы лишается души. Коли мы в своем клубе поверяем гармонию боем и учим извлекать из него красоту оружием, то задержимся на том, что составляло суть нашей работы.

...Александр Сергеевич Пушкин не расставался с изумрудным перстнем в золотой оправе. Он хранил Пушкина во всех дуэлях, кроме последней битвы у Черной речки, когда поэт пал с оружием в руках, защищая честь своей семьи. Эхо выстрелов у Черной речки не дает нам покоя по сей день. И впечатление у нас то же, что у современников поэта. Баратынский писал Вяземскому: «Пишу к вам под громовым впечатлением, произведенным во мне, и не во мне одном, ужасною вестью о погибели Пушкина»...

Умирая, Пушкин подарил перстень Далу. Мы не знаем, какой смысл вложил поэт в этот предсмертный жест, но догадываемся, что он не был случаен. Даль, создав словарь русского языка,

оправдал надежды поэта. В этом волнующем эпизоде нас интересует, конечно, не обрядовая сторона, а идея преемственности. Коли связь времен еще не распалась, то не является ли каждый из нас носителем этой нравственности? Вот мы и решили награждать победителя турнира памяти декабристов «Синие гусары» серебряным перстнем—этим символом преемственности.

Что значит для бойца освещенный прямоугольник, на который он выходит? Только боевой помост или подмости? Каждый поединок—это диалог, ведет ли его команда или одиночка. Каждый диалог—это тоже поединок. Дуэль—ожесточенный диалог двоих на лезвия клинков. Мы даже называем эти завязки, периоды боя «фразами». Оружие—только инструмент, на котором бойцы выражают свои чувства и мысли. Дисциплина, энергия и глубина замыслов при лаконизме и ясности фраз отличают мастера высшего класса, тогда как категоричная решительность выдает натасканного невежду, а сбивчивый, неясный язык клинка легко обнаруживает неопытного. Последнее слово за тем, кто нанес укол. Все силы, вся собранная в кулак воля отдаются во имя этого победного слова. Значит, искусство фехтования не исполнительское, а разящее? Ведь спортсмен вышел не очаровывать, а побеждать.

Но если на чаше весов только превосходство одной воли над другой, если венцом усилий является всего лишь медаль, то при чем здесь искусство? Выигрыш—вещь заунывная и доступная любому здоровому человеку при известном трудолюбии. Теперь мы коснулись кардинальнейшей проблемы не только нашего вида спорта, но и любого рода деятельности, и нам уже некуда отступать. Победа, как и золото, которым она символически оценивается, имеет разную пробу. Мы будем говорить о качестве победы в надежде, что это поможет нам осознать и качество жизни.

Чтобы приблизиться к сути, возьмем на себя смелость судить победителей.

Задумываемся ли мы над тем, почему один боец, продемонстрировавший на пути к пьедесталу мышечную мощь, пластичность психики и темперамент в сочетании с боевым коварством, фантазией и эмоциональной устойчивостью, увы, оставляет свое имя лишь на газетной странице или в календаре федерации, тогда как другой с пьедестала того же ранга уходит в легенду и становится хрестоматийным эталоном учебников фехтования? Почему мы приводим в пример юношам рапириста Виктора Ждановича, хотя и после него был добрый десяток чемпионов мира? Почему мы до сих пор вспоминаем Юрия Власова, ведь сейчас берут веса и потяжелее, или нередко с особым удовольствием вспоминаем о борца рыцарского стиля боксера В. Енгибаряна или элегантной манере борца А. Иваничкиго?

Справедлив ли этот жребий? Да,

справедлив. Потому, что и элитарность, и артистизм, и рыцарство — все эти качества можно объединить понятием «благородство», а это уже категория нравственная. Стало быть, в слагаемые победы влетает очень дорогое для нас качество, связанное с красотой человеческого поведения, а то, что рождалась эта красота в конфликтной ситуации, в бою, не только повышает ценность этого качества, но еще и подчеркивает его подлинность.

Только с моральных позиций перед спортом открываются безграничные возможности в формировании личности. Когда мы услышим, что кто-то победил, мы это отметим, и порадуемся, и может быть, забудем в сутолоке дня. Но когда мы узнаем, как он победил, и если это «как» прекрасно, мы это запоем надолго, быть может, навсегда. Так уж счастливо устроен человек. Ибо «что» — достижимо, а «как» — безгранично. «Прекрасное трудно», — говорил Платон. Именно исключительность поведения превращает действия матадора в его дуэли с быком в гипнотическое таинство. В эти минуты трибуны заморожены: здесь красота перед лицом высшего экзаменатора — смерти. Не зря испанцы финал этой древней мистерии называют «моментом истины». Это не бойня, а бой равных. Но если матадор погрешил против истины, его освищут, как мясника или в лучшем случае ремесленника. Вот уж где голый результат не имеет никакой цены, ибо «как» победил здесь возведено в абсолют.

Может показаться, что мы забыли или пренебрегли результатами, то есть рекордами, очками, секундами. Отнюдь. Мы только отвели им подобающее место. Качество победы — это символ развитого спорта, как качество труда — требование и норма развитого общества.

К сожалению, большинство наших оппонентов путают красоту с красотой, как иные — потребительскую утилитарность с рациональностью. Боец может научиться владеть клинком, как скрипач — виртуозу смычком, но это будет бесплодное искусство, если он к этой боевой игре ума и воли не добавит вдохновения — отваги.

«Корень красоты — отвага», — сказал поэт.

О какой же мы мечтаем отваге, желая приблизиться к нашему идеалу? Один дерется с перекосенным от ярости лицом, другой бьется спокойно, пытаясь скрыть напряжение, третий фехтует с улыбкой. Нет, не с вымученной улыбкой, которую все равно выдадут движения, а с подлинной, какая бывает только в минуты внутренней раскованности. Вот это и есть редчайшее проявление отваги, которая сродни поэтическому вдохновению.

Еще на миг выйдем за рамки спорта. Сирано де Бержерак, один из любимцев наших ребят, поэт, философ, бретер и бесстрашный поборник правды, начав свою схватку с де Гишем, светским хлыщом, улыбаясь, сочинял вслух «Балладу о дуэли» и обещал противнику убить его на последнем слове баллады. Охваченный боевым вдохновением, он и нас заставляет забыть, что с каждой строчкой бросает свое сердце на клинок врага. И когда дуэль кончается, мы воспринимаем ее не как конец де Гиша, а только как конец баллады. Таково завораживающее действие искусства, которое служит красоте.

Когда Пушкин написал в озорной эпиграмме, что ему «и кюхельбекерно, и тошно», вспыльчивый Вильгельм вызвал друга на дуэль.

Попытка примирения не удалась. Противников развели. Вильгельм стал целиться. Тут Пушкин неожиданно крикнул Дельвигу, секундтанту Кюхельбекера:

— Дельвиг, стань на мое место!
— Зачем? — спросил Дельвиг.

— Здесь безопаснее, — был ответ.
Раздался взрыв юношеского смеха. Это было уже выше сил Вильгельма. Но когда он увидел, что смеется даже его

секундант, он в бешенстве повернулся неловко и выстрелил. Шляпа Дельвига была продырявлена. Говорят, Пушкин бросил в снег свой пистолет и пошел обнимать Кюхлю со словами: «Пойдем лучше, Вильгельм, пить чай!»

Данзас, который присутствовал здесь же на правах общего друга и знатока дуэлей, заметил, что это первый случай на его памяти, когда стреляют в своего секунданта. Не думайте, что дуэль с Кюхельбекером менее смертельна, чем поединок с гвардейским офицером. Непробитый бывает часто опаснее бретера. Помните, как недотепа и «очкарик» Пьер Безухов сразил опаснейшего дуэльного бойца Дорохова? Тому много примеров. Если Данзас и прав, что это первый случай стрельбы в своего секунданта, то, порывшись в истории дуэлей, мы не найдем яснее улыбки под дулом пистолета.

Однако вернемся к нашему любимому оружию. Советская школа фехтования за последние два десятилетия воспитала ярких бойцов. Они дрались с открытым забралом и, дав выход своей индивидуальности, разметали обветшавшие перегородки псевдоклассических догм. Ленинградец Виктор Жданович — последний классик и первый новатор, ибо он победил в Риме Кристиана д'Ориоля, этого «Пеле фехтования», но уже когда наступила эра электрофиксаторов. Волжанин Герман Свешников закрепил эту победу.

Все дело в том, как фехтовальщик относится к рапире — оружие ли это для него, или инструмент. И тому и другому была присуща высокая техника, но Жданович больше исполнял, чем дрался, а Свешников больше дрался, чем исполнял. Кто органично соединит в себе эти два начала? Кто будет драться, играя?

Кажется, саратовец Юрий Сисикин был к этому ближе других. Но его место давно уже свободно. При упоминании одной только его фамилии любой тренер мечтательно вздохнет. Спортивная биография Сисикина для нас вдвойне поучительна. Будучи одним из лучших в мире мастеров клинка, он ни разу не стал в личном зачете не только чемпионом мира, но, кажется, даже чемпионом страны. Ему были присущи и дерзость и артистизм, в сочетании этих двух начал и была следующая ступень фехтования.

Но в благородном сисикинском равновесии между боем и непринужденной игрой уже заложен упадок. Такой гармонии трудно удержаться на грешной земле, она тяготеет к декадансу. Потому в энергичной манере Свешникова

было больше будущности, больше молодого напора и вызова. Свешников, пожалуй, за всю историю нашего фехтования один вел настоящий «русский бой», не изменив ему ни на мгновение. Он был естествен, искренен, дерзок, лишен напрочь даже намека на манерность. Герман, как никто другой в мире, расширил регистр оружия. Он колот со всех позиций, в любой момент и всегда раскрывшись, всегда давая противнику себя колоть, сгребая «горбушей» (обобщающим приемом) все попытки опередить себя, и к досаде и удивлению соперника и к восторгу зрителя, разил в самое неожиданное место. В этом было много удали и улыбки. Мне всегда это напоминало эпизод из фильма «Александр Невский», когда из-под груди тел в жестокой сече вдруг вылезает Васяка Буслав, а у самого рта до ушей. В детстве этот эпизод вызывал у меня, помню, восторг, близкий к экстазу, от радости встречи с чем-то неистребимо жизнеутверждающим... Я не могу подобрать слов.

Однако мы тогда вновь переусердствовали. «Новаторы» действительно разрушили закостеневшие догмы, но в уповании победой те, что шли за ними, забыли: «классика» охраняла не только свои догмы, но и древний канон красоты. Нам в то время не было дела до прошлого, так же как теперь часто нет дела до ветеранов, с которыми мы легко расстаемся, лишая спорт благородной зрелости. Мы спешим, не осмысливая свой собственный путь. Победа любой ценой привела к сужению цели, к прямолинейности, к натасканности.

Лучшей иллюстрацией этого наступившего топтания на месте в буквальном и переносном смысле были бои на Олимпийских играх в Мюнхене. Противники, запрограммированные на укол, делали до двадцати обоюдных атак подряд. Двадцать! Благородное искусство холодного оружия было доведено до абсурдного зрелища, которое может вызвать лишь сострадание к его участникам. Некоторые специалисты стали даже поговаривать о смерти этого вида фехтования. Международная федерация в пожарном порядке ввела новые правила, ограничивающие обоюдные атаки. Говорят, помогло. Но надолго ли?

В любом явлении, когда средства приносятся в жертву цели, вместо высшей целесообразности начинает доминировать заурядная утилитарность, ибо здесь выпадает категория красоты. Красота как бы мстит за себя. Вспомним, как быстро поняли канадцы, что стремление забить шайбу любой ценой,

даже ценой грязной игры, обкрадывает их же самих, и стали перенимать опыт нашей школы высокой игры. Отваги им было не занимать, и здравый смысл не подвел — они поняли, что красота (если хотите, культура) выгодна. Именно выгодна. Постичь это труднее всего. Жажда немедленного успеха, выгоды сейчас, сегодня близка к потребительству и легче достижима. Это и есть жадность, а последняя, как известно, близорука.

Что касается нас, то и нам не мешает перенять у канадцев их боевую беспощадность к себе и противнику, по справедливому замечанию тренера А. В. Тарасова.

Наша школа фехтования должна остаться верной тем идеалам, которые в свое время выдвинули ее в лидеры. Почему именно мы должны первые подумать о судьбе фехтования? Потому что наша школа самая сильная в мире, а этот высокий ранг требует такой же ответственности, а еще потому, что неудовлетворенность — залог развития и враг рутины.

Выгода, хитрость и злость во всех обликах бесконечно далеки от красоты и ясности. Укол исподтишка чужд самому духу нашего характера.

Подведем итог. У бойца всегда два соперника. С одним он сходит лицом к лицу. Другой противник не значит ни в одном судебском протоколе. Второй — это он сам. Победа над первым соперником тяготеет к понятию «что». Это дело отваги. Мы вынесли это слово в девиз клуба. Победа над собой сродни категории «как», и это дело его чести. Это слово тоже фигурирует в девизе клуба. Облик любого спортсмена, как и школы, его воспитавшей, формируют эти два понятия. Гармоническое слияние этих двух начал превращает победу в триумф.

Возвращаясь с турниров к себе в школу, мы радовались каждой победе, пусть даже самой маленькой, самой заурядной. Мы знали, что много рядовых побед могут родить ту, которую про себя называем великопобедой. Если мы не очень преуспели в этом, на то свои причины, и одна из них в том, что мы слишком часто были одиноки в своем желании среди шквала «давай, давай». Но, вглядываясь в лица своих юных бойцов, мы всегда искали среди них будущих Свешниковых и Ждановичей. И не теряли надежду. Если они родятся в другой школе, мы будем радоваться так же, как если бы это было свершением нашей собственной мечты, ибо это пойдет на пользу всем нам.

А более всего на свете мы боялись, как бы нами не завладело искушение делить детей на «перспективных» и «бесперспективных», как отделить зерна от плевел.

Лелея каждую победу, мы оберегали «бесперспективных», ибо отсутствие громких спортивных побед они с лихвой компенсировали своей преданностью фехтованию. Это они выпускают «молнии» победных реляций, спорт в диспутах, готовят турниры, приносят книги, аплодируют, переживают и трудятся. Они культурная и заинтересованная публика наших трибун. Это общественники сегодня и подвижники спорта завтра, а «...подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизне-радостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают...»

Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самой жизнью, стоят вне всякой цены» (А. П. Чехов).

Если хорошая школа — это «детская республика», то что это за республика, если она состоит из одних воинов? Республике нужны, помимо прекрасных бойцов, такие же поэты, художники и труженики. Не в этих ли «бесперспективных» наша завтрашняя перспектива?

Карем Раши родился в курдском селе Акко в Армении. Вырос и окончил русскую школу в поселке Лагодехи в Кахетии, у подножия Большого Кавказа. Не питая склонности к кабинетной науке, он через пять лет обучения иранистике на восточном факультете круто меняет жизнь, заканчивает почти экстерном факультет журналистики Ленинградского университета и по распределению едет в 1963 году в Новосибирск. Став журналистом по проблемам науки, он объездил все «редуты» молодой сибирской Академии.

Однако привязанность к детям оказалась сильнее даже музы странствий. Еще в Ленинграде студентом он работает воспитателем в детском доме и два летних сезона проводит в качестве начальника летнего лагеря у детдомовцев. Повесть об этой поре «Лето на перешейке» вышла в журнале «Москва» (№ 6) в 1982 году. Это была литературный дебют К. Раши. Сейчас он завершает сборник «воицких повестей» под названием «Сибиряки против СС, или Противление злу силой», а в издательстве «Советская Россия» выходит его книга «Приглашение к бою».

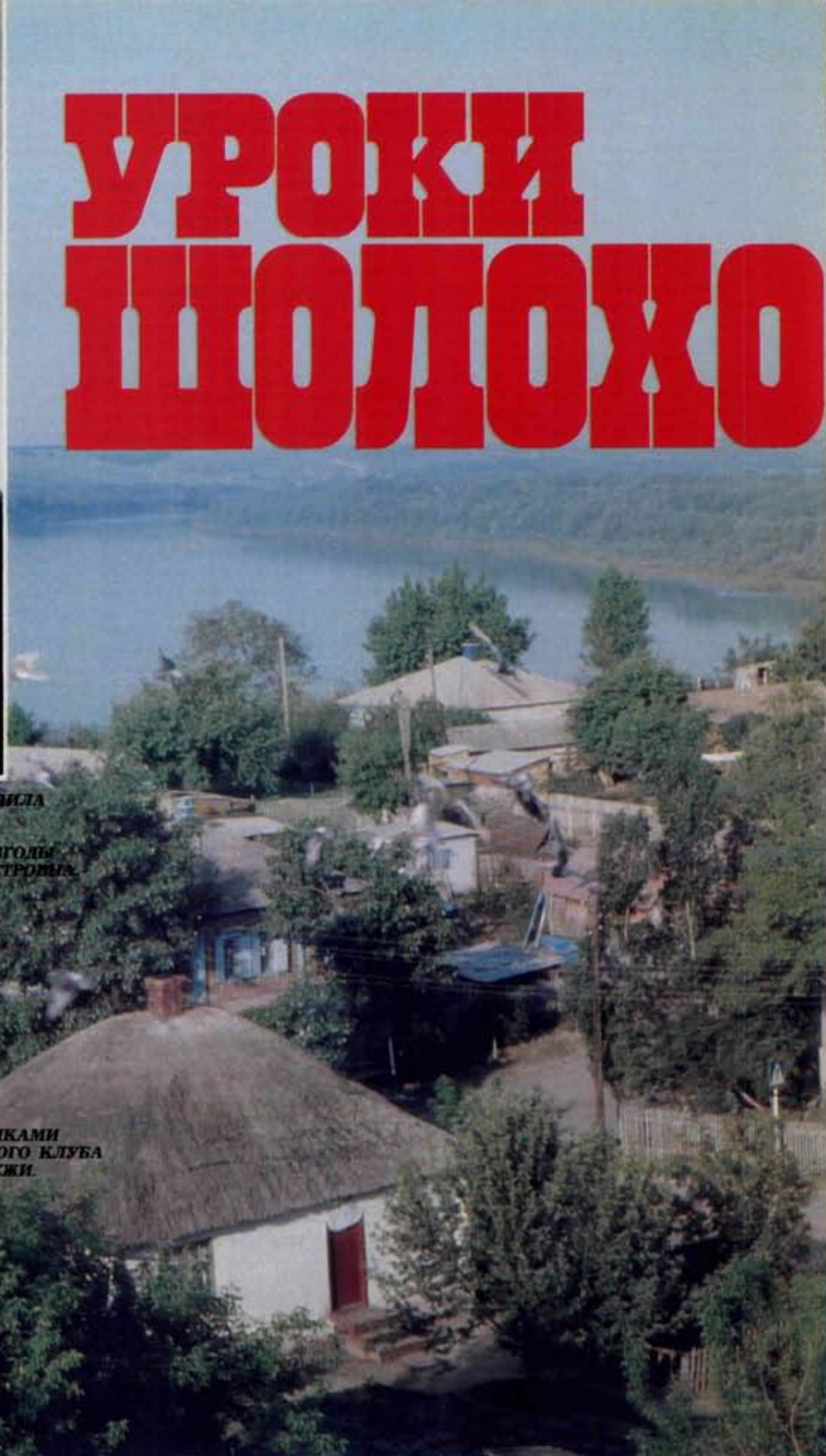
В 1967 году К. Раши в Академгородке под Новосибирском основал вместе с молодыми учеными мужикетерский клуб «Виктория». Новаторская программа клуба предусматривала, помимо фехтования, уроки французского языка, занятия по истории отечественного оружия, музыке, поэзии, беседы по этике. Внутренней жизнью «Виктории» руководит юный «Круг капитанов». Регулирует жизнь «детской республики» кодекс чести. Клуб приобрел с годами трехступенчатую возрастную структуру. Праздничной настроя, романтические ритуалы, символика и традиции вызывают широкий интерес общественности к программе клуба. По типу «Виктории» созданы спортивные клубы в других городах. «Виктория» открывала первенство мира по фехтованию в Минске в 1970 году, участвовала в прологе открытого XV съезда ВЛКСМ. Документальный фильм о клубе по сценарию К. Раши получил Гран при в Кортина д'Альпеце.

«Виктория» и сейчас не потеряла притягательности для ребят не только Академгородка, но и ближайших деревень и рабочих поселков. В этом «учитель фехтования», бессменный президент «Виктории» Карем Раши смог снова убедить, когда по командировке «Смены» побывал недавно в Новосибирске и встретился с новым поколением юных воспитанников клуба.

Продолжение следует.

УРОКИ ШОЛОХОВА

ШЕСТИДЕСЯТ ЛЕТ ЖИЛА
С МИХАИЛОМ
АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ
ВСЕ РАДОСТИ И НЕВЗГОДЫ
ЖЕНА ЕГО МАРИЯ ПЕТРОВНА.

1963 ГОДУ
ШОЛОХОВ С УЧАСТНИКАМИ
СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОГО КЛУБА
ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Василий ЛИТВИНОВ.

**Фото Алексея МАСЛОВА
и Якова РЮМКИНА**

1. Предопределение

С чего сам он начинался? С «Донских рассказов»? Нет, большой писатель обычно «начинается» задолго до первой книги.

Сегодня, когда в ретроспекции можно взглянуть на всю большую жизнь Шолохова, ростки его замечательного таланта отмечаешь буквально с самых юных

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ.

лет: еще до первых газетных фельетонов, до «безымянных» пьес, которым так шумно аплодировали в станичном клубе. Впервые художественный дар проглянул в пареньке еще в начальных классах Богучаровской гимназии. Один из сверстников Шолохова вспоминает о том времени: когда, бывало, инспектор приносил тетради с сочинениями и школяры бросались к нему с нетерпеливыми вопросами, у кого получилось лучше, как правило, следовал ставший уже привычным ответ: «Все написали неплохо, однако Шолохов и на этот раз всех лучше»...

Когда станичный драмкружок переиграл все пьесы, какие только можно было добыть по тому времени, и над ним нависла угроза репертуарного голода, выручил Миша Шолохов. Сказал, что знает, где можно переписать новую

**СТАНИЦА ВЕШЕНСКАЯ,
ГДЕ СОЗДАНЫ ЛУЧШИЕ ТВОРЕНИЯ
ВЕЛИКОГО ПРОЗАИКА.**

пьесу — очень злободневную, о событиях гражданской войны. Обещание свое сдержал и к назначенному дню принес переписанную в школьную тетрадь драму под названием «Генерал Победоносцев» — о том, как красные казаки разгромили чванливого генерала вместе со всем его воинством, как пришла на Дон свобода...

Через некоторое время добыл Шолохов еще и другую пьесу, тоже из казачьей жизни. Старый учитель, руководивший драмкружком, Тимофей Тимофеевич Мрыхин, человек на редкость

НА СТАНИЧНОЙ УЛИЦЕ.

деликатный, старательно делал вид, что и понятия не имеет, где его любимец находит все эти сокровища, спасающие драмкружок, что за клад такой попался ему в руки.

Но про себя знал: не клад в руки, а сами руки эти поистине золотые. И голова у парня золотая. Не только актер замечательный, но еще и сочинитель! И всех этих вершин сумел достичь уже в шестнадцать лет!

Да, конечно, не одаренных от природы, бесталанных детей вообще не существует. У каждого от рождения своя звезда — у одного живопись, у другого хлеборобство, у третьей с малых лет искусные руки кружевницы. Но худо, если человек живет, и не догадываясь о своем предназначении. Разве что на кладбище кто-то скажет над свежей могилой: «В нем погиб замечательный талант»...

И так прекрасна участь тех, кто смолу находит себя. Кто в глубине души, может, даже подсознательно, но все-таки чувствует; и новая прочитанная книга, и удачное школьное сочинение, и пьеса для драмкружка, и газетный

МИР ЕГО ГЕРОЕВ.

фельетон — все это твое приближение к заветному. Шаг, еще шаг...

В писательском деле чрезвычайно важны и природный дар и настойчивая каждодневная выучка, все новые и новые «пробы пера». И все равно это лишь полдела. Есть самая высокая мудрость, постичь которую удастся, увы, не всякому. И не только в годы юные, но и в зрелые. Думаешь: сколько их, даровитых людей, горько поплатилось за это непонимание, пренебрежение этой истиной. Чем, собственно, поплатилось? Да просто тем, что так и не стали настоящими писателями, хотя и обладали даром, и целые годы убили на бесплодные литературные опыты.

А истина эта такова: писателю, кроме таланта и выучки, нужна еще **жизнь**, судьба. Чтобы обратиться к миллионам читателей со своими раздумьями о жизни, необходимо досконально знать ее, вариться в ней, испытать все, что потом выпадет на долю героев будущих книг. Все заемное, взятое напрокат с чужих страниц, с экрана, перелицованное и подкрашенное, — это в профессиональном литературном обиходе угадывается сразу же, этим здесь никого не обманешь, не проведешь.

В искусстве нужно только **твое**, лишь тобой пережитое и осмысленное.

Надо учиться жизни! Надо — и талантливого писателя Исаака Бабеля, автора уже совершенно профессиональных вещей, Алексей Максимович Горький все-таки посылает «в жизнь»: будущий автор «Конармии» идет в солдатский строй, в чекистский отряд, к наборной кассе в типографию. И только по прошествии семи лет снова возвращается к своим рукописям.

Нечто подобное случилось в судьбе Александра Фадеева и Константина Симонова, Константина Паустовского и Александра Грина...

Юный Шолохов, станичный хлопец, понял это, что называется, с младых ногтей: писательство — это прежде всего живая жизнь. С этого надо начинать.

Он страстно мечтал о судьбе литератора, но стал станичным налоговым инспектором. Потом учителем начальных классов. Занимался хлеборобским делом, статистикой, журналистикой... Когда в станице на мельничном подворье появился комсомольский продотряд, первым из местной молодежи, кто записался в продотрядчики, был Михаил Шолохов.

До того, как выйти его первой книге рассказов, молодому автору еще предстояло испытать труд грузчика, счетовода, каменщика...

Но налоговым инспектором, но учителем и статистиком он был необычным: мог часами — пусть даже ночь напролет! — беседовать по душам с интересным человеком, с огромной заинтересованностью выслушивать его боли и радости, воспоминания и «байки». А как охоч был молодой Шолохов до разговоров где-нибудь у степного костра, в ночном, когда коней пасут, на шумном казачьем сходе. Безотказно писал он письма под диктовку неграмотных, собирал по хуторам редкие песни и пословицы, заносил все свои приобретения в заветную тетрадь.

Поэт хорошо сказал: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь».

**ГЕНИАЛЬНЫЙ ЗНАТОК
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ,
ШОЛОХОВ БЫЛ
И БОЛЬШИМ МАСТЕРОМ
ОПИСАНИЯ ПЕЙЗАЖА.**

ВА

То, что пришло потом к Шолохову — мастерство, творческая удача, слава, — все это с юности было обеспечено большим и самоотверженным трудом, каждодневными, каждочасными усилиями души. Это было исполнением того завета, который дал будущий писатель сам себе: всегда с людьми, всегда полной жизнью, испытать все, что положено человеку моего времени!

Отсюда и все «производное». Хотя иные в станице и немало удивлялись: с этим Мишей Шолоховым всегда что-нибудь да случится! Шутка ли, не кому другому, а именно ему выпало уже в конце гражданской войны попасться в лапы самому Нестору Махно!..

Когда в 1925 году будут издавать сборник первых шолоховских рассказов, названный «Лазоревая степь», редакция попросит молодого автора написать страницу автобиографии. И Шолохов напишет обо всем пережитом с предельной лаконичностью: «Долго был продработником. Гонялся за бандитами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами. Все шло как положено. Приходилось бывать в разных переплетках...»

Судя по всему, не в жанре автобиографии, а в ином, другом жанре было суждено ожить и раскраситься тем событиями, которые запечатлелись в юношеской памяти.

Он напишет рассказ «Родинка» — про комсомольца Николку Кошерева, восемнадцатилетнего командира эскадрона, преследующего белогвардейскую банду по донской степи.

О прототрядчике Николае Косых он поведает в рассказе «Чужая кровь». Бандиты были уже отравили его на тот свет, искалечили страшно. Но парня вернул к жизни старый казак Гаврила. А был этот казак как раз одним из тех, кто особенно противился продразверстке, сопротивлялся прототрядчикам. Теперь он, повинувшись душе, выходил раненого. И стал для него спасенный красный прототрядчик как сын. Однажды старик так и сказал: «Хучь и чужая в тебе кровь, а душой за тебя болишь, как за родного...»

В наши дни хорошо всем известны — хотя бы даже по кинофильмам — шолоховские сюжеты «Шибалково семья» и «Нахаленок». Они тоже рождены этой жизненной стихией, в них опять же о прототрядчиках и бандитах, о том, как жена пулеметчика Шибалка была избита в связях с бандой и велено было Шибалку самолично расстрелять ее, а на руках у него оставалось новорожденное дитя... Как маленький казачок Мишка, прозванный Нахаленком, помогал прототряду отыскать тайные закрома в поповском доме, а потом, преодолев невероятные преграды, сумел-таки сообщить красным о бандитах в станице...

Но среди всех этих ранних шолоховских произведений, пожалуй, самое «выстраданное» — небольшая повесть «Путь-дороженька». Она особенно остро приближает наше читательское зрение к тем действительным реалиям, подробностям жизни, что некогда потрясли молодого станичника. Вот где мы и узнаем, как же все происходило на хуторе Конькове, когда молодого бойца схватили махновцы...

«...Подожел низенький, колченогий взводный. От высоких английских краг воняло дегтем. Спросил у провожатого: — Ко мне ведешь?

— К тебе, велели поскорее!

Взводный поглядел на Петьку сонными глазами, сказал:

— Чужак народ... Валандаются с парнишкой, его мучают и сами мучаются.

Хмуря рыжие брови, еще раз глянул на Петьку, выругался матерно, крикнул: — Иди, вахлак, к сараю!.. Ну!.. Иди, говорят тебе, и становься к стене мордой!..»

Так некогда пережитое вставало на страницах донских рассказов в своем на века запечатленном облике.

Когда-то старому учителю из станицы

Каргинской показалось, что Миша Шолохов, одаренный его ученик, уже достиг всех вершин, сумев написать замечательную пьесу «Генерал Победоносцев», запечатлевшую героические события на Дону.

Знал бы он, какие настоящие вершины ждали его ученика впереди, к ним еще предстояло идти и идти. Сколько раз еще юный сочинитель пьесы о генерале Победоносцеве будет возвращаться к этому же материалу, снова и снова, пока, наконец, не родится под его пером «Тихий Дон», про который можно будет сказать: вот уж действительно вершина...

Он напишет о своем времени такую книгу, которая сделает его имя близким людям на целой планете — и на австралийском побережье будут его знать, и в Африке, и на канадских озерах. Книга на все времена, пока будет существовать самое понятие «книга».

Литература вторгается в действительность... Фраза эта от частого повторения в критических статьях звучит уже как формула. Однако, обращенная к шолоховским книгам, она вдруг наполняется какой-то непередаваемо первоначальной, горячей сутью, обретает высокое свое звучание. Все выстраданное, выношенное в мыслях Григорием Мелеховым и Аксиньей, Давыдовым и Андреем Соколовым, Бунчуком и Лопухиным теперь, можно сказать, в генах целых поколений, а значит, и в живой жизни. Силой художественного гения это вновь и вновь, бесчисленно раз повторено в читателях, в их человеческих судьбах.

И больше того сказать. Шолоховские произведения стали фактом самой конкретно-исторической действительности, частицей нашего великого времени. Они непосредственно воюют и трудятся, учат и воспитывают, вдохновляют на большую жизнь и в самом деле ежедневно вторгаются в бытие.

2. Глубина слова

Глубина?

Но какая у слова может быть глубина, если оно самое легкое на свете, сколько всяких слов слетает с языка ежеминутно?!

«Слова, слова» — гамлетовская фраза повторяется из века в век как формула людского неверия.

Но в то же время есть утверждение Льва Толстого о том, что «слово может и убить, и сделать зло хуже смерти». Анатолий Франс считал, что «слово тоже поступки», бессмертный афоризм принадлежит Маяковскому: «Слово — полководец человеческой силы»...

А как чутка к слову народная мудрость! «От одного слова — да навеки ссора...» «Живым словом победить...» «Бритва скрежет, а слово ранит»...

Шолохов мог бы щедрой рукой пополнить это собрание, ибо в казачьем фольклоре, как и в любом другом, народ так много и разное размышляет о силе, о всемогуществе слова. Налутствуя одно из изданий книги В. Далея «Пословицы русского народа» (Гослитиздат, 1957), Михаил Александрович писал:

«Величайшее богатство народа — его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах... Беспредельно промываются временем и шлифуются рассыпанные в пословицах золотые крупы народной жизни, борьбы и традиций бесчисленных поколений».

На страницах шолоховских книг мы нередко становимся свидетелями этого удивительного процесса, когда слово «промывается временем и шлифуется». И герои шолоховские, люди, в общем, бесконечно далекие от каких бы то ни

было филологических изысков, тем не менее порой проявляют чуткость к слову удивительную.

Вспомним, как в «Тихом Доне» старый хуторянин Емельян гостит у Аксиньи, устроившейся горничной к богатому помещику. Для хуторянина она сразу стала какой-то чужой, незнакомой, будто предала в чем-то хутор и его обычаи. Простодушный казак, не в силах всесторонне осмыслить это свое впечатление, прицепился к словцу, ненароком брошенному Аксиньей, он как бы нашел самое ее уязвимое место.

«— Холодно здесь... — поддрожав плечами, сказала Аксинья и вышла.

Наливая восьмую чашку, Емельян проводил Аксинью глазами медленно, как слепой ноги, переставляя слова, сказал:

— Гнида гадкая, вонючая, какая ни на есть хуже. Давно ли в чириках по хутору бегала, а теперь уж не скажет «тут», а «здесь»... Вредные мне такие бабы. Я бы их, стервов... Выползень змеиний! Туда же... «холодно здесь»... Возгря кобыля! Пра!

Обиженный, он не допил восьмой чашки, выпел, перекрестился, ушел, независимо поглядывая вокруг и сознательно грязня сапогами натертый пол».

Иная ситуация у Кондрата Майданникова в «Поднятой целине». Председатель Давыдов за самоотверженную пахоту назвал его «самым фактическим ударником». Слово незнакомое на хуторе, но явно похвальное.

«Кондрат уже придремал, когда жена забралась к нему под зипун, толкнула в бок, спросила:

— Кондраша, Давыдов тебя повеличал... Вроде бы в похвалу... А что это такое — ударник?

Кондрат много раз слышал это слово, но объяснить его не мог. «Надо бы у Давыдова разузнать!» — с легкой досадой подумал он. Но не растолковать жене, уронить в ее глазах свое достоинство он не мог, а потому и объяснил, как сумел:

— Ударник-то? Эх, ты, дура-баба! Ударник-то? Кгм... Это... Ну, как бы тебе понятней объяснить? Вот, к примеру, у винтовки есть боек, каким пистонку разбивают — его тоже самое зовут ударником. В винтовке эта штука — заглавная, без нее не стрельнешь... Так и в колхозе: ударник есть самая заглавная фигура, поняла? Ну, а зараз спи и не лезь ко мне!»

Классический в своем роде эпизод, где Макар Нагульнов изучает английский язык. После тяжелого трудового дня сражается с неподатливыми английскими глаголами неистовый Макар, до слез трогательный в своей самоотверженности, в своем вольном толковании этимологии слов, способном сегодня вызвать улыбку даже у третьеклассника:

«— Я за эти месяца толечко... восемь слов выучил наизусть. Но сам собою язык даже несколько похожий на наш. Много у них слов, взятых от нас, но только они концы свои к ним поприделали. По-нашему, к примеру, «пролетариат» — и по-ихнему так же, окромя конца, и то же самое слово «революция» и «коммунизм». Они в концах какое-то шипенье произносят, вроде злобствуют на эти слова, но куда же от них денешься? Эти слова по всему миру коренья пустили, хошь не хошь, а приходится их говорить».

Но вот Макар обращается к самой цели этих своих ночных бдений, и великая вера этого «не шибко грамотного» казака в силу слова, пафос его устремлений не могут не зажечь в читателе ответного огня, не восхитить своей бескорыстностью.

«...— Произойдет там Советская власть, но многие английские коммунисты не будут знать, что такое есть классовая вражина в голом виде, и с непривычки не сумеют с ней как следовать обойтись. Вот тогда я попрошусь к ним поехать, почтить их, и как я ихний язык буду знать, то приеду и сразу в точку. Револьюшью у вас? Коммуни-

стишьен? Бери, ребята, капиталистов да генералов к ногтю! Мы в России их, гадов, в семнадцатом году по своей невинности на волю пуцали, а они потом нам начали жилы резать. Бери их к ногтю, чтобы ошибки не понести, чтоб олайт вышло! — Макар раздул ноздри, подмигнул Разметнову. — Вот к чему мне ихний язык понадобился. Понятно? Я ночи наскрозь спать не буду, последнего здоровья лишусь, но... — и, скрипнув густыми мелкими зубами, закончил: — Язык этот выучу! На английском языке буду без нежностей гутарить с мировой конторой...»

Алексей Максимович Горький выступил в 1934 году со статьей «По поводу одной дискуссии», которая, в свою очередь, дала толчок дискуссии на редкость бурной. Хотя тема статьи и касалась случая довольно частного — выступления молодого писателя Федора Панферова на обсуждении его романа «Бруски».

Федор Панферов с молодым вызовом заявлял, что, мол, писатели мало думают о новом, революционном языке, пробавляются все больше лексикой Льва Толстого да Бунина. На поверку же получилось, что под «языком революций» Панферов понимает словца, то ли уродливо придуманные, то ли отысканные в глухих деревнях «местные реченья». Он настойчиво отстаивал свое право говорить с читателем на том языке, каким были написаны многие страницы первого варианта «Брусков»: «скукожился», «базынить», «трюжилный» (вместо «двужилный»), «пыжай» (вместо «поежай»). Очень новым и очень революционным представилось ему, например, выражение «душа на место встала»: дескать, крестьянин в колхозе стал хорошо получать на трудни, поверил в них, вот у него и душа на место встала...

А. М. Горький приводил в своей статье примеры из книг Панферова и некоторых других молодых писателей: «небо забуроманило», «скокулязило», «вычкурдыкивало», «белевесый был», «Гогонна, крикун, бабник, одно слово, брянский ворокоса безуенный»; «Саймон нарочь под корешок отляшил...» и тому подобное.

Под все эти «красоты стиля» иные из авторов подводили особый идейный базис, считая, что по ним-то потомки как раз и будут «изучать нашу эпоху». Сам Ф. Панферов провозглашал как команду к действию: «...Я все-таки за то, чтобы писатели тащили эти слова в литературу. Я ставлю вопрос так, что если из 100 слов останется 5 хороших, а 95 будут плохими, и то хорошо...»

Максим Горький с прямотой и нелюбовностью, как мог это делать только он один, сказал тогда молодым писателям: нет, это никакой не «революционный» язык, скорее тут «какое-то старушечье плетение словесной чепухи», способное вызвать у читателя разве что отвращение к тем, кто издевается над родной речью, кто малграмотен в своей речи, а значит, малграмотен и идеологически: разве этими словами-уродцами можно передать действительно новую, революционную романтику!

Горький откровенно говорил: речь идет не просто об «отдельных словах», здесь решается судьба целой литературы.

Немало литераторов откликнулось тогда на выступление родоначальника искусства социалистического реализма. По всему чувствовалось, как остро назрел, наболел этот вопрос в повседневной практике советских писателей.

Правда, как и во всякой дискуссии, были у Горького и свои оппоненты, были такие авторы, которым горьковская позиция показалась чересчур суровой и требовательной, ведь он объявил настоящую войну всяческому «старушечьему плетению словесной чепухи»!

Михаил Шолохов безоговорочно стал тогда на сторону Горького. Из Вешенской он прислал в «Литературную газету»

ту» письмо, которое было озаглавлено «За честную работу писателя и критика». Честную — это было пафосом всего его выступления.

Автор только что вышедшей «Поднятой целины» говорил о том, что в народе действительно рождаются новые, революционные слова и писатели обязаны научиться их слушать и понимать.

За каждое слово в своей книге, каждый образ литератор должен нести глубокую ответственность. С нескрываемым недоумением размышлял Шолохов над тем, как же можно было хвалить в печати, скажем, такой пассаж из романа «Бруски», где «на задку сидит лошадь и жует забор» (дескать, вот какой жуткий символ голодающей деревни!). Знающий крестьянскую жизнь отнюдь не понаслышке, Шолохов замечал иронически:

«Жутко не это, а сам образ жуток по своей надуманности, неправдоподобной и элементарной безграмотности. Ведь истощенная лошадь не садится, а ложится, в сидячем положении (в котором, кстати, бывает она лишь тогда, когда пытается встать) не кормится, а в том случае, если сама она не в состоянии подняться и стоять — ее поднимают, затем подвешивают. Это ж не образ, а очередная «описка»... Точно так же непонятно, как может лошадь «жевать» забор. Пожалуй, понятно это будет только тому, кто не видит различия между словами «грызет» и «жует»...

Он заключал свое выступление в литературной дискуссии резко, с молодой решительностью: «Пришла пора говорить о литературе настоящей, мужественным языком и вещи называть их собственными именами... Только тогда сумеем мы — писатели — создать такие произведения, которые будут стоять на одном уровне с эпохой, когда научимся и новые слова тащить в литературу, и книги писать не по панферовскому рецепту, а наоборот: чтобы девяносто пять слов были отличными, а остальные пять хорошими...»

Наверное, нужно обладать определенным мужеством, чтобы говорить такое своим собратям по перу, ведь завтра все сказанное надо будет «оправдывать» в своих собственных произведениях — и эту строгость критериев и эту высоту поставленной задачи.

Твердой валютой считается только та, что обеспечена реальным золотым запасом. Что ж, шолоховская требовательность к художественному слову твердо «обеспечена» его книгами, это именно тот случай, когда слово и впрямь не расходится с делом.

«Называть вещи собственными именами» — это значит найти для рассказа о человеческом горе такие потрясающие слова, когда и солнце покажется черным диском на черном небе, как это показалось Григорию Мелехову в час смерти Аксиньи. Это значит в страшную годину гитлеровского нашествия открыть в своей душе такое, с чем потом пойдут бойцы в атаку: «Ненависть всегда мы носим на кончиках штыков». То были слова, словно обретшие способность вонзаться, рваться вперед, навстречу захватчику!

Не потому ли давнее шолоховское выступление в дискуссии, начатой Горьким, и по сегодняшний день воспринимается как непреходящее мудрое, — годы словно углубили и по-хорошему «отяжелили» его. Хотя давно уже забыто в литературе имя критика Васильевского, с которым конкретно полемизировал Шолохов относительно оценки «Брусков», как и сам этот роман, перделанный автором, давно выходит в иной, чем тогда, редакции... Но осталась все такой же острой мысль о настоящем, мужественном языке литературы. Понятие это в прошедшие десятилетия полнее раскрылось, конкретизировалось, укрупнилось благодаря многим замечательным книгам советских писателей, книгам, написанным Шолоховым, в первую голову.

У художественного слова свои глуби-

ны. Истину эту, пожалуй, знали и древние, однако литература — такое дело, что все аксиомы в ней приходится заново подтверждать и доказывать каждому новому писательскому поколению. В «Тихом Доне», «Поднятой целине», «Судьбе человека» мы видим, как именно талантливое перо добирается до этих глубин художественного слова, которое в отличие от «делового», «специального», «научного», требующего прежде всего локальной точности, всякий раз оказывается удивительно многогранным, тонко отыскивающимся бесчисленным ассоциациям, внешним и внутренним связям. И при этом остающимся совершенно определенным, точно нацеленным, — читатель должен услышать в слове именно то, что необходимо было автору! Художественное слово, которое Александр Блок определял как «бушующее жизнью слово», в равной мере является носителем глобального и частного, исторического и сиюминутного, общенародного и сугубо индивидуального. Иные «низкие» слова, бывает, превращаются в нечто самое поэтически высокое.

Когда Григорий Мелехов мчит в повозке Аксинью, мучающуюся внезапными родовыми схватками, страх охватывает его, проникая «до пальцев потных ног». Губы его уродливо сводит судорога, все переживаемое выливается у него в ругань: «Брешешь, дура!» И вдруг здесь же, в одном ряду с «потными ногами» и «брешешь — дура!»:

«... — мотнул головой и, нагибаясь, переламываясь надвое, сжал подвернувшуюся неловко Аксиньину ногу;

— Аксютка, горлинка моя!..»

Все сошлось, перелестнулось, переплелось в этой фразе — боль и страх, потаенная нежность, смерть и жизнь, кровь и ласка, прошлое и завтрашнее, сама их невообразимая любовь...

Художник, способный написать такое, с полным основанием мог обратиться к собратям по перу: «Слово, добываемое писателем из недр могучего русского языка, каждый раз должно быть тем единственным словом, которое безошибочно находит путь к сердцу читателя».

И вместе с тем как часто в обращениях Шолохова к молодым, в его письмах к своим литературным корреспондентам звучит предостережение: не балуйте со словом! Не балуйте — это как заряженное ружье...

Это было в середине тридцатых годов. Один молодой газетчик, некто К., был послан редакцией окружной газеты в станицу Вешенскую, в шолоховские края, — посмотреть, каковы настроения казачества в связи с появлением в печати проекта новой Конституции СССР. Надо сказать, что и среди наших газетчиков встречаются свои «борзописцы», работающие по рецепту: за вкус не ручаюсь, но горячо сделаю. Им бы только «прогеметать», из любой ситуации извлечь скандалчик.

Вот и К. свой краткосрочный «набег» на Вешенскую постарался превратить в сенсацию: написал разоблачительную корреспонденцию, утверждавшую, что вешенцы «не хотят с большевистской оперативностью работать над тем, чтобы вовлечь широкие массы трудового казачества в деловое обсуждение проекта Конституции»...

Рассказавший много лет спустя об этом случае старый журналист А. Станицын-Попов вспоминал (в журнале «Дон»), что появление в окружной газете такого «разоблачения» было подобно разорвавшейся бомбе. И последствия могли быть для некоторых вешенцев весьма трагичными. Шутка ли, в стране такая напряженная политическая обстановка, а на казачьем Дону находятся люди, которые не хотят, мешают трудовым людям изучать проект новой Конституции...

Закрутилась-завертелась опасная история. Вешенские райкомовцы прислали в окружном разгневанную телеграмму-опровержение, составленную, как видно, вгорячах, а потому и начиненную

весьма сильными выражениями в адрес автора корреспонденции. Грубый тон телеграммы только усугубил положение: на экстренном совещании, куда были вызваны и вешенцы, теперь рассматривали не только вопрос об отношении к проекту Конституции, но еще и факт оскорбления сотрудника газеты. Одно напалсталося на другое, важное перемешалось с пустяковым...

Кто знает, как бы повернулось все это для вешенцев, не будь среди них Шолохов, который был членом окружкома.

Когда страсти на совещании достигли своего предельного накала, писатель, до этого молча и сосредоточенно слушавший, попросил слова. Мудро, отрезвляюще прозвучал в той разгоряченной атмосфере его как всегда спокойный голос, чуть глуховатый и раздумчивый (Шолохова невозможно было представить раздраженным, крикливым)...

— Беда в том, — сказал Шолохов, — что газетчик К. во время своего «налета» на Вешенскую заглянул только в какую-то канцелярию, где и получил сведения насчет «неизучения». Между тем газеты с проектом Конституции самым внимательнейшим образом читались там, где в эту пору были почти все местные труженики, — в степи, на полевых станах. Где полным ходом шла косовица, заготовка кормов, прополка всходов. Вечерами, собравшись у костра, колхозники горячо обсуждали все то новое, что нес им главный закон народной жизни... Вот с ними-то и следовало бы поговорить газетчику, на полевые станы заглянуть! Да где там, он спешил, потому и сочинил свою «сенсацию» с помощью одного только отрицательных глаголов: не разъясняют, не способствуют, не хотят... Они так и прыгали из каждой строчки его статьи!

Так говорил Шолохов, и после его речи в обсуждении «дела вешенцев» на окружкоме произошел заметный перелом. Разговор как-то сразу вошел в деловое, по-настоящему партийное русло. Навет от райкомовцев отвели. Шолохову тогда были признательны не только непосредственно причастные к этой истории, но и все, кто понимал, что значит написать так, как написал К. в газетной корреспонденции о людях...

Прежде чем вернуться к себе в Вешенскую, Шолохов заглянул в редакцию газеты, по душам поговорил с братьями-журналистами, уже в неофициальной обстановке рассказал о жизни вешенцев. Прощаясь, пригласил: «Приезжайте в Вешенскую в любую пору, хоть в ночь-полночь». И смеясь: «Только вот К. не присылайте. А пошлете, все равно не пустим, разведем на Дону наш наплавной мост, отрежем путь...»

Пожимая руки товарищам, дошел Шолохов и до К., который был здесь же, крайне удрученный и даже напуганный таким оборотом дела. Глянув в его мрачное лицо, Шолохов спросил негромко: «Обиделся, казак? Не надо, не обижайся, пошутил я... насчет моста. А о глаголах совершенно серьезно: если пишешь, так учись управлять ими как следует!»

И это было так похоже на то, что однажды он сказал: слово литератора всегда должно быть словом честным...

3. Молод навсегда

Хорошо бы шолоховским произведениям в школьных учебниках предпослать справку, которая начиналась бы словами: «Михаил Шолохов принял за свой «Тихий Дон», когда ему было всего двадцать лет...» Чтобы эта фраза врезалась в память каждого мальчишки. Чтобы, когда он проснется на заре в день своего двадцатилетия, самой первой его мыслью было: «А мой «Тихий Дон»? А мое великое дело, которое дается только в молодости, которое нельзя откладывать ни на час?..»

Нужно было быть Шолоховым, чтобы, однажды сказав себе: «Мы все вместе и каждый из нас отдельно должен быть совестью народа», — идти избранным путем до конца.

Удивительной магией обладают его книги: в них всегда открывается мысль о современном, о настоящем. Какие бы небывало новые темы ни занимали сегодня литературу, оказывается, что у Шолохова уже было нечто подобное.

Когда о «деревенской прозе» стали писать: вот появились произведения, проникнутые глубоким уважением к нравственному, к трудовому опыту крестьянина, чутко подмечающие в нем пробуждение гражданского чувства, высокое самосознание, произведения, органично соединяющие народно-традиционное с социалистической новью, — мысль о «Поднятой целине» возникла в этом случае сама собой: целина-то поднималась еще вон когда!

Или идет на писательском обсуждении речь о герое эпохи развитого социализма, об образе коммуниста наших дней. Но как часто при этом слышится имя гремящего большевика Семена Давыдова!

Без обращения к судьбам Григория Мелехова и Андрея Соколова не обходится, пожалуй, ни один сколь-нибудь серьезный теоретический труд, трактующий глобальную проблему личности и общества, народности и партийности искусства, гуманистического идеала эпохи.

Да и любой из нас способен остро ощутить такое магическое свойство шолоховских книг, стоит только вспомнить, сколько раз уже за свою жизнь ты возвращался и возвращаешься к страницам «Тихого Дона» и «Поднятой целины», всякий раз словно «свежими глазами», как бы сказал Гоголь, видя все происходящее в книгах, а сквозь их призму по-иному, по-особому воспринимаешь и свое сиюминутное, все окружающее. Сколько раз Шолохов помогал тебе в трудностях, подсказывал единственно нужный ответ. Знаешь ведь, что та же «Поднятая целина» — о годах далеких, о начале тридцатых, а между тем каким-то неведомым образом в твоём сугубо субъективном мире книга связана еще и с шестидесятыми, восьмидесятыми...

Миллионный советский читатель, народ всегда будет переживать себя, свою судьбу в книгах Шолохова. Они словно эмоциональная память, хранилище всего, чем полнится душа народная. Необходимость снова и снова перечитывать шолоховские книги приходит к человеку с той естественностью и необходимостью, какая заключена в самом процессе развития, в движении жизни к лучшему.

Может, потому, что Шолохов начинался как художник в очень юные свои годы, уже тогда сформировался в своих основных и замечательных качествах, ощущение молодости навсегда остается яркой чертой его творчества. А дружба с юношеством была важной страницей его человеческой биографии.

«Девчак за отличную учебу премировали поездкой в любой город страны, а они выбрали станицу Вешенскую, в гости к Шолохову» — это из газетной заметки.

Школьники перед беседой со знаменитым писателем перебрали все возможные темы: о чем с ними будет говорить Шолохов? Но одну тему так и не угадали, в конце беседы Михаил Александрович заговорил о военной спортивной подготовке, о юношестве, об обязанном быть готовым к любым неожиданностям.

Если прочтешь «насквозь» публицистику в восьмом томе собрания сочинения, можно понять: на проблему воспитания молодежи, как и на все сущее, у писателя свой, шолоховски определенный взгляд. Надо растить наступательных-активных, по-хозяйски уверенных в себе бойцов! Писатель хотел видеть сегодняшних комсомольцев похожими на тех ныне «уже бородастых», что дрались с белыми генералами, бандитами, кулаками. Молодым литераторам он желал скорейшей и мужественной творческой зрелости: ничего нет печальнее,

**ЗДЕСЬ РОДИЛСЯ
БУДУЩИЙ ПИСАТЕЛЬ.**

**ПРОСТАЯ И БЕЗЫСКУСНАЯ
ОБСТАНОВКА ОТЧЕГО ДОМА.**

**ЧЕБРЕЦОМ И МЯТОЙ
ПАХНЕТ ДОНСКАЯ СТЕПЬ.**

чем остаться в литературе «до старости в детских коротких штанишках»...

Книги Шолохова на долгие эпохи стали своеобразной мерой творческого прогресса, поступательного художественного движения. «Шолохов — огромный художник нашего времени, и редко кто из писателей имеет столько учеников среди молодых литераторов, сколько этот выдающийся мастер. — заметил однажды Юрий Бондарев. — Я знаю многих писателей, которые, поставив последнюю точку на рукописи своего романа, мысленно переносятся в станицу Вешенскую, к Шолохову, — что сказал бы он, прочтя роман, как оценил бы он?»

Как-то в гостях у Шолохова побывала большая группа молодых литераторов из разных краев нашей страны, а также из ГДР, Венгрии, Польши, Болгарии. С ними был и Юрий Гагарин, полный жизни, молодой...

«Мы окружили Михаила Александровича Шолохова, слушали, боясь пропустить хоть слово, — вспоминал потом ленинградец Олег Алексеев. — Просто и открыто Михаил Александрович рассказывал о своих первых шагах в литературе, о том, как писались «Тихий Дон» и «Поднятая целина», о сегодняшних за-

ботах и раздумьях... Для нас, молодых литераторов, был особенно интересным рассказ Михаила Александровича о трудностях в работе над романом «Они сражались за Родину». Одной из задач нашей литературы Шолохов считает воспитание мужества и советского патриотизма, верности долгу. Тема солдатского подвига, говорит писатель, должна стать одной из ведущих».

Запомнили присутствующие на той встрече слова Юрия Гагарина: «Уроки Шолохова, а иначе эти беседы не назывешь, были уроками человековедения, уважительного отношения каждого народа к другим народам, уроками интернационального братства. Глубина шолоховского проникновения в людские души беспредельна. Очевидно, это закономерно для такого, как он, великого дарования».

Запомнили ответ Шолохова на вопрос о том, на какие темы следует писать молодым литераторам.

«Вопрос сложный, — ответил Михаил Александрович. — На него так, сразу, не ответишь. Однако думаю, что писать надо о том, что подсказывает тебе сама жизнь, и главным героем того, что написал, должна быть правда этой жизни. И вот еще что: никогда не беритесь за тему, которую вы не знаете. Лично я никогда не писал и никогда не буду писать о том, чего не знаю или знаю плохо, недостаточно. Первый советчик ваш — совесть ваша. Главный судья — народ, для которого вы должны творить. Помните: в ваших руках будущее литературы. Каждое написанное вами слово сверяйте по сердцу народному. В этом случае вы всегда будете на правильном пути».

И еще из шолоховских высказываний: «Мне уже приходилось говорить молодым: очень велика ответственность писателя перед народом. Трудновато приходится молодым литераторам. Надо пройти через тернии, прежде чем родится хорошая книга. Не ко всем придет признание, но что поделаешь — таково служение литературе, таковы очень

**«ОЙ ТЫ, НАШ БАТЮШКА,
ТИХИЙ ДОН!»**

трудные дороги писателя. И все же не торопитесь высказывать невыношенное. Надо дать жизнь такой книге, которая бы звучала и жила долго».

Речь Шолохова на съезде — партийном ли, писательском — это всегда было событием, серьезным вкладом в творческую жизнь, в насущные проблемы дня. Его выступление на Четвертом съезде писателей СССР одно из самых памятных. Именно в нем он говорил о нашей ответственности за молодую творческую смену, о насущной необходимости для молодых литераторов ощущать повседневно «локоть коллектива», о том,

**ОБЫЧАИ КАЗАЧЕСТВА,
ЕГО ЯРКИЙ, ЦВЕСТАСТЫЙ ЯЗЫК
ПИТАЛИ ТВОРЧЕСТВО ШОЛОХОВА.**

ОН ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ
ВО ВСЕХ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯХ.

КАК ХЛЕБОРОБ,
РАДОВАЛСЯ
МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
НАЛИТОМУ КОЛОСУ.

как важно, чтобы между ними и «маститыми» писателями была настоящая товарищеская близость. Еще он говорил «о всяческом продвижении молодых» — смелом привлечении их к руководству творческими организациями, о постановке перед ними больших и ответственных задач. И при этом о необходимости всем нам нести подлинную ответственность за дела своей творческой смены, в том числе и за те «коленца», что «откалывают» «некоторые великовозрастные молодые писатели» (им самим еще будет стыдно, когда по-настоящему повзрослеют, говорил Шолохов).

И самое главное в этой речи:

«Если же говорить о всех молодых в целом, то нечего в кулак шептать — великолепная у нас растет смена! Особенно радует появление огромного числа подлинно молодых талантов — тех, которые сейчас говорят еще мальчише-

скими тенорами, у которых от юности ломаются голоса и кое-кто из них еще нет-нет да и кукарекает. Но все же это — подлинное богатство, и без законной гордости и радостного волнения об этом никак не скажешь! Ведь это же здорово, по-настоящему здорово, когда благодатная земля нашей Родины так щедро на таланты!».

Тем, кто читал свежее изданное роман «Поднятая целина» восемнадцатилетними, сегодня уже за пятьдесят. Волна за волной проходит наше юношество через книги Шолохова — проходит в жизнь, унося в себе частицу души Бунчука, Давыдова, Лопахина... После полета в космос Юрий Гагарин, рассказывая о книгах, которые его воспитывали, назвал среди героев «на всю жизнь» шолоховского Андрея Соколова.

Старая штука — завидовать молодым, этим мальчишкам и девчонкам: сколько

ПОСЛЕ ТРУДОВ ПРАВЕДНЫХ.

им предстоит увидеть! И все-таки как не позавидовать тем из них, кто еще не читал книг Шолохова! У них еще впереди и любовь Аксиньи, и уморительные злоключения Щукаря, и подвиг Соколова...

Новое поколение читателей входит в мир шолоховской прозы. Этот мир сразу же становится для него **своим**, потому что книги Шолохова даже о далеких теперь годах гражданской войны никогда не превратятся просто в «историческое чтение». Человеку важно понять, как он стал человеком, через что прошел, чья в нем кровь и какая мера у его сердца.

«ВЕШЕНСКАЯ, ШОЛОХОВУ» — ПИСЬМА С ТАКИМ АДРЕСОМ ПРИХОДИЛИ СО ВСЕХ КОНЦОВ ПЛАНЕТЫ.

ВТОРАЯ

Когда мы говорим о первых книгах, созданных молодыми писателями, то заведомо подразумеваем определенную художественную неравноценность публикуемых произведений. Одни написаны более талантливо, другие — с меньшей степенью художественной значительности. Иначе говоря, в потоке первых книг мы сознательно допускаем наличие определенного процента так называемой усредненной литературы, отмеченной вторичностью, мелкотемьем, признаками стилистической зависимости и так далее.

Правом ли это? Думается, да. Ну, прежде всего мы не можем требовать от молодого писателя с первых же его шагов в литературе создания художественно полноценных произведений, отвечающих самым высоким требованиям. Ему нужен разбег, нужно время, чтобы набрать необходимую высоту. Возникает резонный вопрос: а может, не следует торопиться с выходом первых книг, отмеченных несовершенством, поисками собственного стиля, самообычной творческой манеры? Может, лучше подождать, пока дебютант наберет необходимую высоту, выработает профессиональную культуру и лишь тогда выпустить в свет его произведения?

У литературоведов в ходу термин: «структура творческого оптимизма». Если спроецировать его на процесс развития молодой литературы, то он будет выглядеть примерно так: лучше пойти на риск, выпустить далеко не лучшую первую книгу молодого писателя, то есть выдать ему литературный аванс, нежели упустить сроки, задержать выход молодого художника к широкому читателю. То есть речь идет о том, чтобы поддержать способного автора в самом начале его пути, стимулировать его творческий рост, создать благоприятные условия для развития его дарования.

Не случайно в нашей литературной практике сложилась определенная система оговорок, с которой принято подходить к оценке первых книг молодых писателей. Здесь и скидка на молодость, и авансы на вырост, и постоянно существующее опасение «зарубить» молодое дарование. Конечно, это создает в какой-то степени облегченные условия для «вхождения» молодых в литературу. Об этом красноречиво свидетельствуют статистические данные: ежегодно издательства нашей страны выпускают свыше 300 первых книг молодых авторов. Практически каждый день мы являемся свидетелями рождения нового литературного имени. Имени, но не писателя.

Подлинный писатель начинается со второй книги. Здесь автор уже не может рассчитывать на снисходительное отношение со стороны издательства, литературной критики, а главное — самого читателя. К молодому художнику предъявляются качественно новые требования, потому что он уже не дебютант, он писатель. Это серьезное испытание таланта молодого автора, экзамен на прочность его дарования, проверка гражданской зрелости его творчества.

Не все выдерживают этот экзамен. Многие начинающие литераторы так и остаются авторами первых книг, которые исчерпывают запас жизненных впечатлений, запас творческих возможностей. Это подтверждается и статистикой: за один год по Союзу выходит около 50 вторых книг, принадлежащих перу молодых писателей. Происходит своеобразный естественный отбор, где главным критерием становится подлинность художественного таланта, его общественная направленность, созвучность помыслам и устремлениям народа.

Литературная практика свидетельствует: проблема второй книги — одна из самых острых в творческом самоопределении молодого художника. Первая книга — это только заявка, своеобразная визитная карточка молодого литератора, подтверждающая его потенциальные возможности, которые предстоит реализовать. В отличие от первой вторая книга требует от автора качественно иных характеристик в художественном постижении действительности, общественной значимости его творческих поисков, включения всех ресурсов личности. Только вторая книга позволяет ответить на вопрос: кто перед нами — подлинный мастер или способный подмастерье.

Совершим короткое путешествие по страницам книг

тех молодых художников, чьи имена достаточно прочно вошли в сознание сегодняшнего читателя. Предметом нашего разговора станет творчество участников минувшего VII Всесоюзного совещания молодых писателей. Постараемся выделить в этом разговоре главное — те особенности и закономерности творческого поиска молодых, которые способствуют рождению второй книги и обуславливают общественное признание таланта.

В 1978 году вышла первая книга молодого оренбургского прозаика Петра Краснова «Сашкино поле». Уже в ней со всей ясностью обозначилась доминантная черта творческих поисков писателя, тяготеющего к одному центру, к одной проблеме — к познанию истоков народного характера, к исследованию духовных основ личности. Петр Краснов — прозаик с отчетливо выявленной нравственной, гражданской и художественной позицией. Наиболее ярко мировоззренческая сторона творчества молодого писателя отразилась в рассказах «Наше пастушье дело», «Зарница», «На грани», «Сашкино поле», где лейтмотивом проходит тема памяти как категории нравственной, как символа неразрывной связи прошлого и настоящего, как высшего достояния человека.

Вторая книга П. Краснова, «День тревоги», вышедшая через два года, подтвердила плодотворность художественных поисков молодого прозаика. Здесь, в новой книге, автор поднимается на новую ступень художественного творчества, вплотную подходит к осмыслению глубинных проблем бытия, к постижению «вечных вопросов» времени. Так, в рассказе «Мост» автор касается темы смерти как сложного нравственно-философского понятия, как своеобразного духовного итога жизни. Одухотворенность образа Дуни-Заботы, встречающей свой смертный час с ощущением честно прожитой жизни, до конца выполненного долга, ставит этот рассказ в один ряд с лучшими образцами отечественной литературы, посвященной русским женщинам. Большой общественный резонанс получила повесть П. Краснова «По причине души», в которой автор проникает к самому истоку народного мироощущения, достигая такой степени сопереживания, на какую способен не всякий зрелый писатель.

Если говорить о генетических корнях творчества П. Краснова, то оно целиком созрело в русле того плодотворного направления российской литературы, которое носит название «деревенской прозы». Именно этот глубокий источник питает горячую веру молодого писателя в торжество добра и справедливости, насыщает ее гражданским пафосом, заставляет уйти от легковесных поделок и прикоснуться обнаженным сердцем к болям и горестям человеческим.

Мир художественных образов молодого иркутского прозаика, лауреата премии Ленинского комсомола Валерия Хайрюзова удивительно устойчив. Устойчив не только по эстетическим пристрастиям автора, но и по чисто внешним признакам. Действие рассказов и повестей так или иначе связано с темой малой авиации, с темой самоотверженного труда летчиков гражданской авиации. Это, так сказать, писательская родина В. Хайрюзова, его творческая судьба. Сам автор — командир экипажа, он летает по северным маршрутам, по трассе БАМа, и его беспокойная, требующая огромного напряжения и самоотдачи кочевая жизнь дарит ему самые разнообразные впечатления, сталкивает с десятками людей, дает возможность быть в самой гуще событий, обогащая его социальное зрение, позволяя держать руку на пульсе времени.

Первая книга В. Хайрюзова «Непредвиденная посадка» вобрала в себя огромный запас жизненных впечатлений автора. Здесь еще ощутимы следы ученичества, подражательности, поиска собственной творческой манеры. Рассказы «Аэропорт Шевыкан», «Командировка в Киренск», «Олены Камусы» — это даже не рассказы в традиционном художественном смысле, а скорее социологические очерки. По произведениям, помещенным в первой книге, видно, как автор пробует различные регистры своего дарования, идет путем проб и ошибок в поисках своей темы.

Повесть «Опекун», давшая название второй книге В. Хайрюзова, сразу же привлекла внимание читателей своей устремленностью к утверждению пафоса героического, к постижению светлых, положительных

начал личности. «Это добрая, светлая вещь» — так отзывался о повести Василь Быков в предисловии ко второй книге молодого писателя. Герои произведений В. Хайрюзова — люди цельные, мужественные, обладающие твердыми нравственными принципами и умением отстоять и утвердить эти принципы. Проза молодого иркутянина как бы идет навстречу социальным ожиданиям общества, нравственной потребности в герое сильным, самоотверженным, отвечающем нашим представлениям о положительной личности. За последние годы в нашей литературе заметно снизился пафос героического, слишком редко наши писатели стали обращаться к образу честного, нравственно здорового человека, слишком много появилось книг, повествующих о людях духовно ущербных, с изломанной судьбой и аберрацией социального зренья. В противовес этому В. Хайрюзов стремится создать образ действительно передового человека наших дней, обладающего цельным восприятием мира, ясностью и спокойствием духа, способностью обнаружить смысл в простых и естественных радостях жизни. Именно на этом пути молодого писателя ожидают подлинные художественные открытия.

Прозу молодого челябинского писателя В. Карлова отличает острый интерес к социальной проблематике. В своей первой книге «Федина история» он беспощадно развенчивает философию стяжательства, накопительства, противопоставляя натиску «ещицизма» подлинные духовные ценности. Наиболее характерным в сборнике является рассказ «Богаев, большая дельга, далекая фирма и высокое небо», где автор с присущей ему социальной зоркостью исследует мир мещанства, показывает духовную нищету и нравственную ограниченность людей, чьи интересы замкнуты на приобретательстве, достижении материального благополучия любой ценой.

Вторая книга В. Карпова, «Бежит жизнь», демонстрирует тот же нравственный максимализм автора, его неприятие мира наживы, меркантильности, девальвированных нравственных ценностей. Обращаясь к самым будничным, повседневным делам и заботам «маленького» человека, автор убедительно показывает, что, как бы ни был незаметен литературный герой по своему общественному положению или профессиональной принадлежности, величина его значимости для читателя определяется прежде всего тем, насколько органично входят в круг представлений этого героя нравственные принципы и моральные устои, выработанные народной жизнью. Рассказывая о жизни двух старых людей, пришедших к порогу жизни («Трехдневки»), о нравственном прозрении подростков, попавших под влияние уголовника («Вилась веревочка...»), о душевной драме «детдомовки» Гали, чья любовь растоптана духовно слепым человеком («Субботный рейс»), В. Карпов не просто повествует о жизни, но силою своего таланта пытается проникнуть к заповедным ее глубинам, туда, где лежат извечные истины, добытые многовековым опытом народным.

На севере Чукотки, в городе Анадыре, живет молодой прозаик Геннадий Ненашев, автор книги «Квартирная плата», вышедшей в 1980 году. Главный герой произведений Г. Ненашева — человек труда. Для автора эта тема не случайна. Вот уже двадцать лет трудится он плотником на одном из деревообрабатывающих комбинатов Чукотки. Мы часто говорим, что автор с любовью относится к своим героям, и фраза эта нередко носит дежурный, формальный характер. У Геннадия Ненашева это высокое понятие максимально приближено к его изначальному смыслу. Любюв к героям мы ощущаем через детальную прописку условий быта и труда рабочего, через доско-

нальное знание мира его чувств и забот. Свообразие авторской манеры особенно ярко проявилось в рассказе «Столяры», где жизнь героев показана как бы изнутри, в сложном сопряжении психологического и нравственного, с глубоким пониманием «диалектики души» рабочего человека.

О характере творческих устремлений Г. Ненашева можно судить по рассказу «Степан Хохлов — поволжский мужик», где повествуется о нелегкой судьбе человека, отдавшего все свои силы, как того требовала партия, делу национального возрождения братского чукотского народа. Чем только не занимался Степан Хохлов, приобщая чукчей к высотам ленинской культурной революции! Был заведующим красной ярангой и почтальоном, политинформатором и киномехаником, учителем и каюром. Трижды возвращался герой на родную сторонушку, на берега Волги, оттаивая душой и сердцем от студеных чукотских ветров, трижды отказывался от настоятельных просьб матери остаться на родной земле, потому понимал: там, на Чукотке, он больше нужен людям. Этот рассказ при всей простоте сюжета наводит на глубокие размышления о сути такого понятия, как характер современного советского человека, воспитанного Коммунистической партией и выбирающего в себя опыт национального братства советских народов.

Вторая книга Г. Ненашева, «Кедры на скалах», подтверждает активность жизненной позиции автора, его стремление четко контрастировать понятия добра и зла, вызвать в читателе чувство уважения к героям, утверждающим высокие нравственные идеалы. Безусловно, лучшей в книге является повесть «Помню», обжигающая искренностью, неподдельностью впечатлений мальчишки, пережившего горькое послевоенное сиротство. Писатель пристально всматривается через толщу лет в события военного лихолетья, чтобы еще и еще раз напомнить людям об их священной долге защищать мир на земле. Та же тема, показанная на военном материале, звучит в рассказе «Всем, кто останется в живых».

Опыт издания второй книги убедительно показывает, что процесс творческого развития молодого писателя зависит не только от степени таланта, отпущенного природой, но и во многом определяется условиями жизни, той социальной средой, в которой происходило становление таланта. Есть закономерность в том, что стабильно развиваются те молодые художники, которые прошли большую школу жизни, работали на передовых участках коммунистического строительства, на ударных стройках пятилетки.

Добрый примером в этом смысле может служить жизненная и творческая биография молодого писателя Юрия Сергеева. Геолог по профессии, он прошел всю Якутию в составе геологоразведочных экспедиций, работал начальником старательского участка на Алдане, открывал угольные залежи для нужд Южно-Якутского территориально-промышленного комплекса, был избран делегатом на самую первую партийную конференцию молодого города Норюнга, награжден «Знаком Почета» за трудовые достижения, являлся делегатом XV съезда комсомола. Автор двух книг, посвященных героическому труду нашего современника, он не оставляет своей работы, продолжая трудиться в геологоразведке, накапливая материал для романа «Становой хребет».

Та же творческая стабильность наблюдается в художественном опыте молодого прозаика Анатолия Буйлова, который прошел все ступени оленеводческой науки, потом работал охотником-промысловиком в тайге, трудился в бригаде известного тигролова Игната Трофимова.

Впечатления, вынесенные из этих лет, легли в основу первой книги «Большое кочевье». Это роман нравственного воспитания, в центре которого находится судьба подростка Николки Родникова, постигающего главные духовные ценности нашего времени. На днях выходит из печати второй роман А. Буйлова, «Тигроловы», который при всей экзотичности названия посвящен проблемам сугубо земным, обыденным, насущным: как сохранить тигров — этот исчезающий вид животных, как уберечь тайгу от губительного вторжения цивилизации, как выработать и утвердить

гибкие, эластичные связи между человеком и природой, и — если говорить шире — книга затрагивает глубинные пласты человеческого самосознания, помогая людям осознать свою ответственность за будущее планеты.

Мы не случайно подчеркиваем животворность связи молодого художника со своей основной профессией, с тем конкретным делом, которое мы называем жизненным материалом и которое потом становится предметом художественного исследования молодого писателя. Я вспоминаю тот разговор, который вел Георгий Марков, автор «Строговых» и «Сибири», с участниками VI Всесоюзного совещания молодых писателей на семинаре прозы. Опытный наставник уделил особое внимание проблемам ранней профессионализации молодых писателей. Действительно, многие молодые художники, выпустив одну книгу, торопятся уйти на творческую работу, сесть капитально за письменный стол, расторгнув привычные связи с родным заводом, колхозом или научной лабораторией, оставив коллектив, в котором они трудились и постигали смысл бытия. Оторвавшись от привычной почвы, дававшей богатый жизненный материал и питавшей его впечатлениями, молодой литератор очень быстро остается на «голодном пайке», начинает повторяться, амортизировать впечатления и производственные коллизии, давно утратившие свою свежесть и социальную новизну.

Так наступает творческий кризис, вместе с которым приходит ощущение необязательности твоей работы, собственной ненужности людям. Начинается новый этап — болезненный процесс «самоутверждения» в литературе с помощью околосредовых приемов: стычки с редакторами — ортодоксально мыслящими людьми, слабо представляющими суть творческих поисков, жалобы на издательство, «закосневшее в своих ориентациях на маститых писателей», апелляции к Союзу писателей СССР в связи «с упорным нежеланием редакции журнала «Юность» заметить истинное литературное дарование», попытки заручиться поддержкой любого авторитетного писателя — выбить положительный отзыв, рекомендации и пр. Только тесная связь молодого художника с жизнью народа, подчеркивал Г. М. Марков, только понимание главных помыслов и забот трудового человека, только личное участие в пересоздании жизни на коммунистических началах — только это способно обеспечить признание таланта молодого художника.

Иногда можно услышать суждение, что дело не в актуальности темы или выборе героя. Дело, мол, в качестве таланта, его самобытности, масштабах дарования. Что можно сказать по этому поводу? Ответ дает сама литературная практика: талантливый художник, обратившийся к важной, гражданской очерченной теме, неизменно получает широкое читательское признание; и наоборот, одаренный писатель, занимающийся скрупулезным исследованием душевных побуждений ущербной личности, направивший свой талант на решение камерных, общественно незначительных проблем, в русло формальных художественных поисков, получит в лучшем случае снисходительную похвалу эстетствующего критика: «Да, это прекрасный стилист...» Может ли такая оценка принести нравственное удовлетворение художнику, затратившему огромные духовные усилия в поисках истины? Это не риторический вопрос, поскольку читательское признание — далеко не формальное понятие в творческой биографии писателя. Оно, это признание, всегда было бесспорным подтверждением того, что художественный поиск писателя развивается в русло социальных и нравственных ожиданий народа, что вектор творчества художника совпадает с направлением общественных интересов.

Опыт издания вторых книг молодых писателей убедительно доказывает, что молодой литератор способен состояться как личность, как истинный художник только в том случае, если он реализует свое дарование не только в художественных параметрах, но сможет силою своего таланта ответить на главный наказ времени, утвердить в своем творчестве подлинные духовные ценности, выработанные обществом развитого социализма.

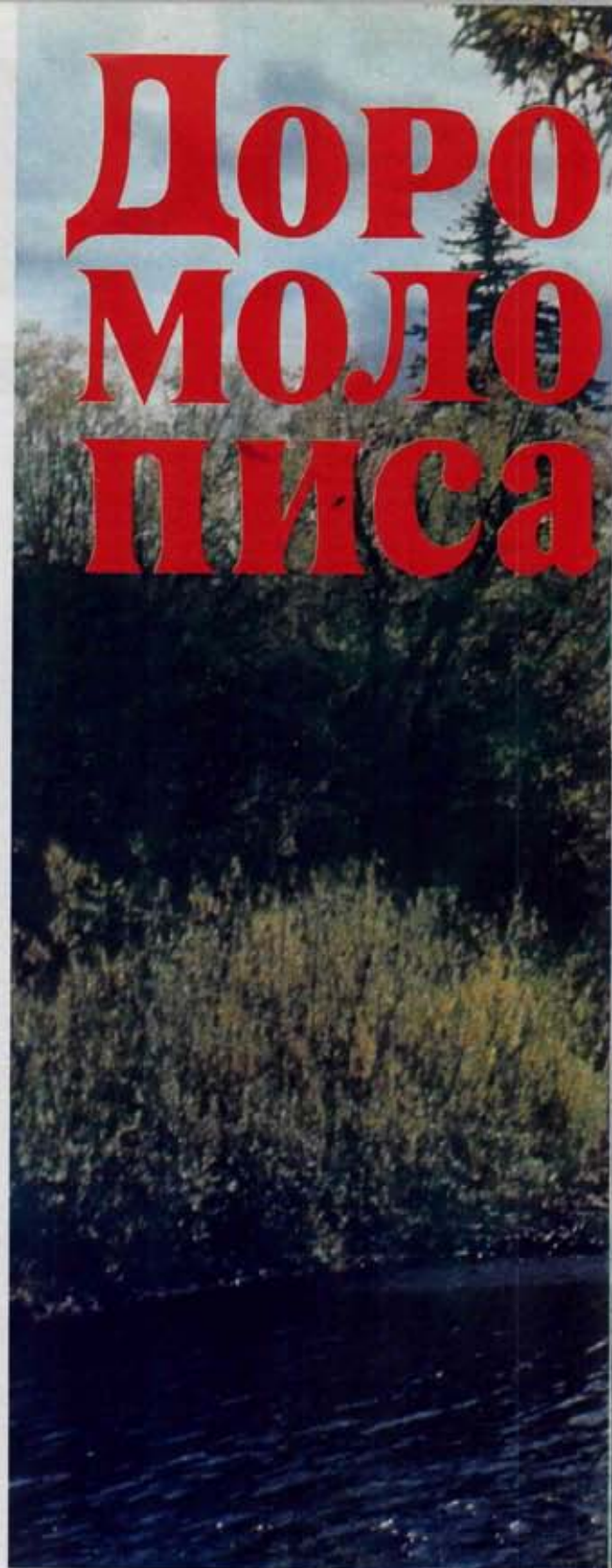

Анатолий Буйлов — молодой талантливый писатель, родом с Дальнего Востока. Хотя эпитет «молодой» в применении к сложившемуся писателю, со своим миром, своей темой, своим словом, неточен. А. Буйлов — писатель, прошедший немалую школу жизни. С самых юных лет по семейным обстоятельствам пошел Анатолий работать. В тайгу. К охотникам и оленеводам. Потом в бригаду к тигроловам. И первая его книга, «Большое кочевье», начало свое берет в жизни, труде, нелегком и суровом. Повесть получила широкое читательское признание, отмечена на Всесоюзном литературном конкурсе имени М. Горького дипломом первой степени. Новая книга писателя, повесть «Тигроловы», выходит в издательстве «Современник» в нынешнем году.

Недавно Анатолию Буйлову присуждена премия Союза писателей СССР имени Константина Федина. Эта премия присуждается за лучшие книги о рабочем классе и современной советской деревне.

Представляем читателям «Смены» своеобразный творческий портрет А. Буйлова: интервью с писателем, главу из повести «Тигроловы» и его фотоснимки, сделанные в тайге.

Доро моло писа

В 1982 году в издательстве «Современник» вышла книга Анатолия Буйлова «Большое кочевье». Она сразу привлекла внимание читателей и критики. На Всесоюзном литературном конкурсе имени М. Горького на лучшую первую книгу молодого автора А. Буйлов стал лауреатом, ему вручен диплом первой степени.

«Большое кочевье» — многоплановое произведение, вобравшее в себя жизненный опыт автора, работавшего оленеводом в северной тундре. Буйлов сумел поставить проблемы большого общественного звучания, сосредоточив читательское внимание на вопросах сохранения уникальной природы северного края. Автор как бы напоминает нам, что память с прошлым, так же, как и забота о будущих поколениях, — непреходящий долг человека нашего времени.

Писатель живет в Хабаровске, где и состоялась его беседа с А. и И. Абдрашитовыми.

ВСЕ ТРОПКИ, КАЖДОЕ ДЕРЕВО ЗНАКОМЫ В РОДНОЙ ТАЙГЕ ПИСАТЕЛЮ И ТИГРОЛОВУ АНАТОЛИЮ БУЙЛОВУ. СКОЛЬКО ХАЖИВАЛ ОН ПО НЕЙ, НО ВДРУГ ОСТАНОВИТСЯ И ЗАДУМАЕТСЯ, В КОТОРЫЙ РАЗ ПОРАЖЕННЫЙ ЕЕ КРАСОТОЙ.

ТИГРОЛОВУ НА РАБОТЕ
НЕ НУЖНО НИЧЕГО ЛИШНЕГО.

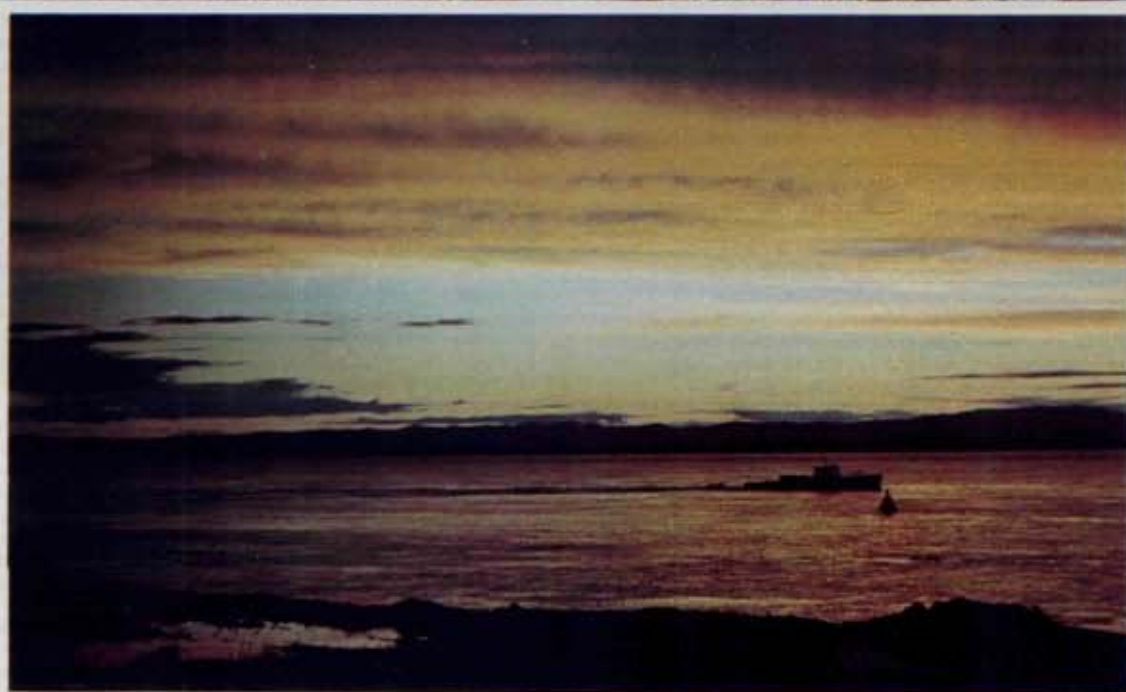
ГИ ДОГО ТЕЛЯ

**ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА, ВОСПЕТЫЕ В ПЕСНЯХ,
СЛОЖЕННЫХ НАРОДОМ.**

— Анатолий, роман «Большое кочевье» два года назад впервые был опубликован в журнале «Дальний Восток». Многие читатели в своих письмах спрашивают, как вы шли к своей первой книге.

— Долго и трудно шел. Я родился в 47-м году и по возрасту не могу относить себя к молодым писателям. Но так сложилась жизнь, что раньше не мог да и не в состоянии был написать эту книгу. Среди сверстников у меня, скажем так, не совсем стандартная биография. По семейным обстоятельствам в школе учился неполных четыре года, зато, сколько себя помню, много работал. Помогал отчиму класть печи, работал на прииске в старательской партии, в одиннадцать лет устроился в топографическую экспедицию, бил шурфы. Отношения с отчимом окончательно не заладились, и тринадцатилетним мальчишкой ушел из дома. Помню, летел в поселок Ямск Магаданской области с твердым решением устроиться пастухом в оленеводческую бригаду. Это намерение созрело, видимо, под впечатлением прочитанного — тогда я запоем читал книги о таежниках, следопытах, путешественниках. Но в оленеводы малолеток не брали,

**ПРОСТОРНО И ВОЛЬНО
ТЕЧЕТ АМУР-БАТЮШКА.**

ЗДЕСЬ СОПКИ КРУЖАТ В ХОРОВОДЕ...

пришлось прибавить себе два года. Благо, что был я в ту пору рослым и крепким подростком. Словом, меня приняли, большое кочевье началось в колхозе «Ленинское знамя» и продолжалось семь лет. Это была суровая трудовая и жизненная школа. Мне ведь не делали скидку на возраст — может быть, только первые полгода, пока я совсем ничего не умел. В бригаде пять пастухов, у каждого свои обязанности,

Фото Анатолия БУЙЛОВА

никто за тебя выполнять их не будет. Это не принято там да и просто невозможно. За семь лет я стал следопытом, рыбаком, охотником, скорняком, плотником, поваром, кузнецом—все должен уметь оленевод. Сделай нарты, лыжи, оленье седло, маут, выделай шкуру, отковать нож, приготовить пищу. Кроме того, надо уверенно ориентироваться в тайге и тундре, знать пастбища, в какое время куда гнать стадо, где проводить нагул, где отел и т. д. И целый день с утра до вечера на ногах. И зимой и летом в палатке. Это только в популярной песенке все легко и просто: «За спиной летит снежок, мчатся нарты с кручи...» За годы работы оленеводом я считанные километры проехал на нартах. Обычно пастухи ведут оленей упряжки в поводе, петляя среди деревьев и каменных глыб, пересекая наледи и бурные речки, взбираясь на крутые перевалы и прорубаясь сквозь заросли стланика. И в дождь, и в пургу, и в лютые морозы. За год мы проходили с оленями по тайге и тундре круг, равный по площади нескольким европейским государствам. Короче говоря, я выдержал все это, не сбежал, доказал всем и в первую очередь самому себе, что в трудной и сложной профессии оленевода можно стать вровень с звенками и камчадалами, потомственными оленеводами.

— Анатолий, а как же все-таки пришло желание писать?

— Оно появилось много позже. В первые годы у малограмотного парнишки никакие мысли о писании, естественно, не было. Но со временем, когда звенки признали меня пастухом, завел дневник. Хотелось иметь постоянного собеседника—звенкинский язык знал плохо, мои товарищи в бригаде неважно говорили по-русски, да и, бывало, когда искали оленей, мы неделями не виделись. Вот и записывал в дневник свои наблюдения, мысли, звенкиские слова, выражения, заносил повадки зверей и птиц, зарисовывал их следы. И всегда со мной были книги, при самой малой возможности читал.

Прекрасно помню, что первый рассказ послал в районную газету «Рассвет Севера» Ольского района Магаданской области. Его напечатали. Мне было семнадцать лет. Написал еще несколько рассказов, но о писательском труде тогда и не думал. Надо было, видимо, поделиться с кем-то увиденным, услышанным, пережитым. А написать книгу задумал много позднее, когда отслужил в армии и работал на Хабаровском зоокомбинате звероловом. И то, наверное, потому, что за живое задело. Все, что читал об оленеводах, было или приукрашено, или поверхностно, без глубокого знания сути дела. Хотя эта древняя профессия, как уже говорил, и трудная и сложная, в ней, как в любом деле, немало проблем. Почему, например, сейчас все меньше молодежи из местного населения идет в оленеводство? Почему сокращаются пастбища, как облегчить труд пастуха? Вопросов много. Но это тема отдельного разговора.

— А как вы стали звероловом?

— До этого сменил много профессий. На Севере после армии работал сантехником, газосварщиком, каменщиком в бригаде, которая строила дома от фундамента до крыши. Как сейчас говорят, под ключ. К оленеводству вернуться не мог, потому что заболела мать, надо было жить вместе. А потом мы переехали в Приморский край, в город Уссурийск. Здесь как-то прочитал об известном дальневосточном тигролове Игнате Трофимове. Заинтересовало. Написал ему письмо, попросился в бригаду. Получил отказ. Но я уже был не из тех, кто легко отказывается от задуманного, мирится с обстоятельствами. Переехали с матерью в село Вострецово, где жил Трофимов, купили дом, я устроился штатным охотником в зверопромхоз. И пробивался в бригаду тигролов. В конце концов Трофимов взял меня. Вот когда пригодился мой опыт следопыта и охотника. Трофимов убедился, что я могу читать следы, даже самые старые и запутанные. Доверили мне серьезное дело—вести бригаду по следу зверя. Но и тут пришлось многому учиться. Взять тигра—это задача не из легких. Бывает, неделю по тайге ходишь, пока найдешь нужный след. Надо, чтобы тигрица была с тигрятами. Она водит их до трех лет, только потом покидает. Нашел след—тут главные твои помощники собаки. Только успевай за ними. Догнали семью, выстрелами отогнали тигрицу, собаки будут «держаться» тигренка, пока не подойдет. А «тигренок» бьет от семидесяти до ста двадцати килограммов. Как взять такого? Здесь свои «секреты»: важно знать даже, как и чем вязать зверя. Жгутами из обыкновенных полотняных тряпок вяжем, например, лапы, чтобы не повредить их, да и развязывать жгуты легче, когда намочут. А пасть капроновой бечевкой удобнее. Действуем в основном голыми руками с помощью рогагин.

— И часто случаются травмы в этой быстротечной схватке?

— Травма—это ЧП. Особенно в тайге. Даже царапина от тигра болезненна, долго не заживает. Искусство, ловкость, смелость зверолова—главная защита от ран. Трофимов, например, за сорок лет работы в

тайге поймал 62 тигра, но серьезных ран не получил. Так и другие.

— Анатолий, а почему ловят только молодых тигров? Можно ли поймать взрослого зверя?

— Можно. Трофимов, кажется, дважды ловил взрослых тигриц. Но это очень трудно, да и нет необходимости. Во-первых, собакам очень тяжело «держать» взрослого зверя. Пока подходят люди, он перережет многих псов. А собаки, которые идут на тигра,—огромная ценность, они редки. Кроме того, взрослые звери хуже выдерживают стрессовую ситуацию, вероятность гибели от нервного шока при поимке у них значительно больше, в большинстве своем они не переносят неволи. А потом самое, казалось бы, простое—как его нести? Ведь ловят тигров в глухой тайге, вдалеке от дорог. И до этих самых дорог несут на себе. Многолетним опытом доказано: нести зверя по глубокому снегу лучше всего одному в обыкновенном холщовом мешке, только большем. А как нести одному взрослого тигра, если весит он от двухсот и более килограммов? Но, допустим, вынесли его к дороге. Теперь надо искать транспорт, на чем увезти. Пока найдут машину или трактор, зверь не может находиться в мешке. Строим специальный сруб, где он чувствует себя свободнее, не мерзнет. Потом сооружаем клетку, из сруба переводим зверя туда и уже в клетке везем. Это утомительная, трудоемкая и небезопасная работа. Выполнять ее гораздо легче, когда зверь молод.

— В последнее время в нашей печати немало пишут об увеличении численности тигров на Дальнем Востоке, об участившихся случаях встреч его с человеком, далеко не безопасных, нападениях на домашний скот. Как вы считаете, можно ли в подобной ситуации добиться «мирного сосуществования» с этим хищником и как его теперь защищать?

— Непростой вопрос. У нас в стране многое сделано, чтобы сохранить этого уникального зверя, находившегося на грани исчезновения. Численность его за последнее время выросла. И этим можно только гордиться. Но, с другой стороны, люди все больше осваивают тайгу, теснят зверя. Когда Игнат Трофимович Трофимов ушел на пенсию, я организовал свою бригаду, мы отловили еще четырнадцать тигров. За семь лет работы звероловом я исходил по тайге много километров и могу засвидетельствовать: традиционное представление о бескрайних дальневосточных «джунглях» сильно преувеличено. Они тоже имеют свой предел. К тому же люди берут там лес, охотятся, ищут полезные ископаемые, добывают ягоды, грибы, орехи. Без этого не обойтись. Государству нужны и древесина, и полезные ископаемые, и пушнина. Но если мы действительно хотим сохранить тигра, «мирно сосуществовать» с ним, мы должны оставить ему место в тайге. Для этого сейчас еще есть подходящие территории. Нужно сделать там заповедники, сохранить в естественном состоянии животных и растительный мир.

— На этом, Анатолий, думается, можно закончить «тигровую» тему нашей беседы, хотя она, конечно, далеко не исчерпана. Давайте вернемся к вашей первой книге. Когда вы начали ее писать?

— Кажется, году в 75-м, когда жил в Циммермановке. Это поселок в Хабаровском крае, центральная усадьба Быстринского леспромхоза. Я работал там штатным охотником, обустроив дом, времени было в обрез. Но тогда я окончательно понял, что не могу не писать. В любую свободную минуту садился за стол и писал.

— Есть ли живые прототипы героев вашей книги?

— Конечно, есть. Это люди, с которыми я жил и работал на Севере. Они и сейчас живут и работают там. Я к ним ездил, со многими встречался. Но, как во всяком художественном произведении, главные герои книги Родников, Аханя, Хабаров, Шумков—собирательные образы, они вобрали в себя черты характеров и судеб многих людей.

— Вы очень рано начали работать. Может быть, поэтому в книге заметно огромное уважение к людям трудолюбивым, стойким в работе, умеющим сделать своими руками если не все, то многое. Говоря высокими словами, вся книга—это своеобразный гимн человеку труда, который в суровых условиях Севера выполняет свою обыкновенную будничную работу порой на пределе возможностей, на грани подвига. И сцены, где описан такой труд—тяжелый, изнурительный, забирающий у человека все силы без остатка и все же делающий его счастливым, очень привлекательны. Причем работают с азартом, с увлечением, в едином порыве все: и юный Николай, и Костя, немногим старше его, и пожилые звенки. Как вы относитесь, Анатолий, к тому, чтобы наши подростки, молодые люди как можно раньше приобщались к труду, к настоящему делу, о чем сейчас много говорят и пишут?

— Очень серьезно отношусь. Много думаю над этим и считаю, что собственный опыт позволяет мне утверждать: чем раньше человек начинает трудиться, тем лучше для него во всех отношениях. У меня не было так называемого «счастливого» детства, я, правда, в силу семейных обстоятельств с ранних лет начал работать. Зато многому научился, многое узнал и понял, рано встал, как говорится, на собственные ноги. По крайней мере никакая работа меня не страшит, и можно только благодарить судьбу, что она дала мне в руки не одну специальность.

И в то же время человеку необходимо учиться. Учиться основательно, с полной отдачей сил, как и работать. Здесь нет никакого противоречия. Хочу, чтобы меня правильно поняли: речь о том, чтобы учеба и труд шагали рядом, вместе. Речь об элементарной подготовленности ребят к труду вообще. Труд нелегкому, который ждет каждого человека, если он намерен заниматься своим делом всерьез. И этому, я убежден, надо учиться с раннего детства и прежде всего в семье.

Расхожая философия некоторых родителей: «Мы жили хуже, пусть наши дети живут хорошо, забот не знают»,—идет во вред только ребятам. Такое представление взрослых о «счастлимом» детстве приводит к тому, что подросток не знает ни в чем отказа. Любая вещь к его услугам. Легкость, с какой исполняются прихоти, приводит к иждивенчеству, к эгоизму. Ребенок еще не знает цену вещи, не знает, какой в нее вложен труд, а она уже, пожалуй, твоя. Даже самая дорогая. Так в юную душу закладывается потребительское отношение к жизни, заглушаются ростки ответственности, уважения к труду, желание добиться чего-то самому.

Я долго жил в леспромхозовских поселках. Здесь у многих свое хозяйство—огороды, свиньи, коровы. И вот смотришь: родители, часто и бабушки после дневных трудов на огороде копаются, за скотиной ходят, а многие подростки знают себе весь вечер гоняют на мопедах и мотоциклах. Только треск стоит на всю округу. Одного не могу понять: почему родители, сами великие труженики, прямо-таки груду заслоняют детей от работ и забот?

Я, например, хорошо помню, когда, проработав год оленеводом и получив в четырнадцать лет первую зарплату, причем немалую, был очень горд и счастлив, покупая матери подарки на деньги, заработанные своим трудом.

— Что бы вы хотели пожелать нашим подросткам, молодежи?

— Главное, чтобы они стремились к самостоятельности, стремились всего добиваться своими руками, не ждали, когда что-то поднесут им папа с мамой или еще кто-то. У меня три сына, и я бы хотел, чтобы они выросли трудолюбивыми, самостоятельными, честными людьми. Чтобы с раннего возраста они познали труд во всех его проявлениях, не пасовали перед трудностями, чтобы были готовы к борьбе. Потому что за добро, за правду, за мир на земле надо бороться. И мы должны готовить к жизни людей работающих, убежденных, стойких, настоящих граждан своей страны.

— Анатолий, вы всю жизнь работаете в тундре, в тайге, то есть крепко связаны с природой. Ваши самые яркие впечатления от нее?

— Самая потрясающая природа на Севере. В ней нет броской красоты, пышности, но много дикости, первозданности. Она сурова, неуправляема и необъятна. Она вечна. И ты это очень хорошо ощущаешь. Там человеку надо крепко трудиться, чтобы выжить. Мне кажется, все это хорошо передано в пейзажах Рокуэллы Кента, которые я люблю.

В последнее время мне пришлось немало поездить. Был в среднерусской полосе, на Вологодчине, в Красноярском крае, Туве. Хорошо во всех этих местах. Но я коренной дальневосточник, родился в Комсомольске-на-Амуре. И очень люблю свой край, нашу Уссурийскую тайгу. Здесь мне все дорого и близко, здесь думаю жить и работать дальше.

— Ваша книга создана, если можно так сказать, на экзотическом таежном материале. Родников вместе с звенками не только пасет оленей, но и охотится за соболем, белкой, встречается с медведями. Но сцены охоты, встречи со зверями описаны сдержанно, кратко, даже сухо.

— Это сделано намеренно. Чего тут живописать! Недавно по приглашению Виктора Петровича Астафьева я гостил у него в Красноярске. И он похвалил книгу именно за это. Что нет там ценящего восторга экзотикой, нет многословия и ложной романтики в описании охоты. Охота—древнейшее занятие людей, как и всякое серьезное дело, требует от человека большой самоотдачи, огромного труда. А случаев разных было сколько угодно. Хотя бы вот этот. По заданию зоокомбината мы с Андреем Николаевичем Лебедевым поехали отловить двух медвежат для зоопарков Японии. Лебедев—мой друг, это ему посвящена книга «Большое кочевье». Бывший военный летчик, страстный любитель природы, работает сейчас охотником. Так вот поехали мы в те самые места,

где раньше я кочевал с оленями. Оба мы заядлые фотолюбители, увидели большого медведя-самца, решили подкрасться к нему, сфотографировать. Зверь мирно пасся, не замечал нас, но вдруг, чем-то встревоженный, побежал. Стали в бинокль смотреть, кто же нагугал его. Увидели наконец другого медведя, еще больших размеров. Тот начал преследовать первого, но заметил нас, развернулся и побежал в нашу сторону. Договорились снимать до последнего, стрелять только в крайнем случае. Фотографируем. А он бежит. Уже близко. Выстрелили в воздух. Стреляем второй раз — не останавливается. И уже рядом. Пришлось стрелять в него. Скажите, пожалуйста, чего тут особенного, необычного? Что здесь живописать? Как двое взрослых, хорошо вооруженных мужчин убили медведя? Или как большой, могучий зверь, сраженный пулей наповал, перевернулся через голову и плюхнулся у наших ног, как заяц? Ничего привлекательного в этом не вижу. Другое дело, когда мой приятель звенк Христофоров вспоминал, как в молодости ходил на медведя с копьем. Вот тут схватка, единоборство, неизвестно, кто кого одолеет. Но если уж победил человек, ему есть о чем рассказать.

А с ружьем просто. Человек с ружьем — страшная сила. Разве может противостоять ему какой-нибудь зверь? Поэтому нельзя доверять ружье всем и каждому.

— А как вы относитесь к охоте сейчас?

— Я уже говорил, что для меня это труд, работа. Я и впредь собираюсь работать сезонным охотником, а в свободное от этого дела время писать. Считаю, что охота была, есть и будет. И профессиональная и любительская. Как бы ни выступали против нас некоторые особенно ретивые «охранители» природы. Но, бесспорно, нужно ужесточить правила, как следует организовать охрану угодий, объявить беспощадную войну браконьерам. Это они и не в меру инициативные «любители» охоты, используя современную технику, пробираются в самые отдаленные уголки тайги.

В книге «Большое кочевье» описана такая охота на гусей в тундре, которую я видел своими глазами. Вертолетом огромные табуны птиц поднимали в воздух и гнали на гряды сопок, где между камней прятались «охотники» с автоматическим оружием, которые косили низко летавших над сопками птиц. Это преступники, а не охотники, и их надо со всей строгостью наказывать.

— Над чем вы сейчас работаете?

— В издательстве «Современник» готовится к печати повесть «Тигролово». Она планируется к публикации в нынешнем году. Повесть остросюжетна, населена многими людьми, которые живут и работают в Уссурийской тайге. Это наши современники — охотники-тигролово, лесозаготовители, лесники, пчеловоды, рыбаки, егеря. В тайге сходятся или стыкуются интересы этих людей разных профессий. Тут много противоречий, острых вопросов, драматических ситуаций. Как решают их люди, за что борются, что пытаются отстоять, защитить, к каким результатам приходят — в этом содержание новой книги. Меня больше всего привлекает человек в системе нравственных связей, его отношение к делу, к людям, к природе. В новой повести я попытался поднять проблемы, связанные с охраной окружающей среды. И прежде всего наших лесов. А в них — кедр, патриарх сибирской и дальневосточной тайги, бесценное, уникальное создание природы. Многие газеты, журналы сейчас выступают в защиту кедровников, ратуют за комплексное использование этих лесов. Нет сомнения, что в наведении порядка в них надо поторопиться, иначе просто нечего будет защищать и использовать.

«Тигролово» закончено. Но тему эту не считаю исчерпанной. Я проработал тигроловом, как и оленеводом, семь лет. Увиденного и пережитого много, это, что называется, багаж на всю жизнь. Сейчас пишу новую вещь, она будет как бы продолжением повести о тигроловах, где рассказ ведется от лица главного героя, егеря Калугина. Непростая, тревожная у него служба. Каждый день идет он на работу, как в бой...

Первая книга Анатолия Буйлова заканчивается, когда главный герой романа Николай Родников уходит служить в армию. «Вот и началось мое большое кочевье», — говорит он самому себе. — Прощай, Ахани! Прощай, мой добрый учитель. Я взял твою душевную боль себе, я расскажу о ней людям, они должны понять. Я верю в это! Верю!»

Эти слова можно отнести и к писателю Анатолию Буйлову. Началось его «большое кочевье» в литературу. Он взял с собой радости и печали, заботы и надежды многих людей, чтобы рассказать нам об этом в своих книгах.

тигро- ро- лово- ловы

Глава из повести
Анатолия БУЙЛОВА

К вечеру второго дня, не встретив желанного тигриного следа, тигролово спустились в ключ Благодатный, нашли около устья его брошенное, но еще годное для жилья зимовье — и расположились в нем. Отсюда, от этого зимовья, им предстояло искать тигрицу с тигрятами, следы которых в летнюю пору в одном из распадков видел кто-то из жителей Мельничного. Кроме того, и сами Лошкаревы отловили в этих местах два года тому назад одного, последнего у тигрицы тигренка — трехлетка весом в сто десять килограммов. Тигрица, по расчетам Лошкаревых, если эти места не покинула, то еще в прошлом году должна была охотиться вновь и иметь теперь годовалых тигрят. Годовалых тигрят она старается водить как можно меньше и жить старается с ними на предельно малой территории — значит, найти их будет сложно. Да вот знать бы точно, что тигрица именно в этих местах, тут бы и камень с души долой и никаких сомнений. Ищи и найдешь, рано или поздно — чего уж проще?

После ужина, когда Николай вышел из зимовья, Евтей тихим голосом спросил вдруг у брата:

— Савелко, а Савелко, что делать-то будем с Павлухой-то? У нодейки* опять он мается — надо бы в барачек сюда позвать его, а?

— Да ты откуда узнал, что именно Павлуха идет?

— Откуда, откуда... В Мельничном видал его. А как собаки стали потом назад поглядывать, сразу и смекнул... Думал, отстанет вчера... Теперь уж до конца свою линию гнуть будет... Упрямый... Что делать-то, Савелко? Слышал я краем уха, что с директором он из-за этого крепко стукнулся. Директор сказал: если уйдешь на отлов — уволью и трудовую книжку замараю... Чего молчишь-то?

— А чё говорить? Я-то бы ничего, пущай бы шел с нами. Да што-то Николай не примет его никак. Надо бы ишшо с ним поговорить. — Савелий с опаской посмотрел на дверь и, понизив голос, добавил: — Теперь уж поздно, завтра утром спрошу, может, примет.

— Николай, Николай, — недовольно и громко проворчал Евтей. — Куга зеленая — вот кто твой Николай!

«Сам ты куга, — оскорбленно подумал Савелий. — Девок нарожал со своей Палагой, вот и завидуешь теперь». Он и хотел так сказать Евтею, но вошел Николай, и братья, оба недовольные друг другом, принялись застилать нары пихтовыми ветками, и изъеденным мышами, пахнущим прелью «хозяйским» одеялом, и разным тряпьем, в здешних таежных условиях имеющим значение настоящей роскоши. Экономя свечку, спать легли рано. Избушка была хотя и тесная, низенькая, но теплая. В печке монотонно шипели, изредка потрескивая, толстые сырые

поленья ясеня — «долгоиграющие пластины», как их называл Евтей. А сырые ясеневые поленья действительно очень долго горят в наглухо закрытой, без поддува, печке — с торцов полена вода течет, шипит, пузырится, а снизу жар ровный, неподступный — хоть чугуны расплавляй. Часов до двух горят такие «долгоиграющие пластины», а там еще одну топку подбросил в печь — вот и ночь прошла.

Проснулись тигролово задолго до рассвета. Во время завтрака Савелий неуверенным голосом сказал, обращаясь к Николаю:

— Маракуя, что не тигра и не медведя за нами ходит...

Николай резко отставил кружку с чаем, удивленно и подозрительно уставился на отца.

— Павлуха Калугин идет за нами. Нодья его в ближнем распадочке, там, где кедрины сухие кучкой стояли...

— Ты что, отец, шутишь?

— Пошто шу-чу? Верное слово! Да ты выходил-то сейчас, неужто дым нодейный не чуял? Ветерок-то как раз оттуда тянет, вот и напахивает дымком...

— Так, значит, он все-таки нахальством решил добиться своего... Вот что, отец, — глаза Николая недобро сузились, круглое лицо его, теперь уже не розовощекое, а серое от выросшей щетины и копоти, сделалось начальственно строгим. — Ты, я вижу, по-прежнему либеральничать хочешь с этим хамствующим молодым человеком?

— Какое либеральство? Ты што? — Савелий даже испуганно оглянулся на дверь. — Што ты такое несешь на отца родного, а? Говори, да не тово... Ишшо чего удумал! И Павлухам хамом тоже зря обзываш — он охотник-промысловик и к делу своему тянется, к своей сошке, испытать себя хочет парень. Может, толк с человека выйдет! Правду, нет я говорю, Евтей?

Евтей, пощипывая бороду, хмуро молчал, спрятав глазки под нависшими бровями, и нельзя было понять, на кого он смотрит, он точно ушел в себя и слухом и зрением — так бывает с ним, когда он очень на что-то негодует, но изо всех сил старается этого не выказать.

«Как бы скандал не затеялся, — забеспокоился Савелий и в следующее мгновение уже пожалел о том, что начал разговор, и подумал с неприязнью о Павле Калугине: — И в самом деле, ишшо из-за него раздору не хватало». А вслух сказал примиряюще:

— Ты, Николай, не кипятись, ишшо молодой... а надо все тихо-мирно да полюбовно порешить...

— Ты бригадир — ты и решаешь! — раздраженно перебил Николай. — Развел кисель — теперь расхлебывай. А мое слово такое — всякому хамству надо давать отпор! Он думает, что хамством можно достичь всего. Он думает: что приятно и нужно ему, то непременно доставит пользу и удовольствие для общества, для меня, например. А я терпеть не могу таких хамоватых

* От «нодья» — костер охотников-промысловиков.

людей! И имей в виду, отец, если вы его с Евтеем примете в бригаду на любых условиях, тогда я уйду из бригады! И все, все на этом!

— Ну, нет, так нет, пошто осерчал-то? Я ж к тому и вел разговор, чтобы все обсудить...— Савелий заискивающе посмотрел на Николая и Евтея.

— Ну вот, и давно бы так,— удовлетворенно кивнул Николай, вновь принимаясь за прерванное так некстати чаепитие.

Евтей, насулившись, молчал, опустив глаза на свои тяжелые ладони, беспокойно ерзающие по застеленному газетой столу. Это его движение не предвещало ничего хорошего. Савелий поморщился: «Быть раздору!»

Но Евтей не стал ни спорить с Николаем, ни убеждать его, только сказал глуховато:

— Высококоны ты взлетел, племяш, а голова-то слаба на высоту, оттого и сердечко уменьшилось, из души к горлу подошло...

— Это, уважаемый дядюшка, сплошная ваша демагогия,— невозмутимо возразил Николай.— Куда я взлетел— это мое личное дело. Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток.

— Ну, конечно, тебе, сверчку, со своего шестка сподручней смотреть на нас, серых, неотесанных мужиков, да только не забывайся, кто поднял тебя на шесток-то. Сверчок не орел, да и орел от земли далеко не отрывается.

— Ну, вот и ладно, ребята,— засуетился Савелий.— Вот уж скоро рассветет, давайте-ка побыстрее собираться. Собак-то с собой брать незачем, оставим их тут. Я думаю, начнем искать с ближних ключей: я с Николаем пойду в левый ключ, вывершим его до водораздела и спустимся в Батехин распадок, а ты, Евтюшка, правый ключ обследуй, сколько духу хватит, подымись по ем. Потом исподволь и до верхних ключей доберемся. Все одно, если она тут—никуда не денется от нас, найдем ее след, лишь бы погода постояла.— И опасаясь, что разговор опять повернется на нежелательную, болезную тему, стал торопливо одеваться, громко сетуя на лому в поясище, на то, что погода не дала осенью картошку подсушить и пришлось ее сырую засыпать в подполье, и там она, непросохшая, будет гнить теперь, как тыква, а тут еще приспичило дражайшей Елене Михайловне хватать некстати.

Вышли тигроловы из зимовья на рассвете. Евтей не торопился. Он долго без нужды строгал ножом палку-посох, затем, вынув из карабина затвор, стал протирать его полую куртку, и, лишь когда скрылись из виду Савелий и Николай, он вдруг, словно бы спохватившись, закинул за спину рюкзачок с топориком и снедь, торопливо зашагал к сопкам, но не к устью ключа, в который должен был идти, а гораздо левей, к тому распадку, откуда тянуло нодеиным дымом.

Эти четыре сухих ровных кедра, стоящих в одном пучке, Павел Калугин увидел сразу. Рядом с кедрами стоял молодой пихтач, и тут же лежал выворот. Лучшего места для ноды и не придумаешь. Но по времени было еще слишком рано делать нодью, и Павел не без сожаления прошел мимо этого идеального для ночевки места. Однако, пройдя с полкилометра, он увидел несколько старых пней ровно такой толщины, какая обычно требуется для строительства избушек. Он пошел медленней, и тут на него пахнуло дымком. И сразу сквозь ельник он увидел избушку. От неожиданности Павел даже вздрогнул, затем, пригнувшись, попятился и, наконец, когда избушка пропала из виду, развернулся и быстро, то и дело беспокойно оглядываясь, зашагал назад к четырем кедром, радуясь тому, что ушел от избушки незамеченным и что недалеко от нее, словно по заказу, есть такое отличное место, на котором можно простоять как минимум четыре дня. А в том, что придется здесь стоять не меньше четырех дней, Павел не сомневался. Наверняка тигроловы сделали избушку своей базой, откуда они и начнут поиски тигриных следов, значит, табор надо устраивать основательный.

Срубив сухой кедр и распилив его одноручной пилой на два бревна, Павел подтянул их к вывороту, сделал нодью и зажег ее. Затем он нарубил хворосту и тонких сушин и развел между нодьей и выворотом огромный костер. Когда земля прогрелась под котром и перестала пёрить, он разбросал горящие головешки, а мелкий жар разгреб и тщательно затоптал, на это черное пепелище настелил затем пихтовые ветки, потом соорудил над постелью из жердей и рогатин каркас, который сверху и с боков обтянул целлофановой пленкой, и получилась как бы ниша, основанием и третьей стеной для которой служил выворотень. Табор получился уютный.

«Устроился с комфортом, только раскладушки еще не хватает»,— удовлетворенно и в то же время насмешливо подумал Павел, уже при лунном свете

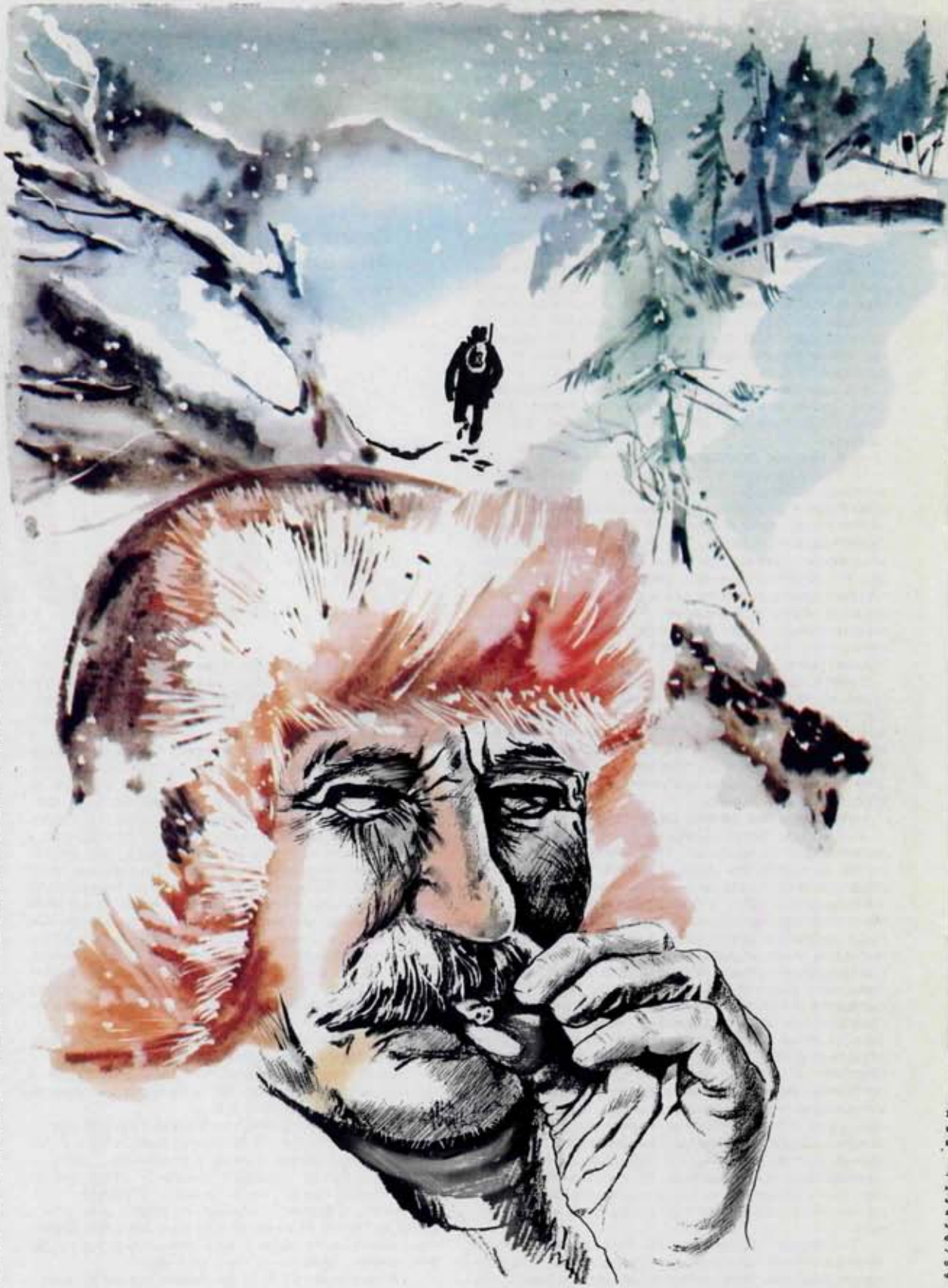

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

оглядываясь нодью и табор, который благодаря огромному выворотню и отблеску горячей нодьи имел вид очень внушительный, загадочный и даже пугающий.

После ужина, укладываясь спать, он мучительно долго размышлял о том, как поступить ему завтра, наконец, остановился на той мысли, что надо будет прежде всего подойти к избушке, узнать точно о намерениях тигроловов: если собаки останутся у избушки, а тигроловы уйдут без них, значит, ушли они не на отлов, а пока всего лишь на поиски следов или на разведку. Но если собак возле избушки не окажется, значит, тигроловы либо ушли своим маршрутом дальше, либо собираются уже отлавливать тигрят, и в этом случае надо бросать нодью и следовать за ними. Сидеть целый день около нодьи и ждать? «А не пойти ли и мне на поиски следов? Возьму хотя бы вот тот ближний ключ, который виднеется между сопкам, вывершу его, пройду по водоразделу и спущусь по

распадку прямо к нодье. А вдруг и повезет, найду след тигрицы и тогда уже на законных основаниях буду участвовать в отлове...»

Эта мысль показалась Павлу настолько приятной и реальной, что он тут же с нею и заснул чутким, дремотным сном. Нодья горела хорошо и ровно, но все равно раза три или четыре он просыпался и поправлял ее палкой-шуровкой. Лишь под самое утро, как всегда, одолел его настоящий сон. Он спал, как дитя, безмятежно и крепко, но длилось это, как ему показалось, не дольше мгновения. И вот уж опять слышит он за своей спиной гудение и потрескивание пламени, чует парной запах хвойной подстилки, смешанный с запахом золы и оттаявшей земли, ощущает всем существом тепло огня и дальше за ним непостижимую и пугающую беспредельность холодного звездного мира. И вдруг в этом мире словно что-то сдвинулось и нависло какой-то неясной угрозой. Павел вздрогнул как от толчка и, все еще находясь на

границы сна и яви, охваченный какой-то безотчетной тревогой, вскочил на колени, открыл глаза и увидел в двух шагах от ноги что-то высокое и темное, выбросил руку к лежащему на подстилке ружью, но уже в следующее мгновение отдернул руку — перед ним, навалившись грудью на палку, стоял и улыбался Евтей Лошкарев.

— Што, Павелко, испужал я тебя? Хотел ружье у тебя выкрасть да уйти с ним, а ты всполошился: уж я тихонечко старался. Как услышал-то меня? Што молчишь? Не ждал гостей? А я вот пришел, угощая старика леденцами да пряниками. — Евтей снял карабин и приставил его к валежине, протянув изумленно и напряженно молчавшему Павлу руку. — Ну, здравствуй, што ли!

— Здравствуйте, Евтей Макарович. — Павел отодвинулся, освобождая гостю место и продолжая смотреть на него все с тем же беспокойным выражением.

— Да ты, Павелко, не бойсь, я тебя не прогонять пришел. Куды ж тебя прогонять теперь? Ишь, как обстроился. — Евтей, задрвав бороду, одобрительно осматривая навес и углы. — Да, обосновался... Ну дак што, чаем-то поить будешь аль нет?

Ровный, шутиливый тон его голоса, улыбочиво поблескивающие глаза, спокойные, уверенные движения убедили Павла в том, что пришел к нему Евтей действительно с добрыми намерениями. И Павел, внутренне расслабившись, принялся торопливо выкладывать из рюкзака на хвойную подстилку печеную домашнюю колбасу, сливочное масло, сахар, хлеб, сушеное мясо.

— Ого, сытно живешь! А много ли провианту запас?

— Дней на двадцать хватить должно.

— Смотри-ка ты! А у нас дней на десять всего. Ну, ладно, свои приедем — за твои примемся. Чай, поделишь с нами, коль придем заниматься к тебе?

— Да уж придется, если хорошо попросите, — вяло пошутил Павел, наливая в Евтею кружку чай. Он все еще поглядывал на гостя с недоверием. «Что-то темнит Евтей Макарович Лошкарев, — думал он с тревогой, — тянет резину, не знает, с какого конца начать, рубил бы уж сразу».

— Хорош у тебя чаек, Павелко! Лимонником отдаст приятственно, люблю с лимонником. Седни рано проснувшись, а чаю и попить как след не пришлось... Племянничек весь аппетит перебил... дышло ему в ноздрю!

— Ну вот, начинается, ближе к делу подходит. — Павел вновь напрягся. — Сейчас объявит...

— Ну так вот, стало быть, такое дело... Плесни-ка еще полкружечки чайку... Ну так вот, Савелко-то нынче утром пытался за тебя слово замолвить — дескать, принять бы надо Калугина. Да куды там! — Евтей презрительно сморщился. — Племяш и слышать не хочет, рыло на сторону завернул, как ровно ему дохлаю ондатру к ноздре подсунили... Вот человек! Савелий-то и не прочь тебя принять, да он у Николая под каблучком давно. Как съездил к нему в город, а там у него в квартире-то паркет скрипучий, да хрустали с коврами, да машина, и чего-чего только нет! А тут еще и на работе у него побывал — ну возгордился сыном, против его слова не может вымолвить. Вот и сегодня утром заезжил... — Евтей допил чай, спрятал кружку в карман рюкзака, степенно обтер широкой ладонью усы, расправил седую бороду и, подумав немного, твердым голосом проговорил: — Да не выйдем по-евонному! А ты, Павелко, от своего не отступай... Сдается мне, что у нас с племянником будет еще один разговор — покрепче сегодняшнего. А пока эти дни поночь еще у нодейки. — Евтей подмигнул взбодрившемуся Павлу. — Ишь как пригрела она тебя — так разомлел от удовольствия, что и ружье чуть было не проспал. Гляди, другой раз украду — не услышишь. Ну дак што, сидеть будем аль пойдём тигру искать?

— Зачем сидеть — надо искать, — радостно заулыбался Павел, вскакивая и торопливо убирая с подстилки еду. — Я уж было и сам хотел идти искать.

— Ишь ты, и здесь не сробел! Ну, а куды искать-то собирался идти, ежели не секрет?

— Да куда, ясное дело — начинать надо с ближних ключей, вон в тот правый ключ собирался. — И Павел указал рукой в ту сторону, куда должен был идти Евтей.

Евтей удивленно хмыкнул, погладил бороду и вновь спросил тоном экзаменатора:

— А пошто именно в тот ключ? А пошто не в тот или не в этот? Они оба тоже близнеи.

Павел, сообразив, что Евтей его экзаменует, снисходительно улыбнулся:

— А в те ключи, Евтей Макарович, по-моему, смысла нет соваться. Они ведь вершинами своими подтирают к леспромхозовским делянам. Леспромхозовцы бы обязательно след увидели, и уже бы по всему Мельничному про это известно было. А в

низовьях Сидоркин охотничает, он бы тоже сказал о следах. В общем, те ключи только в крайнем случае проверить можно.

— Ну-ну, ладно, немножко варит котелок, — удовлетворенно кивнул Евтей, поднимаясь на ноги. — Пойдем тогда в твой ключ. Вдвоем-то нам легче будет его вывершить, то ты по целику пойдешь, то я — вот веселье будет.

«Это уж точно, Евтей Макарович», — радостно подумал Павел и первый вышел на целик.

Устье ключа оказалось унылым, с широкой болотистой поймой, густо заросшей черемухой и ольхой. Но вскоре пойма сузилась, начался смешанный широколиственный лес, здесь в одном месте пойму пересекала кабанья тропа. Лошкарев прошел по тропе, внимательно разглядывая ее, метров двести.

— Такие тропы, Павелко, не минуи, — поучал он Павла. — Тигра, она любит по чужим тропам ходить. Пройдет по тропе, а за ней опять чужки все перетолкут — вот и нет помина от ее следа! А ты непременно, коль торную тропу встретишь, пройди-ка по ей до первой встречной валежины или пока тропа не разойдется. Чужки-то непременно валежину либо обойдут, либо перепрыгнут, либо под нее пролезут, а тигра, она, матушка, завсегда на эту валежину передние лапы поставит. Кошка — она и есть кошка, и все повадки у нее кошачьи.

Потом до полдня следопыты обследовали еще одну чужью тропу, пересекли три изюбриних следа и уже в самой верхине ключа увидели волчий след.

— Ну, тут мы с тобой, Павелко, не найдем тигру, однако, — устало отирая рукавом потный лоб, проговорил с досадой Евтей и кивнул на волчий след. — Там, где тигрица живет, волк туда не сунется. Тигрица эту пакость непременно изничтожит, будет тропить волка, пока не задавит или пока не угонит его в другой район. У нас в поселке собака кошку гоняет, а здесь все наоборот, кошка собачью породу уничтожает. Но, однако, ключ-то мы, все одно, вывершим — всякое бывает. Чтобы потом не сомневаться, надо всегда до конца все проверять. Оставленные, недосмотренные закоулки потом спать тебе давать не будут, совесть твою будут грызть-подтачивать. «Ох, зря не проверил, а вдруг она, тигра, тамотки и осталась?» В нашем деле, Павелко, аккуратность требуется.

В верхине ключа тигриных следов не оказалось. С водораздельного хребта сквозь кедровый лес просматривалась затянута голубой дымкой долина Имана, а левей ее виднелась излучина ключа Благодатного и над ней белый купол Арминской горы.

— Высоколько забрались мы с тобой, — удовлетворенно заметил Евтей. — Однако и время уже поджимает — придется трусой поспешать.

Обратно возвращались по левому отрогу — Евтей объяснил, что тигрица может и на отроге жить, если зверь есть, и в ключ не спустится — не захочет лишний раз выдавать себя, тем более ежели тигрята малые.

К ноде спустились по крутому распадку уже в сумерках. Евтей попытался помочь Павлу сделать нодею, но Павел категорически отказался.

— Ну, сам так сам, — добродушно согласился Евтей и пожаловался: — Што-то седни притомился я по твоим следам ходить, больно бегаешь ты по молодому. Завтра я тебе отдам этот лом. — Он хлопнул рукой по прикладу карабина. — И рюкзачишко тоже уступлю, а ружье свое оставишь, ни к чему оно — лишний груз.

— Я согласен, Евтей Макарович, не только карабин — и вас самих на спине таскать.

— Ишь ты, искуситель какой! — довольно усмехнулся в бороду Евтей и шутиливо пригрозил: — Да смотри, не проси завтра, а то украду ружье-то, ей-богу, украду! Ну, ладно, пойду-ка я. — И пошел, слегка сутулясь и косолапя, точно медведь.

Павел, прежде недолюбливавший Евтею за его угрюмый характер и вид, теперь смотрел на его широкую сутулую спину с благоговением и надеждой.

— Ну как тамотко преследователь наш поживает? — встретил брата Савелий. — В отпуск идти не думает ишшо?

В зимовье было жарко натоплено, пахло свежесваренным чаем и подгоревшим хлебом.

— А ты, я смотрю, давно возвратился, — отщипывая с усов сосульки, заметил Евтей. — Али тигру нашел?

— Какое там, тигру... Притомился чтой-то седни, — смущенно пробормотал Савелий, поспешно снимая со стены над печкой свою уже просохшую шинель. — Чтой-то спину ломит — к погоде, должно...

— Зря, Савелко, на погоду ропчешь, — с усмешкой перебил Евтей. — Стареем, брательник, стареем — отсюда и хворобы всякие.

Евтей неторопливо повесил над печкой рукавицы, шинель, затем, покряхтывая, принялся сосредоточенно развязывать тесемки на улах.

— Ну, так че, Евтеюшко, видал ли, нет Павла?

— Вот я и говорю, брательник, стареем мы, — слово не слыша вопроса, продолжал свою мысль Евтей. — Два-три сезона еще поскрипим, побегает за тиграми, а дальше что? Дальше песок из нас посылется.

— Ты, Евтеюшко, к чему речь-то клонишь? — осторожно спросил Савелий. — Што-то лицо у тебя, сморю, смурное, ай недоволен чем?

Сняв улы и оставшись в одних войлочных чулках, Евтей прошел к столу, взял кружку, в которую Савелий тут же услужливо налил чай.

— А речь я, брательник, вот к чему клоню, — шумно отхлебывая горячий чай, раздумчиво продолжал Евтей. — Ловим мы с тобой этих самых тигров всю свою жизнь, почитай, сколько народу всякого у нас в бригаде перебивало — седни один, завтра другой, а кто из этих людей дело-то наше перенял? Никто! Потому как этого дела мы с тобой никому и не передавали, вроде как боялись передать, а теперь вот к черте последней подходим, а наследника нет, сами помрем, и дело наше некому продолжить...

— Так вить, Евтеюшко, рази Николай-то не наследник?

— Да какой он наследник?! — Евтей даже кружку от себя отодвинул, нервно запустил в бороду пальцы. — Отрезанный ломоть твой Николай!

— Это ишшо почему отрезанный? — обиделся Савелий.

— А ты не обижайся, брательник, — помягчел голосом Евтей. — Я и сам бы рад видеть племянника продолжателем нашего дела, династии нашей, да рази ты сам не видишь — нет огня в нем к нашему делу, корысть одна, ты горюшь, а он как бы с боку прирек у тебя или как собачонка на поводу.

Евтей помолчал, разглядывая на столе свои мощные, узловатые руки.

— Ты, Савелко, не сердчай, но Николай и в самом деле как норовистый молодой кобелек у тебя на привязи — ты его в одну сторону ведешь, а он тянет в другую, характер проявляет, дескать: коль я в собачьей стае верховод, то и над хозяином своим тоже верховод...

— Выдумываешь напраслину, — неуверенно возразил Савелий, — какой он мне верховод? Ишшо не хватало...

— А рази не верховод? Сколь уж было так: ты в одну сторону, он — в другую, и перетягивал тебя. А что получалось из этого? — Евтей с укоризной посмотрел на брата, строго заключил: — Под каблук ты попал сынку своему, на его инженерское звание смотришь вверх, как на икону, а свое звание уронил и себя принизил. Сын перед тобой благоветь должен, а не ты перед сыном! Вот за то, что достоинство свое родительское не блюдешь, сам же через то и пострадаешь.

— Ишшо чего — где я достоинство не блюду? — слабо задирился Савелий. — Выдумываешь ты. — И попробовал направить разговор в другое русло. Сняв с печи котелок с похлебкой, поставил его перед братом на стол: — На-ко вот лучше, Евтеюшко, супешнику похлебай, ишшо не хватало нам с тобой раздору... Притомился, чай, целик топтать?

— А вот уж чего не было, того и не было, — с усмешкой проговорил Евтей, многозначительно поглядывая на удивленного Савелия.

— Опять ты, Евтеюшко, как заяц на лежку, петлями скачешь. Говори толком — не ходил сегодня никуда, с Калугиным сидел, што ли?

— Пошто не ходил? Ходил, брательник, ходил... Да только не по целику, а по следу готовому едва-едва поспевал за Пашкой. Здоров, черт, как сохатый прет. В самую верхину ключа добрались. Поглядел я нынче на Павла и вот че скажу тебе, брательник, — из этого парня выйдет настоящий тигролов, попомни мое слово.

— Это ишшо на воде вилами писано — сам ведь припомнил, сколь народу у нас в бригаде перебивало, да никто не удержался...

— Да ведь мы и не удерживали никого! Даже и отпихивали особо ретивых-то, вспомни-ка, — Евтей осуждающе покачал головой, — ай забыл, брательник? Вишь, какая память у тебя...

— Да ведь и ты, Евтеюшко, грешен по этой линии.

— А я не отмалчиваюсь, да и грех ли то был? Тогда еще не время было династии разрушать, а теперь оно пришло, и надобно тигроловство наше в хорошие руки передать. — Евтей значительно помолчал, тербя бороду, и вдруг сказал с решительностью непреклонной, точно вколачивая гвозди в сырую древесину:

— Хочет этого племянник или нет, но Павлу тигроловом быть!

Михаил ШАТРОВ,
лауреат Государственной
премии СССР—

ТЕАТР

Евгений РЫК,
молодой драматург

Нашищается с пьесы

При правлении Московской писательской организации уже несколько лет успешно работают студии и семинары молодых драматургов, которыми руководят известные советские писатели А. Арбузов, Г. Горин, И. Кузнецов, М. Львовский, А. Самсонов, Ю. Эдлис, В. Коростылев, совместно с МК ВЛКСМ действует студия под руководством А. Мишарина.

Сегодня мы хотели бы предложить беседу о проблемах молодой драматургии и молодых драматургов между руководителем одного из представительных семинаров, лауреатом Государственной премии СССР Михаилом Шатровым и участником его семинара молодым драматургом Евгением Рыком.

Ученики М. Шатрова участвовали во Всесоюзных и республиканских совещаниях и семинарах, проводимых Союзом писателей СССР, министерствами культуры, ЦК ВЛКСМ, многие из них, — в том числе Е. Рык за пьесу «Сочинение на тему «Подвиг», — удостоены Почетных грамот ЦК ВЛКСМ.

Е. РЫК. Михаил Филиппович, я внимательно перечитал ваши статьи, собранные в библиотеке ВТО. Меня больше всего интересовала в них тема «Учитель — ученик». Ведь вашим учителем был Алексей Николаевич Арбузов — автор пьес, на которые ваши произведения, извините, непохожи.

М. ШАТРОВ. Евгений Валентинович... Или — Женя?

Е. РЫК. Женя, конечно.

М. ШАТРОВ. Но ведь это и прекрасно, что непохожи! Что хорошего вышло бы из того, если бы мы, ученики Арбузова, копировали его? И не стали бы хорошими писателями мои товарищи, проходившие у Мастера ученичество. Не было бы Авенира Зака и Исаия Кузнецова, Бориса Васильева и Льва Устинова, многих других его студийцев... Да, учитель и ученик — это единство, но единство сообщающихся сосудов. Учитель отдает ученикам свой опыт, помогает выработать критерии, опекает, наконец, ученики же вооружают его современной информацией, питают его своим задором, темпераментом.

Е. РЫК. Вы часто говорите, что читать свою новую пьесу вам труднее всего именно на семинаре своим ученикам...

М. ШАТРОВ. И не отказываюсь от своих слов. Вы-то знаете, как это бывает. Прочтешь пьесу, над которой долго работал, мучился, а на обсуждении встанет, скажем, острый и цепкий Юра Щекочихин или ироничный Саша Буравский, обстоятельный и серьезный Валя Крымко или отрицатель авторитетов Саша Гафин, и начинается нелепый разговор! Конечно же, корректно, но и без всяких скидок на заслуги. Именно такая атмосфера всегда царил и в студии Арбузова: он никогда не навязывал нам себя в качестве эталона. Единственным мерилом была любовь к театру, искусству, чувству правды.

Е. РЫК. Вы вот между прочим, сказали, что учитель «опекает» ученика. Но в драматургию приходит, как правило, сложившиеся люди, с биографией и профессией, с жизненным опытом... «Опекать» — не значит ли это, что Мастер стал для ученика вечным «толчком» его пьес?

М. ШАТРОВ. Помогать — да, в конце концов — у руководителя должна быть ответственность за своих учеников. За них и перед ними. Но и до определенного предела, конечно. Действительно, в последнее время молодая драматургия по среднему возрасту не так уж и молода.

Е. РЫК. А вы свою первую пьесу написали (и ее поставили), когда были еще студентом Горного института. Я читал рецензию 1955 года с таким лихим названием: «Написал горяк пьесу»...

М. ШАТРОВ. Сейчас положение изменилось. Взять наш семинар: есть журналисты, врач, инженер, педагог, а студентов нет. Видимо, для того, чтобы выразить свои мысли и чувства в форме диалога, нужно, чтобы наступило время, когда не писать нельзя, почувствовать вкус к именно такому особому жанру литературы, как драматургия. Наверное, это требует осмысленности, времени. Хотя... правил тут нет. Мы с вами сейчас беседуем, а в это время где-то пишет пьесу совсем молодой человек — со своим голосом, своей темой...

Е. РЫК. Своя тема, свой голос... А может быть, молодые, должны писать о молодых, то есть о том, что пока знают лучше всего.

М. ШАТРОВ. Зачем нужны такие разграничения? Пишите о чем угодно, но при одном условии: чтобы это было интересно и вам, и зрителю, театру, читателю. Чтобы это было серьезно.

Я не хочу говорить что-то расхожее, вроде: пишите хорошо и не пишите плохо. Но в драматургии успех или неуспех произведения очевиднее, чем где бы то ни было в другом жанре: прочел читатель подборку стихов, книгу рассказов или критическую статью слабого качества, хмыкнул и закинул их на книжный шкаф, но автору это осталось неизвестно. Наши же читатели — зрители в том случае, если им не нравится спектакль по вашей пьесе, — «голосуют ногами», то есть не ходят в театр.

Е. РЫК. Михаил Филиппович! Конечно, не будет он ходить в театр, потому что теперь пьесы пишут все: главные режиссеры, заведующие литературными частями, актрисы, скачущие на репетициях осветители. Пишут пьесы, инсценировки... Вспомните одно из писем М. Булгакова, оно печаталось в его «Избранном»: «Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза, Эфрона? Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал...»

М. ШАТРОВ. А что вы так клянитесь? Знаете, какая потребность у театра, кино, телевидения, радио, эстрады в наших произведениях в год? В год, подчеркиваю. Почти три тысячи. А если учесть, что должен быть выбор как минимум один — к трем, значит, в год нужно примерно десять тысяч драматургических произведений.

Е. РЫК. А где их взять?

М. ШАТРОВ. Писать. Главным режиссерам, актрисам, скачущим осветителям... Но в первую очередь драматургам. И молодым в том числе.

Е. РЫК. Мы-то лишем...

М. ШАТРОВ. А театр не ставит? Дело знакомое. Порой расстояние от рукописи пьесы до ее премьеры на сцене — гигантское. Театры часто боятся рисковать, заявлять к постановке пьесы молодых авторов или, наоборот, подгоняя хорошую, свежую пьесу под «среднестатистическую» — так спокойнее. С этим мириться нельзя. И уже кое-что делается для исправления положения.

Действительно, драматург поздно приходит в театр и только тут понимает, что у себя за письменным столом он думал одно, а на практике оказывается — это другой, сложный, противоречивый, капризный и прочая, и прочая организм: театр. Московские драматурги обратились в партийные и творческие инстанции с предложением открыть при одном из театральных вузов кафедру драматургии. Согласитесь, драматургия — это профессия, ею надо владеть, быть ориентированным человеком. Где, как не в театральном институте, учась с такими же молодыми режиссерами и актерами, будущий драматургический писатель сможет лучше научиться мастерству? Но это работа на перспективу. Другое же начинание творческого и партийного бюро объединения драматургов Московской писательской организации совместно с Театром имени Ленинского комсомола — это организация на базе театра экспериментальной творческой студии театральной молодежи Москвы. По нашим замыслам, здесь при помощи всех творческих сил театра будут ставить пьесы молодых авторов. Руководство театра и художественный совет будут отбирать пьесы, предоставлять молодым режиссерам право выбирать для себя постановку и актеров, изыскивать средства для спектаклей... И если это удачный спектакль, выпускать его на сцену студии на несколько месяцев, не больше. Дальше — очередь нового драматурга, режиссера, актеров. Такая творческая лаборатория, на наш взгляд, окажет действительную помощь молодым литераторам, художникам, всей творческой интеллигенции. Ведь понравившиеся зрителям и театрам пьесы можно будет ставить и в других местах, а столь необходимый риск и столь же необходимый опыт работы будут уже приобретены в студии.

Е. РЫК. Михаил Филиппович, очень редко бывает обсуждение вне стен семинаров, разумеется, драматургической продукции. До сих пор и театральная критика в основном занята разбором спектаклей по пьесам. Справедливо ли?

М. ШАТРОВ. Об этом не раз, к сожалению, возникал разговор у всех драматургов на наших встречах, собраниях, совещаниях. Создан альманах «Современная драматургия», где профессионально анализируются состояние и перспективы развития нашей профессии, внимательнее в последнее время относится к нам и периодика. И все же пьеса на сцене значительно отличается от литературного материала: актеры вслед за режиссером вдыхают в нее иную, новую жизнь. Как, скажем, чтение стихов в книге и присутствие на авторском

вечере поэта и его исполнение — это уже иное, это театр.

Е. РЫК. Это что, возврат к делам давно минувших дней? Я знаю, что когда в 1957 году Ролан Быков создал в МГУ студенческий театр, завлитом его стал Михаил Шатров. В связи с этим вопрос: студенческие, молодежные театры появляются как грибы после дождя, но и пропадают так же быстро. В профессиональных театрах много молодых актеров и режиссеров, долгое время ждущих роли или постановки. Что же они не тормозят нас, драматургов?..

М. ШАТРОВ. Большой загадки в этом нет: люди не хотят работать, им спокойнее вести тихую жизнь.

Е. РЫК. Когда поступают в театральное училище, небось клянутся, что без театра жизни себе не представляют! А режиссеры... По-моему, режиссер — это лидер, организатор, боец. Во всяком случае, должен быть таковым.

М. ШАТРОВ. Увы! Кто боец, тот обязательно добьется своего, но у многих не хватает характера или хватает только на то, чтобы плакаться о своей неудачной судьбе.

В постановлении ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» говорится, как и чем мы, люди старшего поколения, должны помогать молодым художникам: творческими командировками, устройством выставок и постановок спектаклей и фильмов, публикациями, семинарами и совещаниями, да что там говорить, оказывать материальную помощь тоже. Молодых вводят в составы редколлегии и художественных советов, посылают за границу, принимают в творческие союзы и организации... И большей частью это делается авансом, в ожидании будущей отдачи. Мы можем (и делаем) для них много, можно, я думаю, делать и еще больше. Нельзя же только одного — писать, снимать, ставить, рисовать, играть за них. Как бы те тепличные условия, что созданы молодым творцам, не повредили им. Как бы дома творчества и буфеты в клубах творческих союзов не стали «рабочими» местами наших молодых коллег...

Взаимодействие мастера и ученика — это всегда улица с двусторонним движением. Мы несем ответственность за свои студии, семинары, театры, мастерские, но и вы, уважаемые ученики, трудитесь... Не очень я высокопарно?

Е. РЫК. Нет, хоть и сердито... Поскольку уж речь зашла сейчас о поездках, творческих контактах, расскажите, пожалуйста, о драматургическом «десанте» студии на БАМ.

М. ШАТРОВ. Вы имеете в виду поездку по линии ЦК ВЛКСМ и Союза писателей на БАМ группы молодых? Первоначально это была задумка создания пьесы большим коллективом по следам одной живой истории. Студийцы прожили на стройке более трех недель, одной пьесы все вместе так и не написали, но это не значит, что они ничего не сделали. Валентин Крымко и Александр Буравский создали пьесу «Станция «Музыка», которая сейчас готовится к постановке московским театром имени М. Н. Ермоловой, остальные так или иначе использовали эту поездку: для пьес, очерков, рассказов. Вы вот совместно с Александром Гафиным ездили в Оренбург, на строительство одного из газопроводов, где работали советские и болгарские бригады, написали пьесу «Происшествие при северном ветре»... Кстати, закончили последний вариант? Готовьтесь, скоро будем обсуждать пьесу на семинаре.

Вообще наши студийцы «набирают обороты»: их пьесы печатают в альманахе «Современная драматургия» и сборниках, их произведения приобретают министерства культуры, а главное, ставят театры, и столичные и провинциальные. Последние, к их чести будет сказано, охотнее и больше.

Е. РЫК. И все-таки театр зачастую предпочитает с нами «не связываться». Есть здесь какой-нибудь рецепт? Или заветное слово, что ли?

М. ШАТРОВ. Есть и рецепт и заветное слово: писать. Запланировать шедевр еще никому не удавалось, но нужно работать и верить в себя, искать, спорить, ошибаться, доказывать и снова писать, писать, писать...

Е. РЫК. Михаил Филиппович, один вопрос, но уже о вашей работе. Вы неоднократно возвращаетесь в своем творчестве к революции, к ленинской теме. Почему?

М. ШАТРОВ. Потому что мне кажется, что это самое современное, самое злободневное на сегодняшний день. Сегодняшний зритель, сидящий в театре и переживающий события, скажем, двадцатых годов, события документальные, исторические, особенно ясно и четко опереживает происходящее, ибо он знает, что было потом, как мечты Ленина и его гвардии воплотились в жизни. Не случайно сейчас особенно пристальное внимание вызывает историческая, мемуарная литература, периодика тех лет — читателя и зрителя волнуют подлинные факты жизни, которая, как известно, лучший драматург.

Гоголь писал, что «редкая птица долетит до середины Днепра», хотя знал, конечно, Николай Васильевич, что любая птица в любом месте легко перелетит эту реку. Но Днепр для Гоголя — это символ Родины, ее величия, могущества, а тогда прощается любая гипербола, и никто не упрекнет великого писателя. Революция для меня тот же Днепр — могучий, яростный, огромный — тема неисчерпаемая для художника.

Е. РЫК. И для молодого?

М. ШАТРОВ. И для молодого особенно. Хотя написано немало, немало снято и поставлено, сыграно и высечено из мрамора, тема эта всегда будет питать ум художника и его сердце. Каждое новое поколение по-своему осмысливает величие революции, ее вождя, героину тех дней. И во все времена к этой теме будут обращаться писатели и артисты, художники и композиторы как к живительному источнику творчества.

Беседу записали Андрей ПОРВАТОВ,
Рудольф ВАРТАНЯН.

* М. Булгаков «Избранное», М. 1966, стр. 31.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ В «СМЕНЕ»

Весной 1933 года я должен был пригласить Алексея Толстого на встречу с молодыми литераторами — активом журнала «Смена». Толстой принял меня, мало сказав, радушно, доброжелательно — заинтересованно: подробно расспросил буквально о всех нюансах работы с молодыми литераторами, об их биографиях. И вот какой эпизод особо запомнился: рассказывая о комсомольских журналистах, об активистах «Смены», я сказал, что, мол, все они с трудовой биографией, «настоящие закопершики»...

— Что это за слово такое?! — воскликнул почти негодуя Алексей Николаевич.

А нужно сказать, что слово это было тогда популярно и несло в себе самый что ни на есть положительный смысл: «инициатор, передовик, застрельщик...». Я так и ответил Толстому.

— Не каждое, пусть и несущее хороший смысл, слово следует пускать в обиход. О языке думать нужно, заботиться, он — душа народа, а недолго и душу засорить...

И вот ведь что значит мастер языка — его буквально оброненное замечание будто невидимой редакторской рукой закрепилось: ушло это слово в самые низы языка нашего да и смысл положительный утратило. Разве что закоперщик разгильдяйства какого-нибудь...

К концу нашего разговора я попросил у Алексея Николаевича отрывок из «Петра Первого», над которым он тогда работал. Толстой с готовностью предложил его, но большего размера, нежели мог «потянуть» журнал. Стесняясь и побаиваясь, что откажет вообще, я сказал ему об этом.

— Будь по-вашему, подождите немного, — ответил Алексей Николаевич, сел за рабочий стол и заработал ручкой в темпе, меня поразившем. Перечеркивал, правил, с ходу вписывал переходы... Совсем немного времени прошло — и Толстой протянул мне рукопись в нужном объеме. Отрывок был напечатан в «Смене» в 1934 году со вступительным словом автора.

А встреча с творческим активом «Смены» состоялась очень скоро после нашего разговора, в мае. В этом — оперативном отклике известного писателя и занятого человека — увиделось мне не только его отношение к литературной молодежи, но и к комсомолу. И сам Толстой точнейшим образом сформулировал это свое чувство в приветствии к десятилетию «Смены»:

Десять лет нашей боевой «Смены» — это десять страниц решительной борьбы славного комсомола.

Борис БЕНДИК-ВЕРОВ

Алексей ТОЛСТОЙ:

“ОКтябрьская РЕВОЛЮЦИЯ ДАЛА МНЕ ВСЕ”

Вопрос. У вас есть рассказ о Петре. Есть пьеса. Теперь написали роман. Что вас тянет к этой теме?

Ответ. Повесть о Петре I была написана в самом начале Февральской революции. Я не помню, что было побуждающим началом. Началом эпопеи была пьеса о Петре. Я тогда еще не понимал того, что понимаю теперь, в пьесе много романтики. В ней не было настоящего изучения материала. Писатель растет вместе с эпохой. Каждая его новая вещь — это одновременно и его университет и продукт его роста.

Вопрос. Сколько всего книг в романе?

Ответ. Три книги. Первая книга второй части (1700—1718 гг.): короткий подъем торгового и промышленного капитализма, окончившийся дворянской контрреволюцией. Дворянство проникло во все государственное управление, весь государственный аппарат оказался у них в руках. Вторая книга второй части — борьба Петра с дворянской контрреволюцией, борьба, завершившаяся террором (процесс царевича Алексея).

Вопрос. Как вы создали характер Петра? Ведь исторические докумен-

ты все-таки не дают возможности полностью представить себе характер, и вы, как творец, вносите некоторый субъективный момент в показ характера. До какой степени этот субъективный момент играет роль, поскольку вы придерживаетесь документов?

Ответ. К каждому документу надо относиться критически, искать, где в нем правда, где ложь. Среди вас, наверно, есть товарищи, которые работают над историей гражданской войны. Вы знаете, часть воспоминаний очевидцев записывается много лет спустя, в них много неточностей. Эту неправду нужно уловить, нужно выработать историческое чутье, которое, несомненно, развивается практикой. Нужно сличать документы. Одни из важнейших — это, несомненно, письма. Вообще говоря, работа над документами — один из очень важных процессов в писательской деятельности.

Вопрос. Действительно ли Петр сам работал на кораблестроении кузнецом и столяром, как об этом говорят старые учебники? Если мы разберем происхождение Петра, то ведь его отец Алексей Михайлович был очень

беспечен, любил соколиную охоту. Как же могла появиться такая гигантская фигура?

Ответ. Я уверен, что Петр не сын Алексея Михайловича, а патриарха Никона. Никон был из крестьянской семьи, мордвин. В 20 лет он уже был священником, потом монахом, епископом и быстро дошел по этой лестнице до патриарха. Он был честолюбив, умен, волевой, сильный тип.

Дед Петра, царь Михаил Федорович, был неполноценный, царь Алексей Михайлович — человек неглупый, но нерешительный, вялый, половинчатый. Ни внутреннего, ни внешнего сходства с Петром у него нет. У меня есть маска Петра, найденная художником Бенуа в кладовых Эрмитажа в 1911 году. Маска снята в 1718 году Растрелли с живого Петра. В ней есть черты сходства с портретом Никона. Петр действительно был знающим корабельным мастером, кузнецом, столяром и отличным резчиком. Он любил труд, мастерство и требовал этого от людей.

Вопрос. У вас в романе выделяется Петр. Он действует, как будто один везет всю эпоху на себе. Странников у него нет. Как можно понять

Петра с марксистской точки зрения?

Ответ. Становление личности в исторической эпохе — вещь очень сложная. Это одна из задач моего романа.

Личность Петра была вытолкнута на поверхность эпохи группой западников и отчасти немецкой колонией в Москве. Личность Петра оказалась чрезвычайной и сама стала воздействовать на эпоху. Петр становится фокусом приложения действующих сил, становится во главе классовой борьбы между помещичьим дворянством и нарождающейся буржуазией. Но фокусом, повторяю, не пассивным, а действенным, волевым. Эпохе нужен был человек, его искали, и он сам искал применения своим силам. Здесь было взаимодействие. Конечно, один он ничего сделать не мог. Вокруг него накапливались силы. В тот час, когда он оказался вне классовой борьбы, он остался один и потерпел крах (это — содержание третьего тома).

Вопрос. Может быть, Петр совершал «загибы»?

Ответ. Для того времени он совершал колоссальные загибы. Его задачей была регламентация промышленности. Он хотел сделать нечто среднее между государственной промышленностью и ча-

Рисунок Юрия ИВАНОВА

стной. Но частная промышленность должна была быть подчиненной государственной и находиться под постоянным контролем и учетом государства.

Вот, например, Петр издает такой приказ: ткать полотно в 16 вершков, а кто будет ткать в 12 вершков, тому рвать ноздри и ссылать на вечную каторгу. И вот начался кризис, потому что больших заводов не было, все производство полотна было кустарным. В крестьянских избах стояли станки определенного размера, которые ткали полотно в 12 вершков, а чтобы ткать полотно в 16 вершков, нужны большие станы, которые в избах не помещались. Кустари разорились, и производство полотна пало.

Вопрос. У вас каждый герой говорит своим языком, присущим только ему. Каким образом вы этого добились?

Ответ. Это просто драматургический опыт. Ведь я написал 22 пьесы и поставил из них 17. Каждому писателю нужно пройти через драматургический опыт. Что он дает? Навыки к сжатым формам, к энергии действия, к диалогу и к психологическим обрисовкам. В романе можно иногда отделаться безответственной болтовней, каким-нибудь описанием природы и пр. В пьесе нельзя. Здесь человек — единственный объект для писателя.

Нужно во всю силу поставить вопрос о языке. Я помню, когда я начал писать рассказы, я по два, иногда по три и четыре раза переделывал их. И во время каждой переделки менялся язык. И вот я задал себе вопрос: почему нужно фразу сказать так, а не иначе? Почему так расставить слова, а не иначе? Каковы законы языка? Этого я не знал и не понимал. Вначале, чтобы уничтожить эту текучесть, чтобы утвердить в себе язык, я подражал языку Гоголя и Тургенева. Сначала языку Тургенева, а затем Гоголя. Я брал на слух. Если мой язык был близок к языку Гоголя, значит, хорошо. Но это было плохо потому, что это было только подражанием, отсветом большого света.

Когда вы пишете, вы должны видеть предмет, о котором пишете, и видеть его в движении. О неподвижных предметах много не напишешь. Опишите улицу или дом. Что можно написать о доме? Можно сказать о том, какого он цвета, сколько в нем этажей и т. д. Но раз предмет в движении, вы найдете глагол этого предмета.

Движение и его выражение — глагол — являются основой языка.

Найти верный глагол для фразы — это значит дать движение фразе.

Литературным языком допетровской эпохи был церковнославянский. На нем писали духовные писатели и небольшое количество светских. С Петра церковнославянский язык умирает, так как им нельзя было выразить все то новое, что пришло с новой эпохой: ни техники, ни науки, ни экономики и пр. Но откуда было взять новый литературный язык? И вот стали брать немецкие, голландские, французские слова и обороты речи. Стали переносить на русскую почву сложность придаточных предложений немецкого и французского языков.

Весь литературный язык XVIII века был искусственным, не живым. В XIX веке, несмотря на чистку языка Пушкиным, несмотря на высоты, до которых поднимались иные писатели, все же литературный язык был в значительной степени тепличным. Возьмите даже Л. Н. Толстого, как он боролся за суровую точность языка, но иногда и он путался в сложных фразах.

А фраза русского языка — простая, короткая, энергичная. Чехов сказал: «Море было широкое...»

Когда я пишу: «Н. Н. шел по пыльной дороге», — вы видите пыльную дорогу. Если я скажу: «Н. Н. шел по пыльной, как серый ковер, дороге», — ваше воображение должно представить пыльную

дорогу и на нее нагромоздить серый ковер. Представление на представлении. Не нужно так насиловать воображение читателя. С метафорами нужно обращаться осторожно. Никаких сравнений, кроме сравнений, усиливающих; например: «поверхность воды, блестящая, как зеркало». Для представления зеркала не нужно насиловать воображение. Это обыденность, это уже рефлекс. Метафора зеркала усиливает блеск, а если метафора является второй надстройкой, то это недопустимая вещь. Читатель не прощает насилия.

Вопрос. Вы говорите, что надо стремиться к простой речи, но ведь она может приестся. Язык надо улучшать и видоизменять.

Ответ. Я хочу сказать, что, вообще говоря, фразы с придаточными предложениями, канонический язык были перенесены искусственно с Запада. Язык должен быть живым, изменяющимся, растущим. Его надо освободить от словесий, несвойственных простой русской речи, освободить от канонов, пришедших с Запада. Нужно овладеть простотой языка и затем играть ею как угодно. Но вначале — простота, точность, ясность, максимальное возбуждение читательской фантазии, а не насиливание ее.

Вопрос. Вы также говорили о запутанности некоторых фраз Толстого. Но у него ведь есть краткие фразы, в которых заключена большая мысль, например, при описании Бородинского сражения.

Ответ. Толстой — гениальный писатель. Он достигает такой высоты своим языком, что глазам больно, до чего вы ясно видите, но если Толстой пускается в философию, то получается уже хуже. Это подтверждает мою теорию: когда Толстой пишет как чистый художник, он видит вещи своими глазами. Он до галлюцинации видит движение, жесты и находит соответствующие слова. Когда он пишет об отвлеченных вещах, он не видит, а думает.

Вопрос. Как вы оцениваете язык Достоевского?

Ответ. У Достоевского язык очень прост. Он весь в диалоге. В лучших вещах он подходит к языку через жест. Вот как Степан Трофимович из «Бесов». Вы видите, как он говорит, как он двигается, как он остановился, как он развел руками. Это не написано. Это видно через жест. Вы видите людей, вы видите даже их цвет лица, потому что через каждую фразу сквозит жест. Достоевский видел людей, когда писал о них.

Я не хочу проповедовать короткие фразы, но фраза, идущая от жеста, не может быть длинной.

Однажды к Бальзаку пришел приятель, постучал в дверь и услышал, как Бальзак с кем-то бешено ссорится, кричит: «Мерзавец, я тебе покажу!» Приятель, открыв дверь, увидел, что Бальзак в комнате один. Бальзак кричал на одного из своих персонажей, которого изобличил в подлости. Бальзак галлюцинировал. Так каждому писателю нужно видеть до галлюцинации то, о чем он пишет. Это свойство в себе нужно развивать.

Вопрос. Почему вы перешли от стихов к прозе?

Ответ. Я начал писать стихи и никогда не предполагал, что буду писать прозу. Я много раз пробовал, но ничего не выходило. Это были пошлые, скучные рассказы. Многие из них я даже не закончил.

Прошло два года. Я почувствовал противоречие. Смешно сказать, но это истинная правда: я всегда был толстым, здоровым человеком, а стихи писал медленно. Мне стало казаться, что это — малопоčetное занятие: такому здоровому человеку полдня искать рифму. Это объясняется, конечно, тем, что у меня не было темперамента поэта. Я никогда не был поэтом. Я и сейчас пишу стихи служебные, например, для оперы «Полина Анненкова».

«Талантам надо помогать!» — это полемическое в свое время заявление поэта ныне никто оспаривать не решится.

Сегодня оно прочно утвердилось в общественном сознании.

Положительные перемены, происшедшие после выхода постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», в значительной степени сняли многие вопросы, связанные с изданием первой книги начинающего автора. Путь молодого литератора к своей первой самостоятельной книге сопровождается всесторонним вниманием и поддержкой. Сегодня трудно найти журнал, газету или издательство, которые не публиковали бы авторов, делающих первые шаги в литературе. Начинающему поэту или прозаику не приходится теперь в буквальном смысле слова сражаться за дебют: рубрика «Новое имя» заняла прочное и почетное место в литературной периодике, изданиях ЦК ВЛКСМ.

Библиотеки молодой прозы и поэзии, сборники, специальные серии в издательствах, семинары и совещания разного значения, обсуждения в Союзе писателей и на Совете творческой молодежи ЦК ВЛКСМ...

Серьезным подспорьем в профессиональном становлении начинающих писателей стало литературное приложение к журналу «Молодая гвардия», в котором ежегодно выходит более 50 книг молодых поэтов, прозаиков, критиков. Издательство «Современник» работает с молодыми на основе долговременной программы, предусматривающей не только выпуск книг уже заявивших о себе авторов, но и поиск новых, неизвестных, лишь начинающих печататься.

За годы после VII совещания появились и хорошо себя зарекомендовали новые формы работы с молодыми литераторами. В 1979 году ЦК ВЛКСМ, Министерством культуры и Правлением Союза писателей СССР было принято постановление «О мерах по улучшению работы литературных объединений», предусматривающее, в частности, создание объединений при редакциях молодежных газет и журналов. Сегодня литературные объединения созданы и действуют при редакциях большинства молодежных изданий. Seriously подбираются руководители объединений, в основном профессиональные писатели, имеющие навыки педагогической работы.

Во многих республиках, краях и областях выпущены коллективные сборники членов литературных объединений, у многих вышли персональные книги, более 80 процентов участников нынешнего VIII совещания являются воспитанниками объединений.

Жизнь показывает: там, где комитеты комсомола постоянно и целенаправленно работают с молодыми писателями, там наибольшая от них отдача. Практически на каждом заседании литературного объединения при редакции «Тихоокеанского комсомольца» выступают комсомольские или партийные работники, ученые, ведущие писатели края. Благодаря целенаправленной работе крайкома комсомола, самоотверженной в полном смысле этого слова работе руководителя объединения поэта Бориса Лапузина сегодня невозможно представить общественную и культурную жизнь края и краевой комсомольской организации без деятельности молодых литераторов.

Более десятка книг членов литературного объединения выпущено Приморским книжным издательством, в издательстве «Современник» вышел в свет коллективный сборник «Бухта Лазурная». Большим, серьезным делом объединения стала работа над созданием книги «Хлеб» — о тружениках сельского хозяйства края.

Успешно работают и литературные объединения в Азербайджанской, Армянской, Украинской, Белорусской, Киргизской республиканских, в Челябинской, Оренбургской, Орловской, Камчатской и многих других областных и краевых комсомольских организациях.

С 1979 года Правление Союза писателей совместно с Госкомиздатом проводят постоянные Всесоюзные литературные конкурсы имени Николая Островского (конкурс рукописей) и имени Максима Горького — конкурс на лучшую первую книгу молодого автора.

Регулярными стали областные, краевые и республиканские совещания молодых литераторов, что позволяет проанализировать творчество многих начинающих авторов, произведений лучших рекомендовать на Всесоюзное совещание.

В прошедшие годы много сделано для повышения социальной и гражданской активности молодых авторов.

В июле 1980 года в Свердловске состоялся Всесоюзный слет

АННИЕ И ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ

«Молодые писатели — XXVI съезду КПСС», в котором приняли участие 35 молодых авторов, пишущих о нашем современнике. После слета участники разъехались на крупнейшие Всесоюзные комсомольские ударные стройки в творческие командировки. В канун XXVI съезда КПСС в издательстве «Молодая гвардия» выпущен сборник «Доверие» с произведениями делегатов слета, написанными в этих командировках.

Или Всесоюзная экспедиция «Молодой писатель и героика коммунистического содействия», посвященная XIX съезду комсомола. Лучшие произведения участников экспедиции опубликованы в журналах «Литературная учеба», «Молодая гвардия», в коллективных сборниках, выпущенных издательствами «Молодая гвардия» и «Современник».

За прошедшие пять лет проведены XI и XII Всесоюзные фестивали молодых поэтов братских республик, зональные семинары молодых литераторов Сибири, Дальнего Востока, Нечерноземья, Всесоюзный семинар молодых критиков детской и юношеской литературы, Всероссийские семинары молодых критиков, очеркистов, литераторов народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока, детских и юношеских писателей.

Участие молодых литераторов в экспедициях, во всесоюзных и международных мероприятиях, в работе съездов писателей СССР и РСФСР расширяет политический и гражданский кругозор авторов, позволяет им быстрее осмысливать социальные проблемы, соизмерять свое творчество с грандиозными преобразованиями в стране.

Не случайно (по результатам анкетирования, проведенного в 1983 году) в общественной жизни, в деятельности советов творческой молодежи, в делах комитетов комсомола, в руководстве литературными объединениями принимает участие 48 процентов из участников

VII Всесоюзного совещания.

Годы, прошедшие после совещания, — срок небольшой для того, чтобы делать какие-либо конкретные выводы об итогах, о его, если можно так сказать, творческой рентабельности, поскольку книги пишутся медленно, творческий процесс трудно регламентировать, он неподвластен статистике. Это обязывает быть осторожным в оценке перспектив развития нашего молодого литературного хозяйства.

Благодаря вниманию и поддержке партии, писательских и комсомольских организаций молодые авторы нынче трудятся с повышенной отдачей. Молодые утвердились в мысли, что с ними работают серьезно, с глубокой заинтересованностью — не для «галочки», что с закрытием совещания в марте 1979 года вовсе не исчерпалась программа многоплановой работы с творческой молодежью, а развернулась с новой силой.

В этой связи показательны такие цифры. Из 300 делегатов VII совещания 126 человек ныне члены Союза писателей, участниками совещания выпущено более 350 книг, четверо литераторов стали лауреатами премии Ленинского комсомола, 18 — лауреатами всесоюзных литературных конкурсов, многие — лауреатами премий республиканских, краевых и областных комсомольских организаций.

Сегодня можно сказать, что в литературу пришло новое поколение молодых авторов со своим мироощущением, своим героем, своей манерой письма.

Назовем имена лауреатов премии Ленинского комсомола — Валерия Хайрюзова, Любови Заворотчевой, Николая Черкашина, Владимира Некляева, Светланы Токомбаевой, Анатолия Пшеничного, лауреата премии Московского комсомола Андрея Яхонтова, премии местных

комсомольских организаций — Михаила Андреева и Артема Арутюняна, Еремея Айпина и Леонида Бежина, Юрия Гречко, Игоря Арясова, Ивана Жданова и Валерия Исаева, Руслана Галимова, Ионаса Калинаускаса, Геннадия Красникова, Владимира Карпова, Нурали Кабула. Имена, уже хорошо известные всесоюзному читателю, несмотря на то, что в 1979 году у большинства из них не было ни одной книги.

Каждый молодой писатель — это личность, личность сложная, неповторимая в своей творческой индивидуальности. Поэтому и подход

к каждому должен быть индивидуальным. Лучшая традиция нашей отечественной литературы — творческая взаимопомощь, поддержка начинающих мастерами художественного слова. Вспомним первые десятилетия века, когда Алексей Максимович Горький помогал ныне известным советским литераторам, их становлению как писателей, помогал творчески, требовательно, взыскивающе и доброжелательно, добивался им материальной помощи, давал рекомендации в издательства или журналы. По инициативе Горького созданы Литературный институт и журнал «Литературная учеба».

Теперь, продолжая горьковскую традицию, всесоюзные совещания становятся не только школой профессиональной учебы, не только аудиторий для серьезного разговора о принципиальных проблемах состояния и дальнейшего развития творчества молодых, но и — что особенно важно — способствуют обращению молодых литераторов к сложным процессам советской действительности, к генеральным темам нашей литературы.

В периодике введена рубрика «Новое имя» для знакомства массового читателя с начинающим литератором. Обычно рубрику сопровождает слово — напутствие молодому автору кого-либо из маститых мастеров. Но зачастую только это. А ведь рубрика эта таит в себе заманчивую и такую явную возможность организации на ее основе литературного наставничества. Пусть не так масштабно, как это делает журнал «Литературная учеба» — его сама специфика обязывает, но почему бы не следить, буквально не курировать последующее творчество достойных дебютантов. Необходимо, чтобы к благородному и нужному делу литературного наставничества не оставались равнодушными мастера пера. А они, к сожалению, большей частью не идут дальше

предисловий к первой публикации. Редко встретишь такое участие и дотошное в лучшем смысле слова внимание, с каким, к примеру, относится Юрий Нагибин к прозам пера бульдозериста из маленького карельского городка Кондопога Бориса Кравченко. И в результате готова первая книга — не случайная: за ней ясно видятся и другие.

Нынешние молодые писатели, прозаики, поэты, драматурги и критики, как правило, приходят в литературу уже зрелыми людьми. За плечами у них определенный жизненный путь, интересная биография, конкретный опыт личного

участия в созидательном труде. Именно жизнь, труд — вот первооснова их литературных дебютов.

«Легкой жизни в литературе не бывает» — эти слова А. Твардовского надо помнить всегда, особенно молодым.

Федор Абрамов не раз говорил начинающим писателям, что его заповедь: «Если можешь — не пиши». И этот поворот нашего разговора возникает именно потому, что хочется рассчитывать на более значительную отдачу, нежели наша литература получает сегодня от недавно открытых молодых авторов. При всей мастеровитости, профессиональности письма им все же не хватает творческой дерзости, замаха на крупные проблемы, социальной умудренности взгляда на действительность, широкого, государственного масштаба мышления, тревожной озабоченности проблемами современности.

А почему, например, достигший известности как литератор двадцатичетырехлетний Н. Карамзин взялся за новую, совершенно незнакомую ему литературную работу, написал 12-томный труд — «Историю государства Российского»? Почему М. Шолохов, будучи совсем молодым, отважился на такой глубокий роман, как «Тихий Дон»? Потому что прежде всего творчество писателя должно питать обостренное чувство патриотизма, возвращенное на глубоком знании истории Отечества, на жадном, неспящем интересе к его судьбе. И хочется, чтобы имена сегодняшних способных молодых литераторов сложились в сильное, отмеченное временем и читательской любовью, определяющее и знаменующее собой этап развития советской литературы, признанное поколение писателей.

Доброго вам пути, молодые!

ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛАЯМ

Сержант погранвойск Сергей Вихров до- служивал последние месяцы. Сегодня Вихров нес контролерскую службу у пассажирского теплохода, который два раза в неделю приходил из Хельсинки в Таллин и на другой день уходил из Таллина в Хельсинки. Теплоход был советский, а пассажиры — иностранцы, в основном граждане скандинавских государств.

На советских торговых судах контролер у трапа не ставится. После того, как члены государственной комиссии — пограничники, таможенники, работники карантинной службы — покинут судно, на нем полновластным хозяином остается капитан. Увольнением на берег, приемом гостей и другими элементами распорядка занимаются вахтенные помощники капитана.

Но на пассажирском судне порядок другой. К тому же на многих лайнерах современной постройки, кроме трапа, есть еще один выход на берег, через аппарат — большой своеобразный стальной мост, опускающийся у кормовой части и открывающий доступ внутрь судна не только людям, но и автомашинам.

Продукты, которых, несмотря на короткий переход, требовалось немало, завозились на теплоход автомашиной через аппарат.

Всякий раз, отправляя на судно наряд из двух контролеров, офицер, руководивший сменой, ставил перед каждым свою отдельную задачу. Это и понятно: участки причала разные, да и суда тоже. Одно нависает над головой пограничника многоэтажным домом, а у другого палуба возвышается над причалом метра на два — тому, кто задумал, прыгнуть с борта ничего не стоит.

Сержант Вихров знал, что на теплоход Таллин — Хельсинки должны привезти продукты, знал в лицо экспедиторов и шоферов, которые этим занимались. Никаких особых предупреждений насчет теплохода сегодня не было. И он спокойно ждал. Хотя спокойно ждал, это только если глядеть со стороны. В такую жару, какая выдалась в этом году в июле, выстоять у судна шесть часов было нелегко. Место было открытым, солнце тут пекло особенно нещадно. Уйти в прохладный глубокий полумрак аппарели нельзя, да и делать там, собственно, нечего. Почти вся команда, работники Интуриста уже на борту. Часа через два, незадолго до того, как начнется посадка пассажиров, вспыхнет свет, аппарат закроется, и все внимание будет переключено на трап.

Участок причала, прилегающий к пассажирскому теплоходу, был хорош тем, что здесь в отличие от грузового района порта не стояло ни одного порталного крана, не мельтешили перед глазами автопогрузчики и электрокары, а железнодорожная ветка и вовсе отсутствовала. Было тихо и спокойно. Оставалось ждать машину с продуктами. А вот и она, неспешно катящая со стороны проходной по совсем новой площадке, заасфальтированной к Олимпиаде-80.

Приблизившись к теплоходу, шофер остановил продуктовый фургон. Вышел из кабины вслед за экспедитором Лили Мююр и, так же как и она, протянул пограничнику постоянный служебный пропуск, дающий право въезда на судно.

Несмотря на то, что сержант Вихров знал Лили в лицо и даже считал ее красивой, только малость длинноватой, он внимательно изучил и ее фотографию и круглую печать управления порта. То же самое проделал пограничник и с пропуском шофера. Оба пропуска на время оставил у себя.

Шофер, зная, что так и надо, спокойно сел за руль, и скоро фургон стоял точно против входа, или, вернее, въезда, на судно. Собственно, французское слово «аппарель» и означает въезд.

Опустили задний борт. Вихров легко запрыгнул в кузов. Окинул взглядом все, что в нем находилось, а потом начал тщательно осматривать предмет за предметом, продвигаясь между мешками и ящиками, в которых поблескивали жестяные банки. Заглянул под бычью тушу. Вернее, это была четверть туши. Внушительных размеров, с довеском, уложенная на белую простыню. Он приподнял и простыню. Покачнул туго набитый целлофановый мешок. Тот был

необычно длинен, а все необычное нуждалось в особой проверке. Но сквозь прозрачные стенки было видно, что в мешке лежит всякая всячина: кофе, расфасованный в пакетики на одну чашку, пачки перца, лаврового листа, соли и даже мелкая алюминиевая посуда.

Снабженцы не блистали богатой фантазией — ассортимент пищевых продуктов был сержанту знакомым, виденным не раз. И вообще все было привычным. Но для пограничника-контролера в часы службы нет ничего опаснее, чем ощущение привычного. И, подавляя в себе это ощущение, Сергей Вихров опять и опять ощущал придирическим взглядом все, что видел перед собой. Вот вдоль правого борта лежат четыре ящика с консервами. Ящики длинные, в их общей длине вполне мог уместиться человек. Но на самом дальнем ящике стоял еще один, пятый, с тяжеленными банками березового сока — по три литра каждая, — и, кроме того, ближний ящик был приткнут не прямо, а на четверть сдвинут в сторону. Для того, чтобы спрятаться, нужно быть ужом.

Сержант выпрыгнул из машины, отошел, давая дорогу. Водитель медленно загалгал фургон в темноватую глубину судна, впрочем, недалеко, перед дверью грузового лифта. Лили побежала по ближайшему внутреннему трапу наверх, к пассажирскому помощнику капитана, оформлять накладные.

А сержанта Вихрова, который вернулся на свой пост у судна, продолжала точить мысль о консервных ящиках. В его молодой памяти, как в хорошей ЭВМ, было заложено немало полезных сведений. В том числе данные о габаритах стандартных ящиков для хранения и перевозки консервов. Длина — шестьдесят пять сантиметров, высота — от двадцати до сорока, ширина — сорок пять. В такую ширину может втиснуться лишь человек с плечами подростка. Но, странно, Сергей отчетливо помнил, что ящики, которые он только что видел, по ширине вполне годились для взрослого!

И он решил опять взглянуть на них, чтобы покончить с сомнениями. Приготовил ручной фонарь «фас», надежный источник освещения, и пошел.

Шофер дремал в кабине. Лили Мююр еще не вернулась.

Фонарь ощущал внутренность кузова. Все стояло и лежало в прежнем порядке.

Нет, не все!

Ящик с трехлитровыми банками березового сока, стоявший на другом таком же ящике, был снят и отставлен в сторону. Оставшиеся, вытянутые в прямую линию, теперь представляли собой идеальный тайник. Сержант поднялся в кузов. Подошел к дальнему ящику.

Тот был без дощечек, обычно прибываемых сверху. Наполнен банками со сгущенным молоком.

Сержант вытащил одну банку. Вторую, третью... пятую... Под банками обнажилась гофрированная картонная прокладка.

Сергей повыбрасывал все банки верхнего ряда и вынул гофрированный картон. В последний момент перед этим он поднял фонарь, и, как только прокладка была удалена, в ящик ударил слепящий луч «фаса».

Сержант увидел мужское бритое лицо с зажмуренными от яркого света глазами.

— Встать! — скомандовал пограничник.

В ту же секунду началось что-то невообразимое. Пролетели в воздух банки со сгущенкой, под ноги Сергею повалился тяжелый целлофановый мешок. Чья-то тень перемахнула через борт машины и метнулась в темноту длинного судового коридора. Вихров подбежал к выключателю. Вспыхнул свет.

При свете сержант успел разглядеть беглеца — в желтой трикотажной рубашке, потертых джинсах. Они пробежали помещение за помещением, неслись мимо стеклянных запертых дверей баров и кафе, над которыми мелькали названия «Мистер Икс», «Корчма», «Отдых», оставили позади зал электронных игровых автоматов; промчались мимо бюро справок Интуриста — освещенной ниши в стене, где мелькнуло испуганное женское лицо.

Человек в желтой рубашке вдруг резко свернул вправо и выбежал на прогулочную палубу. Появившись там чуть позже, Сергей потерял беглеца, но сразу же услышал голоса с причала:

— Наверху, наверху! Он над тобой!

Это спешили на помощь пограничники.

Не зная устройства судна, на нем легко заблудиться. Почти добежав до начала кормы, человек снова скрылся из виду. На больших морских судах, кроме многочисленных внутренних и наружных переходов, имеются два служебных трапа — кратчайший путь на все палубы. Беглец, видимо, воспользовался одним из них. Вскоре он показался внизу, на баке. Известно, что эта судовая площадка освобождена от всего, что не связано с работой брашпиля. Чувствуя себя на открытом месте, беглец оглянулся по сторонам. Назад бежать нельзя: преследующий его сержант вот-вот будет здесь. И человек двинулся было к другому, береговому борту. Он успел сделать несколько шагов — из-за надстройки вышли два пограничника.

Тогда он метнулся назад и прыгнул в воду.

28

Свиданию майора Савина с «утопленником» предшествовала примерно трехчасовая подготовка. Сначала Серфика привели в чувство. Заставили переодеться в сухое. И тут обнаружилось, что к телу у него, слева под мышкой, широкой липкой лентой приклеен конверт, а в конверте тысяча долларов сотенными купюрами.

На складе, в секторе экспедитора Лили Мююр, был сделан обыск. Он тоже дал некоторые «штрихи к портрету».

В комнату, где находился майор Савин, Серфик вошел нагло-равнодушно, опустился на стул, удобно уселся.

— Ну, рассказывайте, как вы попали на теплоход. Только не врать! — спокойно-внушительно сказал Савин.

Выражение лица Серфика как по волшебству стало покаянно-смирненным.

— Это все из-за проклятой тысячи долларов, которую вчера позабыл на столике в ресторане какой-то иностранец. Мы сидели с ним рядом — я и Лили. Тайком от нее я взял красивый конверт. Пошел в уборную проверить, а в конверте доллары. И я решил прокатиться в Хельсинки, истратить эти деньги, потом пойти в советское посольство и покаяться. Лиле я обманул. Поехал с ней на склад, посидел немного, сказал, что ухожу, а сам спрятался в ящики...

— Я же просил вас говорить правду, — изображая легкую досаду, упрекнул майор Савин. Он именно изобразил досаду, потому что, в сущности, был совершенно спокоен и вовсе не ожидал, что Серфик сразу начнет говорить правду. Серфик, со своей стороны, тоже не ждал, что ему поверят с первого слова. Поэтому обиду он тоже изобразил: опустил глаза и выпятил нижнюю губу.

— У вас... простите, я не знаю, как к вам обращаться?

— Меня зовут Александр Степанович.

— ...у вас, Александр Степанович, есть хороший способ проверить мои слова. Ресторан «Сипрус», большой зал, третий, нет, четвертый столик слева. Иностранец наверняка уже прибежал туда. Если только не уехал.

Но Александр Степанович «не внял совету».

— Слушайте, Серфик, а зачем вы сбрили бороду, она вам так шла. Помните, как славно пролетело время на пляже в Янтарном? А вишневые «Жигули»? Кстати, вы нашли тогда Розенберга?

Надо было видеть, как при каждом новом вопросе менялось лицо «бородача»: От растерянности — откуда этот человек знает о моей бороде? — к прямой тревоге при упоминании Янтарного.

Однако Серфик небрежно заложил ногу за ногу.

— Я вижу, старина, что с вами нужно играть в открытую...

— Только прошу обращаться, как положено, — строго перебил майор Савин.

Но «бородач» нисколько не обиделся на замечание, согласно-льстиво закивал.

— Вы назвали поселок Янтарное? Да, я там был, загорал. Ну и что? Разве это запрещено? Среди пляжных знакомых появился владетель «Жигулей». Хороший парень. Вася. Или Коля? У меня где-то записано. Этот Вася, а возможно, его друзья, точно не помню, все искали какого-то лесника, на машине ездили... Кажется, Розенберга. Учтите, они искали, а не я... Ну, а что касается бороды, это — личное дело каждого, и на такой вопрос отвечать не намерен.

После этой тирады Серфик вдруг продолжил почти жалобно:

— Поэтому прошу допрашивать меня в пределах того, что я натворил по легкомыслию. Все преступление состоит в том, что, случайно найдя тысячу долларов, решил по-мальчишески ударить на пароходе в соседнюю страну, правда, капиталистическую, но дружественную... Попытка бежать за границу кончилась конфузом именно потому, что все было задумано глупо. Ребачество! Если за такое можно судить — судите! Мой паспорт, как я догадываюсь, уже находится в ваших руках. Он лежал вот здесь. — «Бородач»

двумя пальцами оттянул левый карман курточки, которая была на нем (куртка и вельветовые брюки были найдены в номере гостиницы).

— Прекратите, Серфик,—отмахнулся Савин. Его мучило сомнение—хороших следователей часто мучают сомнения,—задать ли сейчас вопрос, который, будучи очень важным, оставался невыясненным. Бородач, несмотря на показную бойкость, был удивлен и испуган. Удивлен тем, что о нем, оказывается, столько знают; испуган ожиданием неизвестного нового. Пожалуй, момент подходящий.

— И постарайтесь быть серьезным.—Майор Савин, произнося эти слова, сам был предельно серьезен.—Без кривляния ответьте на один вопрос. Это поможет вам... Кто такой Арвид?

— Как вы сказали?—Реакция была вовсе не той, на которую рассчитывал майор. Полное недоумение, и все.

— Я спросил: кто такой Арвид?

— Понятия не имею.—Серфик пожал плечами и сделал гримасу: своих забот хватает, а тут еще какой-то Арвид...

— И вы никогда не слышали это имя?

Впервые за все время бородач стал самим собой: возмутился без наигрыша. Даже как-то простодушно. Что не ускользнуло от майора.

— Это просто нечестно! Придумывать какие-то ловушки и ни слова не ответить на мои объяснения.

— Какие объяснения?—Александр Степанович старался говорить спокойно, хотя ему, как всегда, было физически противно пускаться в разговоры с такими подонками, как тот, что сидел перед ним,—по уши в грязи, а то и в крови,—и еще хорохорился.—Уж не про иностранца ли, который забыл конверт?

Серфик снова стал наглым.

— А хотя бы!

— Что ж... Правда, вопросы здесь задаю только я, но на ваши объяснения отвечу. И скажу откровенно, что этот иностранец—идиот! Да, да, не спорьте,—с нажимом продолжал майор, заметив протестующий жест Серфика.—Он идиот потому, что одну тысячу долларов забыл на столе в ресторане, а вторую тысячу—с купюрами той же серии и продолжением порядковых номеров—положил в ваш чемоданчик «атташе» и сунул этот чемоданчик под служебный стол экспедитора Лили Мююр!

Этого удара Серфик не вынес.

Обмяк, затих, тихо сказал:

— Паспорт—у вас, адрес рижский—у вас. Все равно вы все узнаете. Признание, которое я хочу сделать, вынужденное, а не добровольное. Потому на снисхождение рассчитывать не приходится. Вы меня загнули в угол. Я не Серфик.

Ожидаемого эффекта сообщение не произвело. Человек в мягкой белой рубашке, сидящий за столом, смотрел, как и до этого, спокойно, без удивления.

— Виктор Леонидович Серфик—мой сводный брат. Моложе меня на два года. На фотографии нас отличить трудно, мы оба очень похожи на мать. Но если вы покажете мой снимок на Инзенском часовом заводе имени Первого мая, там меня сразу узнают. Скажут: это Макс Дерякин, Максим Петрович, если полностью. Сборщик часов. В позапрошлом году я ездил с нашими молодыми производственниками в Швейцарию, на специализированную экскурсию, знакомиться с родственными предприятиями. В Берне я отстал от группы.

— Случайно или умышленно?—спросил майор Савин.

— Умышленно... Мне с детства хотелось поехать по белу свету, повидать разные страны. И когда появилась возможность не возвращаться в Советский Союз, колебания были недолгими. В ту минуту подумалось: ну, кто такой я?.. Какую ценность представляю для своей страны? Никакой. Не комсомолец, не женатый, в армии не служил...

— Почему?—прервал майор.

— Врожденная переменяющаяся сердечная недостаточность—заученно ответил Серфик.—Я могу продолжать?

— Да.

— А, собственно, продолжать-то и нечего... Языка не знаю, работы нет, скитался. Тоска! Особенно тосковал по дому, по матери. Поверите: одно время мама снилась мне каждую ночь. Она появлялась всегда одинаково. В белом длинном одеянии на голубом фоне. Улыбалась и манила к себе.

— Прошу не отвлекаться, а говорить по существу.

— Я уже почти закончил... Наконец мне повезло. Устроился сборщиком часов на крупную фабрику. Свое дело я знал. Стал хорошо зарабатывать. За год сумел отложить довольно крупную сумму. Франки перевел в доллары, прилетел в Финляндию. Там познакомился с одним владельцем яхты. Он выходил со мной в Финский залив, в район, где промышленют эстонские рыбаки. Однажды увидел знакомого: я ведь родился в Таллине. Обратился по-эстонски: хочу домой!—они меня взяли, закопали в салаку, привезли в колхоз. Ночью я вылез. Вот и все.

— Допустим, это так,—сказал майор, подумав про себя: «Вот негодяй, клеветает и на рыбаков и на

пограничников»,—но объясните, зачем же тогда вы хотели бежать обратно?

— Это долго рассказывать. Коротко скажу: мать! Она всю жизнь любила Витьку и не любила меня. Мать не только не обрадовалась моему возвращению, но буквально выгнала из дому. Я стащил Витькин паспорт—сам Витька был где-то на Памире, он геолог,—и уехал. Шатался по курортным местам. Вот тогда-то как раз и попал в Янтарное.

Я веселился с парнями, обнимал девушек и в самые неподходящие минуты думал: «Ну, кончится курортный сезон, кончатся мои деньги, а дальше что?» Отрезанный ломать обратно к караваю не приставишь. Мне здесь, на родине, уже было скучно. После того, как отвернулась мать, у меня остался единственный близкий человек. Лилька Мююр, школьная подруга,—она тоже училась в русской школе. Я нашел ее в Таллине. И узнал, что Лили имеет дело с пароходами, уходящими за границу. «Это перст судьбы!»—сказал себе я.—Как бы в подтверждение дальше совершеннейшая фантастика: конверт, оставленный иностранцем!.. Я вам сказал неправду, в конверте была не одна, а две тысячи долларов. И записка по-эстонски: «Дорогой друг! Оставляю условленную сумму». Я представил себе, какую мину сделает «дорогой друг», когда ничего не найдет под столом,—конверт был не забыт, а приклеен снизу к доске стола. Лилька случайно увидела, как иностранец приклеивал конверт. Деньги мы поделили поровну, вот почему Лилькины доллары в «атташе» имеют одинаковую серию с моими. За день до этого мы сходили в загс, сделали заявку о свадьбе. Поначалу я действовал совершенно искренне. Думал, когда узнают всё, меня посадят, Лилька будет ждать, носить передачи. Дождется, и мы заживем. Но потом, после, когда я ей сообщил, что хочу бежать за границу, Лилька решила: наша заявка будет палочкой-выручалочкой. Что, мол, в бегстве моем она не участвовала, что сама пострадала, что я негодяй: обманул невесту и бросил. Но с ней-то мы договорились: я из-за границы буду требовать невесту к себе, подниму шум в печати, и Лильку выпустят из СССР. Чем все это кончилось, вам известно.

Серфик-Дерякин уныло замолчал.

Молчал и майор, изучая человека, сидевшего перед ним. Признавшегося. Признавшегося?

О Бронниковой в признании ни слова. Так же, как о ночном визите к вдове Маркевич. И о том, что за деньги покупал адреса, тоже не упоминалось. А ведь как сладко пел, поганец! Особенно про маму, которая прилетала на облаке.

Правдой, пожалуй, было только одно. Он не Виктор Серфик. Проверить это легко, но требуется время. Требуется время и на Лили Мююр. Она обязательно должна прочитать признание своего возлюбленного, написанное его собственной рукой! Любопытно, какая будет реакция?

— Итак, вы не Виктор Серфик,—сказал майор после долгого молчания, которое начало действовать на задержанного—тот заерзал на стуле.

— Я сводный брат Виктора Серфика, Максим Петрович Дерякин. Сын от первого мужа.

— Макс!—громче, чем нужно, произнес майор, вспомнив сцену с парнем, рассказанную Бронниковой.

— Да-а,—удивился «бородач». Почему такая странная интонация, он не понимал.

— Вот что, Макс! Вы сделали признание, которое во многом меняет дело. Прошу вас все сказанное изложить на бумаге собственноручно и подписаться. Надеюсь, фамилия уже больше не изменится?

— Ни в коем случае,—заверил оживившийся бывший бородач.

29

— Татьяна Леонардовна, сколько у вас сыновей?

— Если вы меня так спрашиваете, значит, уже знаете. Два—Макс и Виктор.

— Где они находятся в данное время?

— Виктор дней пять назад прислал письмо из Сухуми. Отдыхает со своей девушкой. У них, у геологов, которые работают высоко в горах, отпуск двухмесячный... А где Макс—не знаю.

— Вынужден вас огорчить: он арестован.

Женщина помолчала, рукой вытерла сухой рот.

— Я этого ждала.

В двухкомнатной рижской квартире их собралось пятеро. За Татьяной Леонардовной Серфик, бухгалтер-экономистом управления сберкасс, пришлось захватить на службу: день был рабочий. Двое парней—жильцы из соседней квартиры. Затем майор Савин и лейтенант Лактионов, которого неожиданно прислал полковник Сторожев. Это было очень кстати. Алеша хорошо знал начало дела.

Квартира была стандартная, в микрорайоне Пурвиемс. Чистенькая. Мебель куплена, видимо, недавно. Из крупных вещей—сборная стенка и круглый стол с четырьмя стульями к нему. Телевизор, кресло-кровать. На широком подлокотнике лежит раскрытая книга.

В спальне—полупотурный литовский диван. И старое, толстого стекла зеркало с тумбочками. «Единственный предмет, перевезенный с прежней квартиры»,—подумалось майору. Над диваном он заметил фотографию, размером с открытку. Широколицый кудрявый улыбающийся юноша. Майору показалось, что он узнал, кто это.

— Пока Максим находился у вас, он жил в этой комнате?

— Нет.

— А фотография, которая там висит?

— Это Виктор.

«Ошибся,—подумал майор.—Однако они действительно очень похожи».

— Татьяна Леонардовна,—продолжал майор,—предлагаю предьявить мне все, что имеет какое-либо отношение к вашему сыну, Максиму Петровичу Дерякину. Вещи, документы, письма...

— Письмо было всего одно. Макс прислал его в начале этого года, после двухлетнего молчания.—Голос Татьяны Леонардовны чуть дрожал.—Направил на таллинский адрес, а уже оттуда переслали в Ригу: мы поменяли квартиру год назад. Макс писал, что был в советском посольстве в...—Она назвала столицу государства, о котором бородач в своем признании даже не заикнулся.—Просил у меня прощения, говорил, что раскаивается, что готов принять любое наказание, лишь бы разрешили вернуться на Родину. Умолял написать ему в отель, где он временно проживает.

— Письмо сохранилось? — спросил майор.
— Нет. Я ответила Максусу: «Приезжай, если по-
стят!» А письмо порвала и выбросила.
— Название отеля не помните?
— Помню очень хорошо. Отель «Скандия». От
слова «скандировать», вот как я запомнила. И номер
комнаты помню: три четверки... Четыреста сорок
четыре, господину Шервуду Джерри. Адвокату, кото-
рый хлопочет о возвращении Максима.
— Интересно, как вам удалось запомнить фамилию
адвоката? — Это уже спросил Алеша Лактионов. В
голосе его звучало недоверие. Но Татьяна Леонар-
довна не обиделась.
— Опять оказалось очень легко. У нас, бухгалте-
ров, должна быть хорошая память. Я развиваю ее
путем параллельного запоминания, по способу докто-
ра Леви. Вы, наверное, знаете его книги «Искусство
быть собой» и «Искусство быть другим». Я запомнила
потому, что «Шервуд» — это Шервудский лес из «Бал-
лады о Робине Гуде», а «Джерри» — у меня был
терьер Джерри. — Она чуть смущенно улыбнулась.
Эта немолодая, уже расплывшаяся женщина, оде-
тая далеко не по моде, держалась с достоинством,
внушавшим уважение.
— А что вы еще можете рассказать о Мак-
се? — спросил Савин.
— Очень мало. Он давно ушел от нас. Жил само-
стоятельно. А потом вообще переехал в другой город.
Меня огорчало, что он бросил университет и пошел на
часовой завод. Думаю, решение было принято до без-
влияния отца. Тот любил говорить, что дипломы
нужны только дуракам, а умным нужны деньги.
— А где его отец?
— Я двенадцать лет не имею о нем известий.
— А отец Виктора?
— Умер. Четыре года назад. Инфаркт.
— Татьяна Леонардовна, как же в руки Макса
попал паспорт брата? Ведь фактически Виктор Сер-
фик дал Максусу «вид на жительство», позволил
ездить не таясь, заниматься преступной деятельно-
стью почти в открытую.
— Я расскажу, как это получилось. — Голос ее
опять чуть дрогнул. — Когда Макс явился сюда, на
рижскую квартиру — это было в апреле, утром, — уз-
нав, что Виктора нет, попросил меня послать брату
телеграмму. Текст телеграммы будто вызубрил заране-
е: «Витя, вышли мне твой паспорт для получения
денежного перевода на твои имя. Мама». Таков был
текст, без всяких обычных для телеграфа сокраще-
ний. Я не хотела посылать телеграмму, но он меня
просил — умолил. Сын он мне...
— Но как мог знать Макс, что Виктора долго не
будет в Риге?
— Витя же в экспедиции десять месяцев в году! Так
было всегда. И при Максе. Макс это знал. Да и я
сказала...
— И он это использовал, — свернул Алеша Лакти-
онов.
— Использовал, — подтвердила, вздохнув, Татьяна
Леонардовна. — Но с паспортом еще не все... Когда
Виктор — он и не подозревал, что Макс вернул-
ся, — прислал мне свой паспорт ценным письмом,
Макс взял паспорт и тут же начал ныть, а это он
умеет: «Мама, напиши, что перевод задерживается и
что ты вернешь документ Витьке попозже». Тут я его
прямо спросила: «Ты приехал официально?» И он
ответил: «Я приехал полуофициально, но не волнуй-
ся, все в порядке, вопрос о возвращении в подданство
в основном уже решен, а пока пусть Виткин паспорт
будет у меня: мы же так похожи».
— А деньги у Макса были? — опять вмешался
Алеша.
— Не знаю. Во всяком случае, у меня денег он не
просил. Но мне ничего не давал. Те десять дней, когда
он не высывал носа из дому, ждал паспорт, я
все покупала сама, на свои деньги...
Алеша хотел еще что-то спросить, но Савин вернул
разговор в главное русло:
— Татьяна Леонардовна, вы говорили, что Макс
приехал в апреле?
— Да, помнится, в Межапарке еще был снег.
По моему, начало апреля.
— Как он был одет?
— Можно сказать, по-зимнему. Большая мохнатая
шапка. Куртка из нынешних модных. Ну, а потом он
все это бросил, стал носить Витины вещи. Его
рубашки, джинсы, обувь.
— А куда же делись те, зимние вещи?
— С ними было так. Макс сам завернул их в старые
газеты и закинул на антресоль в передней, сказал,
чтобы я не трогала, он их продаст. А потом уехал
срочно, сказал — хлопотать.
— Ну, и где они сейчас? — опять спросил молодой
помощник Александра Степановича: лейтенант Лак-
тионов заочно оканчивал юридический, готовился
стать следователем. «Пусть подключается к рабо-
те, — думал Савин, — пусть практикуется, когда есть
возможность».
— Они там же, в передней, на антресоли. Вам они
нужны? В ванной стоит лесенка, можно ее взять.
К дверцам антресоли была подставлена комнатная

стремянка. Алеша, раскрыв дверцы, подтянулся на
руках и до половины втиснулся в темную глубину.
Черный нейлоновый квадрат вызвал удивление
обоих понятих.
— Но это же не куртка! — воскликнул один из
них — старичок, вдруг осознавший значительность
своей роли. — Это даже не похоже на куртку!
— А вот мы сейчас проверим. — Майор встряхнул
кусок нейлона. Из него выпряхнулись рукава, обозна-
чился воротник, от которого вниз шла темная застеж-
ка — молния. Под левым рукавом майор нашел рези-
новый клапан, такой же, как на спасательных жиле-
тах. Начал в него дуть, нейлон стал раздуваться,
постепенно приобретая форму куртки пятьдесят вто-
рого или пятьдесят четвертого размера.
— Все равно это не зимняя куртка, — не сдавался
старичок. — Надувай не надувай, в ней же холодно!
— Это вам будет холодно, если вы наденете ее на
себя. — с усмешкой, адресованной кому-то третьему,
сказал майор. — А мне, если я увижу вас со стороны,
будет казаться, что вам тепло... Ишь, изобретатели!
Старичок ничего не понял, смутился и замолчал.
В темном прямоугольнике антресоли показалось
круглое лицо Алешы Лактионова:
— Александр Степанович, ловите шапку!
Майор Савин предьявил шапку понятиям. Попросил
осмотреть внимательнее. Опять старичок понятию
удивился:
— Поди ж ты... Такой пушистый малахай, а со-
жмешь — в карман засунуть можно... Вот что значит
заграница!
Майор неожиданно улыбнулся.
— В самую точку попали! Заграница хитра. Но и мы,
как видите, не лыком шиты.
Когда они прощались с понятиями на лестничной
площадке, бойкий старичок заговорщически подмиг-
нул майору, придвинулся к нему вплотную и сказал,
кинув на дверь:
— Сынок-то... на маму так орал. Я сам слышал, как
она плакала.
«Мама снилась мне в длинном белом оде-
янии...» — вспомнил Александр Степанович.
30
Прежде чем вместе с лейтенантом Лактионовым
покинуть Ригу, Савин позвонил по междугородному.
Служебные часы уже кончились, но полковник Сто-
ров был у себя.
— Только что вернулся с бюро горкома, — сказал
он после обмена приветствиями. — Решил забежать
сюда, узнать, какие новости. Начинайте с самых
важных.
— Важная новость одна. Нашлись вещи Арвида,
Шапка и куртка.
— Где?
— У Серфика на квартире. Он в таком виде
приехал в Ригу к матери. Тогда, в апреле.
— Видимо, «Арвид» было кодовым именем агента
для экипажа шхуны. Сам Серфик мог этого имени и не
знать. «Евангелист», не желая раскрывать «борода-
ча», назвал Бергманису это имя...
— Виталий Иннокентьевич, как он, дурак, не уни-
тожил улики-вещи?
— Ну что ж. Ответ тут может быть только один:
стоцентная уверенность в том, что он, ловкач и
хитрец, сделает свое дело прежде, чем мы нападём
на его след. Вы едете поездом?
— Да.
— Жду с докладом утром.
Утром майор Савин, захватив с собой лейтенанта
Лактионова, явился на доклад Виталий Иннокентье-
вич расхаживал по кабинету, довольно потирая
руки. Он был в хорошем настроении.
— Ну, что у вас еще?
— Вот что интересно, товарищ полковник, мать
Серфика упомянула имя адвоката Шервуда Джерри...
Полковник усмехнулся.
— Любопытная личность. Человек ЦРУ, и не скры-
вает этого. Официально Шервуд Джерри — адвокат
одного бостонского благотворительного общества.
Основное же поле деятельности — скандинавские
страны, где, по его утверждениям, адвокат следит за
правильным использованием пособий, полученных
нуждающимися студентами. Живет он в Бостоне. В
Европе постоянного адреса не имеет.
— Если вспомнить, что тренер Бергманиса тоже
был американец, тогда... — начал по своей привычке
размышлять вслух майор Савин.
— ...тогда — подхватил полковник, — есть основа-
ния думать, что операцию готовила главная импери-
алистическая разведка, то есть ЦРУ. Кое-что по
этому поводу может сообщить агент Дерякин. Но он
знает немногим больше, чем Бергманис. Попробуем
утвердиться в нашем предположении, исходя из
собственных данных. Будем опровергать! Как говорил
Оскар Уайльд: «Чтобы утвердиться в истине — опро-
вергайте ее!»
— Что-то уж очень мудрено, товарищ полковник.

— Ничего мудреного! Вы предполагаете, что пере-
броску агентов через границу организовало ЦРУ?
Докажите, что это не так!
— Мое первое возражение — очень далеко от
США, — сказал майор Савин.
— Отклоняется. Известно, что ЦРУ стремится про-
никнуть во все уголки планеты.
— Операция для ЦРУ слишком малозначитель-
ная, — заметил Алеша Лактионов, вспомнив «борода-
ча» в компании на пляже.
— Отклоняется. Заполучить в свои руки списки
чужих агентов — заветная мечта всех капиталистиче-
ских разведок и, конечно же, ЦРУ.
— Далеко не все страны разрешают американцам
хозяйничать на их территории, — нашел еще одно
возражение майор.
— Отклоняется, — отрезал полковник. — Такие
эmissары, как Шервуд Джерри, разрешения не спра-
шивают.
Вся картина представляется мне следующим обра-
зом, — продолжал полковник. — О гитлеровских
списках в Янтарном спецслужбе скорее всего знают
давно. Знают истинную цену спрятанных там докумен-
тов — не в долларах, а в душах. Но по каким-то
причинам планы изъятия документов остаются в
замороженном состоянии. Люди «адвоката Шервуда
Джерри» узнают, что живущий на одном из сканди-
навских островов эмигрант побывал в гостях у сестры
в том самом районе СССР, который их интересует.
Эмигрант Бергманис подвергается соответствующей
обработке. Его сравнительно легко удается опутать.
Однако при этом выясняется, что доверить операцию
Бергманису нельзя: на чисто отсутствует необходимая
любовь, и вообще он серый человек. На время
Бергманиса оставляют в покое.
Вскоре в поле зрения попадает невозвращенец — а
разведки интересуются как-бы таким субъек-
том, — который охотно становится агентом. Новый
агент молод, изворотлив, нагл, корыстолюбив. Сбе-
жал только в прошлом году, и в его памяти свежи
названия улиц, учреждений, фамилии людей, он еще
не потерял ощущения контакта с тем миром, который
бросил. Это чрезвычайно ценно. Но вот беда: его
там же еще не успели забыть! У людей еще свежи в
памяти обстоятельства, при которых он остался за
границей. Несмотря на это, агента номер два не
бросаю. С ним возыает, его здесь же, в Европе, в
«частной спортивной школе» обучают нескольким
зверским приемам из арсенала «кожаных воротни-
ков», или, иначе, «дубовых загривков», — так на
жаргоне ЦРУ зовется морская пехота.
Оружия агенту не дают. На случай провала сочиня-
ют душещипательную легенду: сын, совершивший
ошибку, не вынес разлуки с горячо любимой матерью
и тайком вернулся, чтобы повидаться с нею. Мы с
вами наверняка еще услышим о слезных статьях,
которые появляются в западной печати, когда спец-
службы узнают, что их ловкач арестован. Эти статьи,
обвиняющие большевиков в «душевной черствости»,
я уверен, уже написаны и только ждут своего часа.
Словом, все было продумано, подготовлено. Оста-
лось нерешенным одно: с какими документами по-
явиться агенту в СССР?
И тогда авантюрист Макс Дерякин пришел на
помощь своим хозяевам, сказав, что месяц-два может
жить по паспорту своего сводного брата, имеющего с
ним большое внешнее сходство. Он же предложил,
видимо, и свой вариант «ухода» из СССР после
осуществления «блицоперации» — на паромном теп-
лоходе, с помощью школьной подружки-экспедитора.
Таким образом и была создана группа «Бергма-
нис — Серфик». Группа, в которой один агент был
строго законспирирован, а другой «обрекался на
заклятие». Данный способ переброски агентов через
советскую границу не нов: к нему в свое время
несколько раз прибегал небезызвестный Борис Са-
винков. Границу переходит вооруженный отряд. Завя-
зывается бой, во время которого агент уходит вперед,
а остальные откатываются назад или гибнут.
В Янтарном у агента номер два неожиданно возни-
кает осложнение. Проворовался и сидит тот, кто
должен был обеспечить адрес. Но осложнение благо-
получно — с точки зрения агента! — ликвидировано.
Адрес женщины, у которой находится ящик с докумен-
тами, — в руках. В ту же ночь агент навещает вдову.
Предлагает ей большие деньги. Неудача: списки
переданы Бронниковой. Агент, конечно, здесь приме-
няет кое-какие приемы: вдова Маркевич не хочет
раскрывать Бронникову, но ей приходится это сде-
лать. Больное сердце Маркевич не выдерживает.
Агент спешит к Бронниковой. И у Бронниковой
неожиданная удача! Ну, а дальше закономерные
провалы. Уж больно спокоен и нагл «бородач» — пря-
мо-таки непрофессионально.
Вообще на всем этом деле лежит печать этакого
«арапства». Операция, сразу видно, была построена в
расчете на быстроту и нахальство. Она была аван-
тюрной в самом неприглядном значении этого слова.
«...Подонки, именно подонки, корыстолюбивый, на-
глый и жалкий человекишка», — вдруг отчетливо по-
думал майор Савин.

**ПОДПИСКА
НА «СМЕНУ»
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА НАШ ЖУРНАЛ В ТЕЧЕНИЕ 1984 ГОДА,
ТО МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ В ЛЮБОМ ПОЧТОВОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ,
В АГЕНТСТВЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» ДО 1-ГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
(НАПРИМЕР, В ТЕЧЕНИЕ МАЯ ДО 1 ИЮНЯ — НА ИЮЛЬ И ДАЛЕЕ).

Подписка проводится свободно, без ограничений.
Цена номера 35 копеек.
Не забудьте при этом, что «Смена» выходит два раза в месяц.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

**2
шашечная
ОЛИМПИАДА**

Под редакцией
мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Как провести турнир

Многие читатели спрашивают: как провести соревнование по шашкам в коллективе?
Существуют следующие системы проведения соревнований:

круговая система, при которой каждый участник (или команда) поочередно встречается со всеми остальными участниками в один или несколько кругов;

олимпийская система (с выбыванием), когда спортсмен (или команда), проигравший встречу, выбывает из дальнейшего участия в данных соревнованиях;

швейцарская система («выборочного жребия»), при которой в зависимости от числа играющих по условиям соревнования устанавливается определенное количество туров;

система микроматчей, при которой исход каждой встречи участников определяется в матче из двух партий.

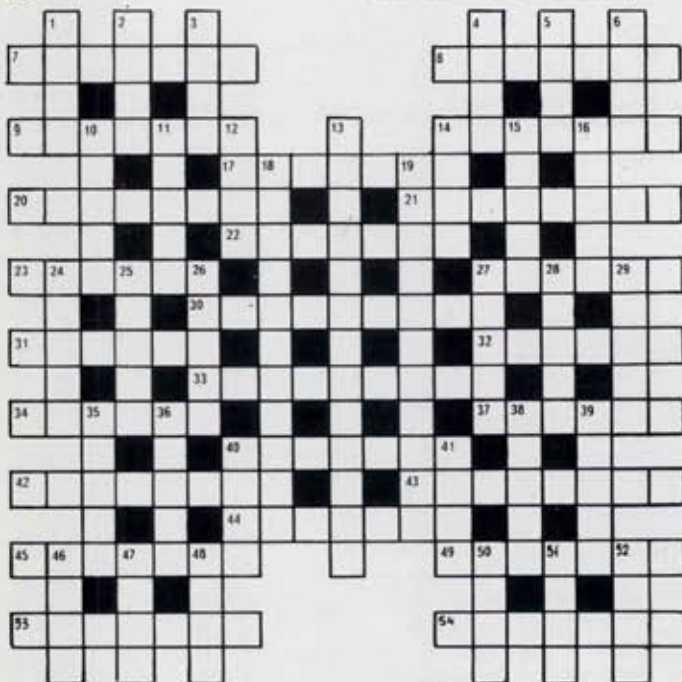
В личных соревнованиях могут устанавливаться классификационные нормы — от юношеских разрядов до гроссмейстерских баллов. Одним из важнейших условий выполнения нормы является общая численность участников соревнования. Для его проведения создается организационный комитет, который после соревнования оформляет турнирную таблицу и представляет ее в спортивную организацию.

Чтобы выполнить норму третьего разряда, необходимо набрать 75 процентов очков во встречах с безразрядниками, 50 процентов — во встречах с третьеразрядниками, 33 процента — во встречах со второразрядниками. Для выполнения нормы второго разряда надо набрать 67 процентов очков во встречах с третьеразрядниками, 50 процентов — со второразрядниками, 33 процента — с перворазрядниками, а для выполнения нормы первого разряда: 67 процентов — со второразрядниками и 50 процентов — с перворазрядниками. Если в коллективе все безразрядники, то для выполнения нормы третьего разряда необходимо набрать 75 процентов очков.

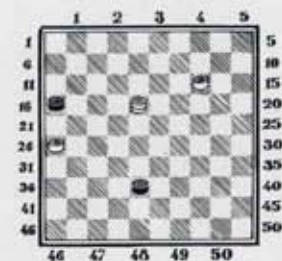
Участникам олимпиады «Смены», которые проведут у себя в коллективе классификационные турниры, будут начислены дополнительные очки от 5 до 15. Копию заверенной печатью турнирной таблицы необходимо прислать в редакцию отдельным письмом. Лучшие организаторы турниров будут награждены книгами по шашкам, грамотами «Смены» и Федерации шашек СССР.

Десятый тур

Для заданий этого тура предлагаем классические композиции.

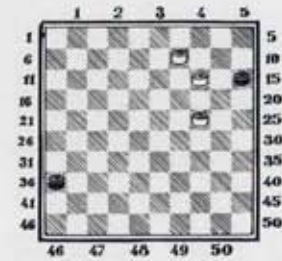

1. Нико (Франция)

Белые начинают и выигрывают (4 балла).

2. Мозер (Голландия)

Этот эндшпиль является «хамелеоном», то есть белые выигрывают и в том случае, если идут сверху вниз — после поворота позиции на 180°.
Белые начинают и выигрывают. Укажите оба случая (4 балла).

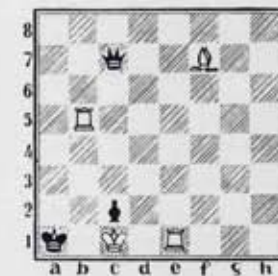
Ответы на задания этого тура присылайте с пометкой: «2-я шашечная олимпиада. 10-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 июля (по почтовому штемпелю).

**26
шахматная
ОЛИМПИАДА**

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО
В защите — ферзь!

В предыдущем туре участникам шахматной олимпиады были предложены задачи с «голым» черным королем. Судя по поступающим ответам, большинство читателей успешно справились с заданиями. В задачах сегодняшнего тура в свете черного короля — сильнейшая фигура, что значительно увеличивает защитительные ресурсы. Такие миниатюры даже выделяются в специальную группу — «с черным ферзем». Действительно, укротить ферзя малыми средствами и одновременно добиться выразительной игры нелегко. Но зато борьба сторон приобретает более живой, игровой характер, а трудность решения повышается.

**Десятый тур
1**

Белые: Крп1, Лб5, Ле1, Сг7 (4)
Черные: Кра1, Фс7, п. с2 (3)
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Крп1, Лс4, Сд6, Кд1 (4)
Черные: Крп1, Фг6, п. f2 (3)
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Крп1, Ле7, Лг2, Сб3 (4)
Черные: Крп8, Фб8, п. b4 (3)
Белые начинают и дают мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 10-й тур». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — 15 июля.

КРОССВОРД

Составил Р. ЕЛЕНИН,
Москва

По горизонтали:

7. Дорожный сундук. 8. Химический элемент. 9. Африканская мартышка с коротким хвостом. 14. Доска, на которой художник пишет с натуры. 17. Музыкант. 20. Крепкая, спящая дружба. 21. Насекомое, похожее на лист или ветку дерева. 22. Временная шумиха, волнение. 23. Подставка для прибора. 27. Последовательное изложение событий в романе, повести. 30. Фермент, участвующий в перестройке молекул в живых клетках. 31. Смазочное масло. 32. Доля, судьба. 33. Тысячекратная единица магнитной индукции. 34. Черный дельфин. 37. Горизонтальный

поперечный брус на корме деревянных судов, лодок. 40. Первоначальное название на Руси воина-ветерана. 42. Итальянский композитор, положивший начало программному симфонизму. 43. Штат США. 44. Химическое название кислорода. 45. Спортивная игра. 49. Качество резкого по чистоте и свежести тона цвета. 53. Русское название свирели. 54. Крупная болотная птица.

По вертикали:

1. Кровельный материал. 2. Прибор для исследования верхних слоев атмосферы. 3. Государство в Западной Африке. 4. Ловкий, оборотистый человек. 5. Накопление, капитал. 6. Музей-заповедник деревянного зодчества в Карелии. 10. Персонаж оперы З. Палишвили «Абесалом и Этери». 11. Известный русский архитектор. 12. Подзем-

ная горная выработка. 13. Раздел народоведения, изучающий особенности расселения человечества. 14. Часть дома с комнатами на одном уровне. 15. Явленная рыба у народов Севера. 16. Американский страус. 18. Жук, полезный для леса. 19. Персонаж оперы Д. Верди «Риголетто». 24. Зерноочистительная машина. 25. Способ воздушного боя. 26. Столовый прибор. 27. Трагедия Гете. 28. Русский напиток. 29. Русский мореплаватель XIX века. 35. Американский космонавт. 36. Французский композитор XIX века. 38. Специальный технический нож. 39. Оттенки, небольшое отличие. 40. Предмет слепого поклонения. 41. Героиня повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». 46. Приток Оби на Алтае. 47. Бахчевая культура. 48. Домашнее животное. 50. Торжественный званый вечер. 51. Геометрическая фигура. 52. Польза, прок.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.04.84. Подписано к печати 17.04.84. А 09967. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1178. Заказ № 2574. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**СТАРЫЙ ФЛИГЕЛЬ
НА БОЖЕДОМКЕ.
НЫНЕ — УЛИЦА ДОСТОЕВСКОГО,
ДОМ ДВА.**

Многое... Но хранители музея не желали успокаиваться, искали новые штрихи, новые детали прежней обстановки, с трогательностью и любовью старались восстановить любые подробности прежнего быта. Три года длилась последняя реставрация. Очень помогли воспоминания брата писателя, Андрея Михайловича, архитектора по профессии. И когда, наконец, в начале 1983 года музей снова открылся для посетителей, его организаторы больше не сомневались: да, именно такими видел эти комнаты Федор Михайлович Достоевский...

Многих гостей привлекает дом. Они смотрят, слушают, восхищаются. И уходят просветленные новым знанием о творчестве и судьбе Достоевского.

**Максим АЛЕКСЕЕВ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ**

**СЕМЕРЫМ ДЕТЯМ
ОТВОДИЛАСЬ ДЛЯ ИГР
РАБОЧАЯ ЗАЛА.**

**НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
АННА ВЛАДИМИРОВНА
ЛЮБИМОВА ВСТРЕЧАЕТ
НОВЫХ ГОСТЕЙ.**

**ЗАПОВЕДНЫЙ
УГОЛОК МОСКВЫ.**

**ПО ВЕЧЕРАМ
СЕМЬЯ ДОСТОЕВСКИХ
СОБИРАЛАСЬ
В КОБАЛЬТОВОЙ
ГОСТИНОЙ.**

К ДОСТОЕВСКОМУ

Солнце пробивается сквозь занавески, деревья шумят свежей весенней листвой, тревожа тишину старого флигеля...

Дом постепенно оживает, словно вспоминая прежних своих хозяев.

Кажется, будто не остыли еще чуть закопченные изразцы большой голландской печи и вот-вот вспыхнет в ней прежний огонь. И рассеется холод в тесноватой кобальтовой гостиной, плеснет пламя свечей в бронзовых канделябрах, шевельнутся страницы раскрытого тома «Истории государства Российского». Потом откроется дверь, и войдет подросток...

Музей-квартира Федора Михайловича Достоевского. Заповедный уголок Москвы, где вырос великий русский писатель.

Еще в начале девятнадцатого века появилось здесь, среди хилых строений сонной Божедомки, высокое белоснежное здание Марининской больницы для бедных, задуманное еще великим Кваренги и возведенное щедрым и плодовитым зодчим Иваном Жиларди.

В Маринке служил штаб-лекарем отец будущего писателя Михаил Андреевич, здесь же и родился 30 октября 1821 года младенец, названный Федором. Первые шестнадцать лет его жизни прошли в старом флигеле, в

**ЭТИМ КОРИДОРОМ ШТАБ-ЛЕКАРЬ
М. А. ДОСТОЕВСКИЙ
ХОДИЛ НА СЛУЖБУ.**

казенной квартире, окнами выходившей в ближний сад.

Музей Ф. М. Достоевского — один из первых в нашей стране литературных музеев. В 1928 году по инициативе Луначарского была развернута здесь экспозиция. Еще раньше, в 1918-м, появился на Цветном бульваре памятник из черного гранита, выполненный Сергеем Меркуровым. Но лишь когда перенесли его во двор Марининской больницы, под окна дома-квартиры, определился окончательный облик музея, способного многое поведать посетителям о личности великого русского писателя.

